

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

Здесь лежат
Гарри Дрезден
Он умер
за правое дело

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА
ХОЛОДНЫЕ ДНИ

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом,
боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

**Архивы Дрездена: История
призрака. Холодные дни**

«Азбука-Аттикус»

2011, 2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: История призрака. Холодные дни / Д. Батчер — «Азбука-Аттикус», 2011, 2012 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-23059-0

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... Не очень-то приятно, когда тебя убивают. Вот и Гарри Дрезден думает точно так же. Но представьте себе его удивление, когда вместо тихого местечка на кладбище он оказывается в Чикаго-Между – городе-чистилище, между миром мертвых и миром живых. И у Гарри теперь есть лишь два пути: либо остаться здесь и заняться полицейской работой, либо отправиться в мир живых, чтобы раскрыть собственное убийство. Правда, не иначе как в виде призрака. Гарри выбирает второе («История призрака»). Час от часу не легче. Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, поручает Гарри – а он ее Зимний Рыцарь и послушаться приказов Королевы не может – убить не кого-нибудь, а свою дочь Мэйв, Зимнюю Леди. Но та, как и все фэйри, бессмертна. Поэтому задача невыполнима. Вроде бы. Да и надо ли подчиняться Мэб? А вдруг она повредила в уме? Или ею управляют какие-нибудь темные силы? В общем, для чародея Гарри куда ни сунься – одни проблемы («Холодные дни»). Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23059-0

© Батчер Д., 2011, 2012
© Азбука-Аттикус, 2011, 2012

Содержание

История призрака	7
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Джим Батчер

Архивы Дрездена: История призрака; Холодные дни

Jim Butcher

GHOST STORY

Copyright © 2011 by Jim Butcher

COLD DAYS

Copyright © 2012 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2014

© М. Г. Вершовский, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Батчер... разворачивает перед нами мрачноватое детективное полотно с мастерски сотканным, дышащим сверхъестественностью узором.

Booklist

Великолепная коллекция произведений, где герой снова и снова показывает, на что он способен, проникая в таинственные закоулки чарующего фантастического мира.

SFRevi

Гарри Дрезден – абсолютно оригинальный герой в абсолютно оригинальном мире. Каждая книга из этой серии – великое приключение.

Шарлин Харрис, автор цикла-бестселлера "Вампирские тайны"

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

История призрака

Небу, чьи пастельно-бронзовые краски вдохновили меня ввести в сюжет Мэб

Благодарности

Как всегда, моей признательности заслуживают многие люди, а места для ее выражения здесь не слишком много. На этот раз мне хотелось бы особенно поблагодарить моего редактора Энн, которая мирилась с тем, что я неоднократно задерживал и не вовремя сдавал рукопись. Уверен, что тем самым я доставил ей изрядную головную боль, как и некоторым сотрудникам издательства «Penguin», пытающимся составить расписание выхода книг. Мой агент Дженн оказала мне неоценимую помощь в улаживании всех этих тернистых вопросов, и ей тоже я искренне признателен. Я не преминул бы покаянно извиниться перед всеми вами, если бы имел убежденность, что это никогда больше не повторится. С учетом всех обстоятельств такие извинения могли бы показаться неискренними, поэтому я просто благодарю вас за терпение и понимание.

Участникам тест-группы «Beta Asylum» я должен выразить гораздо больше благодарности, чем обычно, особенно тем, кто уделил моей рукописи много внимания и времени в последние несколько недель перед новым «последним» сроком сдачи книги в печать. Ваши отзывы, поддержка и советы стали особенно бесценны.

Моим дорогим постоянным читателям выражаю особенный респект за вашу терпеливость, учитывая то, на чем я завершил предыдущий роман, а затем заставил всех ждать еще три месяца сверх обычного срока, пока наконец не убедился, что следующая книга – эта – готова к выходу. Наслаждайтесь! (Формально, ребята, роман «Перемены» НЕ закончился катастрофой. Seriously.)

Конечно, я благодарен Шеннон, которой пришлось жить со мной во время этого более безумного, чем обычно, периода, пока создавался данный роман. Шеннон, я почти уверен, что снова стану нормальным в достаточно близком будущем. Постараюсь загладить свою вину.

Глава 1

Жить тяжело.

Умирать легко.

Для сотворения жизни требуется множество совпадений. Это должно происходить в месте, годном для проживания, а по масштабам Вселенной таких мест днем с огнем не найти. Кроме того, необходимо в той или иной мере наличие родителей. А еще с момента зачатия до родов тоже много всякого может произойти – не говоря уже о том, сколько сил и внимания требует уход за новым существом, пока оно не вырастет и не сделается самостоятельным.

Жизнь полна тяжелого труда, жертвенности и боли, и к тому моменту, когда мы перестаем расти, мы уже знаем, что начали умирать. Год за годом мы можем лишь беспомощно наблюдать, как стареет и дряхлеет наше тело, но инстинкт самосохранения заставляет нас жить дальше – из чего следует, что нам приходится проводить наши дни с жутким осознанием неотвратимости смерти. Сама по себе жизнь в таких условиях требует от нас огромных усилий, и этот процесс полон подводных камней и неожиданных затруднений.

По сравнению с этим прекратить жизнь несложно. Я бы даже сказал, легко. Это можно сделать, приложив минимум усилий: достаточно одного-единственного микроба, острого угла, тяжелого предмета... или нескольких унций свинца.

Так трудно взрастить. Так легко уничтожить.

Можно подумать, из-за этого мы ценим жизнь больше.

Я умер в воде.

Я так и не узнал, истек ли я кровью от пулевого ранения или захлебнулся водой. Забавно: при жизни мы больше всего боимся смерти. Но стоит ей произойти – и подробности ее нам уже не важны. Да и сама смерть нас больше не пугает. Слышали, что рассказывают пережившие клиническую смерть? Ну, про туннель и свет в дальнем его конце? Так вот, я там был. Все так и есть.

Правда, я нигде не встречал, чтобы кто-то, спеша на этот самый свет, услышал оглушительный гудок тепловоза.

До меня смутно дошло, что я стою на чем-то вроде рельсов и шпал. Я понял это по их вибрации, усиливавшейся по мере приближения поезда. Она передавалась мне через подошвы башмаков – и сердце мое тоже забилося быстрее в такт этой вибрации.

Кстати, не я ли только что говорил, что смерть после смерти больше не страшна? Забудьте.

Все же я упрямо подбочился и насупился, глядя на приближающийся свет. Слишком утомительные сутки у меня выдались: я сражался с силами зла, уничтожил под корень всю Красную Коллегию, спас собственную дочь, убил ее мать... ах да, еще меня самого застрелили насмерть. В общем, все в таком роде.

Мне полагалось бы покоиться с миром, или раствориться в божественном сиянии, или стоять в очереди на американские горки, а может, вариться в котле под громкую музыку с одним Барри Манилоу в плей-листе. Ведь именно так происходит, когда вы умираете. Каждому воздается по заслугам. Вы получаете ответ на главные вопросы жизни.

– Но не попадаете под поезд, – угрюмо буркнул я, скрестив руки на груди, расставив ноги и упрямо выпятив подбородок.

Поезд тем временем с грохотом приближался.

– Что это с вами? – проревел мужской голос почти у меня над ухом. Чья-то сильная рукахватила меня за правый локоть и рывком сдернула с рельсов. – Вы что, чертова поезда не видите?

Упомянутый поезд с ревом пронесся мимо – разъяренный зверь, рычащий в досаде на упущенную добычу. Поднятый им вихрь едва не затянул меня обратно на рельсы.

Прошла, казалось, вечность, пока последний вагон не скрылся в ночи. Я полежал ничком еще немного, задыхаясь, с отчаянно колотящимся сердцем. Только дождавшись, пока оно чуть-чуть не уймется, я приподнял голову и огляделся по сторонам.

Я валялся на чистой, хотя и потрескавшейся от времени бетонной платформе, под фонарем – таких станций в чикагских пригородах хоть отбавляй. Эта показалась мне знакомой, но точно вспомнить ее мне не удалось. Я не увидел ни одного пассажира. Ни вывесок с названием, ни расписаний. Просто платформа и пустое, чистое, лишенное каких-либо особых примет здание.

И пара начищенных штиблет.

Взгляд мой скользнул вверх по штанинам и запечатлел мужчину лет тридцати, смотревшего на меня сверху вниз. Сложением он напоминал хорошую наковальню; казалось, что, если вы вдруг, сдавая машину задним ходом, ненароком на него наедете, он останется невредим, а вы помнете крыло. Темные глаза светились живым умом, волосы уже начали редеть, и, хотя красавцем я бы его не назвал, лицо его было из тех, что помимо твоей воли вызывают доверие.

– Поезда на юг в последнее время ходят довольно быстро, – заметил он. – Я так решил, что вы, мистер, не особенно стремитесь попасть именно на этот.

Я продолжал молча тарашиться на стоявшего передо мной мужчину. Добавив мысленно лет двадцать возраста и фунтов сорок веса, я понял, что он мне знаком.

– К... – пробормотал я, заикаясь. – К-к-к...

– Давайте попробуем вместе, – предложил он. – Кармайкл.

– Но вы же... – не выдержал я. – Того... умерли.

Он фыркнул:

– Ну да, приятель. Зато теперь у нас будет настоящий, лицензированный детектив. Чародей в придачу. – Он с ухмылкой протянул мне руку. – А вообще, кто бы говорил, а, Дрезден?

Оглушенный, я поднял руку и позволил сержанту Рону Кармайклу, бывшему сотруднику отдела специальных расследований чикагской полиции, поднять меня на ноги. Он работал с Мёрфи. И он отдал жизнь, спасая ее от обезумевшего луп-гару... адские погремушки, уже больше десятка лет прошло! Я сам видел, как он погиб.

Приняв более или менее вертикальное положение, я некоторое время смотрел на него, потрясенно качая головой. Ростом я был здорово повыше его.

– Вы... – пробормотал я. – Вы отлично выглядите.

– Просто удивительно, что с тобой может сделать загробная жизнь. – Он театрально округлил глаза. – А ведь какие только средства я не пробовал, чтобы похудеть! – Кармайкл покосился на часы. – Все это, конечно, очень занятно, но нам пора двигаться.

– Э-э-э... – осторожно заметил я. – А куда именно двигаться?

Кармайкл поковырялся в зубах зубочисткой.

– В контору. Идем.

Я последовал за ним через станционное здание на улицу, где стоял старый золотистый «мустанг». Он обошел машину и сел за руль. Было темно. Моросил дождь. Фонари горели, но место выглядело заброшенным – никого, кроме нас двоих. Я все еще не мог определить, в каком районе Чикаго мы находимся, и это показалось мне чертовски странным: я неплохо знаю свой город. Секунду-другую я медлил, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь знакомого ориентира.

Кармайкл перегнулся через сиденье и распахнул мне дверцу:

– Не ломайте голову, приятель. Здесь не только те дома, которые стоят, но и те, которые могли бы здесь стоять. Будете думать об этом слишком много – голова распухнет.

Я еще раз оглянулся, сел в «мустанг» и захлопнул за собой дверцу. Кармайкл медленно вырулил на пустую улицу.

– Это не Чикаго, – сказал я.

– Гениально, – дружелюбно заметил он.

– Тогда... где мы?

– Между.

– Между чем? – не понял я.

– Между чем? – переспросил он. – Между кем. Между где. Между когда.

Я нахмурился:

– Вы не упомянули «почему».

Он покачал головой и ухмыльнулся:

– Не-а, дружище. К «почему» мы здесь относимся с большим почтением. Мы, можно сказать, большие поклонники «почему».

Я нахмурился чуть сильнее:

– Почему я здесь?

– Вы никогда не слышали о прологе? – ответил Кармайкл вопросом на вопрос. – Хотите сразу перейти к основному действию?

– «Почему я здесь» – в смысле «а не там, где мне вроде бы положено находиться».

– Может, вы сейчас пребываете где-то при смерти, – предположил Кармайкл. – Может, вы тонете и все это иллюзия, которую создает вам мозг, чтобы укрыть от вас суровую правду.

– Здесь? С вами? Я встречался со своим подсознанием – оно, конечно, безумно, но не настолько.

Кармайкл рассмеялся – громко, тепло, от души.

– Но такое здесь вполне могло бы происходить. Вот в этом и суть.

– Ничего не понимаю. Вообще ничего.

– И в этом тоже суть, – кивнул он.

Я испепелил его взглядом.

– Приятель, – сказал он, продолжая улыбаться, – вам позволено увидеть ровно столько, сколько вы в состоянии переварить. Прямо сейчас мы с вами находимся в каком-то месте, которое сильно смахивает на Чикаго, едем под дождем в моем старом «мустанге», потому что таковы ваши пределы восприятия. Все, что сложнее, предотвратило бы... – он помолчал, подбирая слова, – возможность вероятностей, а у нас здесь это нецелесообразно.

Я немного подумал.

– Вы употребили «предотвратило» и «нецелесообразно» в одном предложении.

– Я тут раздобыл календарь «по слову в день», – сказал он. – Не поднимайте лишнего шума из-за пустяка.

– Да вы смеетесь? – осведомился я, откидываясь на спинку сиденья. – Поднимать шум – для меня смысл жизни.

Кармайкл хмыкнул и сощурил глаза.

– Посмотрим, – сказал он. – Посмотрим.

Глава 2

Кармайкл остановил «мустанг» перед домом, напомнившим мне ранние серии «Сетей зла». Он припарковался у безлюдного тротуара, и мы направились к дверям.

– Так куда мы все-таки идем?

– Я же сказал. В контору.

Я нахмурился:

– А поконкретнее нельзя?

Он огляделся по сторонам:

– Не здесь. Эта территория небезопасна. Здесь повсюду уши.

Я задержался на совершенно пустом тротуаре и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую: ничего, кроме редких фонарей, дорожных знаков и окон, за которыми не виднелось ни света, ни занавесок, – ни дать ни взять пустые глазницы трупа, даже еще менее выразительные.

– Угу, – заметил я. – Просто сплошная интрига.

Кармайкл тоже задержался в дверях и оглянулся через плечо. Пару секунд он молчал, потом заговорил тихим голосом, лишенным даже намека на шутку:

– Здесь водятся существа, Дрезден. И некоторые из них хуже, чем смерть. Так что лучше бы вам войти.

Я закатил глаза. Но...

Что-то в окружающей меня пустоте вдруг начало изрядно действовать мне на нервы.

Я сунул руки в карманы и попытался войти в здание не спеша, прогулочным шагом. Эффект оказался немного смазан ярко выраженным желанием отгородиться от этой пустоты

надежной каменной стеной. Кармайкл отворил дверь ключом и пропустил меня внутрь первым. Прежде чем снова запереть дверь, он еще раз внимательно оглядел пустую улицу.

Кармайкл кивнул охраннику, патрульному полицейскому в парадной форме. Тот стоял у дверей лифта в непринужденной позе, заложив руки за спину. Мундир у охранника был просто идеален. Идеально чист, с идеально отутюженными стрелками, и перчатки безукоризненно белые. Из лакированной черной кобуры на поясе торчала хромированная, с гравировкой рукоятка револьвера. Черты лица тоже соответствовали одежде: правильные, волевые, строгие.

Я задержался, хмуро глядя на охранника, и включил Зрение.

Профессиональные чародеи вроде меня имеют в распоряжении самые разные невероятные штуковины. Одной из самых невероятных является Зрение. То, что в разные эпохи и в разных культурах называли внутренним зрением, третьим глазом, дьявольским оком и еще много как. Оно позволяет чародею видеть истинную природу окружающих его вещей, а также невидимый мир энергий. Это опасная штука. Стоит вам увидеть что-то с помощью Зрения, и оно останется с вами навсегда, не стираясь из памяти и не тускнея со временем. Одного взгляда на что-нибудь недостаточно, чтобы распрощаться со здравым рассудком.

Но от всей этой сцены слишком отдавало фильмами Рода Серлинга. Мне просто необходимо было найти хоть что-нибудь, что я мог бы идентифицировать, что-то знакомое, нечто такое, чем бы меня не кормил с ложечки некто, похожий на помолодевшего, постройневшего Кармайкла. Вот я и решил попытаться идентифицировать единственный объект, который, скорее всего, мог бы рассказать мне кое-что о тех, кто меня окружает, – источник энергии.

Я сосредоточил внимание на пистолете охранника.

В течение секунды ничего не происходило. Потом серебро и чернение блестящего оружия изменились, и оно начало менять форму. Кобура удлинилась на глазах, опустившись охраннику до щиколотки, да и сам револьвер тоже изменился: рукоять распрямилась и превратилась в эфес классического меча. От него исходило сияние – нет, не отраженный свет, а собственное свечение клинка.

Взгляд голубых глаз охранника мгновенно скользнул ко мне. Он предупреждающе поднял руку.

– Не надо, – мягко произнес он.

Внезапно, словно передо мной захлопнули невидимую дверь, мой Взгляд выключился, и оружие снова превратилось в пистолет.

Охранник кивнул мне:

– Прошу прощения за резкость. Вы могли пострадать.

Я присмотрелся к нему. На бейджике виднелось имя: «АМИТИИЛ».

– Э-э-э... Ну да, конечно, – тихо произнес я, демонстрируя ему пустые руки. – Никаких проблем, приятель. Нет, правда.

Кармайкл уважительно кивнул охраннику и ткнул пальцем в кнопку вызова лифта. Дверь раздвинулась сразу же.

– Идемте, мистер. Время – деньги.

Охранник Амителил, похоже, счел это заявление забавным. Он улыбнулся и коснулся козырька фуражки двумя пальцами, салютуя Кармайклу. А потом снова застыл в расслабленной позе, невозмутимо глядя в ту пустоту, что действовала мне на нервы.

Двери лифта закрылись, и кабина, дернувшись, начала движение.

– Итак, – сказал я, – теперь, когда между нами и тем, насчет чего вы беспокоились, стоит как минимум один ангел-хранитель, вы можете мне сказать, куда мы направляемся?

К уголкам глаз Кармайкла сбежались морщинки.

– Я и так уже перерабатываю в качестве экскурсовода, Дрезден. Вам нужно поговорить с капитаном.

Кармайкл провел меня через помещение, уставленное офисными столами без перегородок. Все это напоминало отдел специальных расследований в чикагском управлении. За столами сидели несколько мужчин и женщин – они работали с бумагами, перебирали папки, разговаривали по телефону... ни дать ни взять за повседневной работой. Все до единого производило впечатление ровесников Кармайкла, пребывая в том возрасте, когда энергия молодости и жизненный опыт достигают некоторого подобия баланса. Я никого из них не узнал, но Кармайкл кивнул двум-трем в знак приветствия и получал ответные кивки. Он проследовал через весь зал к двери в единственный отдельный кабинет и постучал.

– Войдите, – послышался изнутри негромкий баритон.

Кармайкл распахнул дверь и пропустил меня в кабинет, маленький, но обжитой. Здесь стояли старые шкафы для документов, старый деревянный стол, несколько старых деревянных стульев. На столе – коробка для входящих документов, коробка для исходящих документов, игла для нанизывания бумаг и телефон с дисковым набором. Компьютера не было. Вместо него на боковом столике виднелась старая электрическая пишущая машинка.

Мужчина, сидевший за столом, тоже производил впечатление Кармайклова ровесника, а еще смахивал на профессионального боксера. Кожу вокруг глаз тут и там стягивали шрамы, а нос, похоже, не раз был сломан. Пиджак он снял и повесил на спинку стула, так что бицепсы, едва не рвавшие на нем белую рубашку, не скрывало ничто. Рукава он закатал выше локтя – и руки его в обхвате ненамного уступали деревянному телеграфному столбу, а крепостью, пожалуй, так и вообще не уступали. Образ дополняли светлая шевелюра, голубые глаза и челюсть, при виде которой в голове сразу возникали ассоциации с бульдогом. Мужчина тоже показался мне смутно знакомым.

– Джек, – обратился к нему Кармайкл, – это Дрезден.

Джек, не вставая, окинул меня взглядом с головы до пят и не произнес ни слова.

– Он всегда такой до первой чашки кофе, – объяснил мне Кармайкл. – Не принимайте это на свой счет.

– О! Кофе! – нарушил я воцарившуюся за этими словами тишину. – Неплохая мысль.

Пару секунд Джек внимательно на меня смотрел.

– Дрезден, – произнес он эдаким медовым голосом. – Дрезден, вы голодны?

– Нет.

– А пить хочется?

Я немного подумал:

– Нет.

– Это потому, что вы умерли, – сообщил Джек, и по лицу его скользнула улыбка – короткая и не сказал бы, что ободряющая. – Вам больше не нужно пить. Вам больше не нужно есть. Кофе не будет.

Я вопросительно покосился на Кармайкла.

– Я остаюсь при своем мнении. – Кармайкл посмотрел на Джека и ткнул большим пальцем в сторону двери. – Мне нужно вернуться к делу с ракшасом.

– Иди, – произнес Джек.

Кармайкл хлопнул меня по руке.

– Удачи, парень, – сказал он, – развлекайся!

Он вышел уверенным шагом делового человека, оставив меня наедине с Джеком.

В воздухе повисло неловкое молчание.

– Это не совсем то, чего я ожидал от загробной жизни, – заявил я.

– Потому что это не она, – ответил Джек.

Я нахмурился:

– Вы же сказали, я умер. Значит, это загробная жизнь.

– Вы умерли, – подтвердил Джек. – Но это – Между.

Я нахмурился еще сильнее:

– Что-то вроде... чистилища?

Джек пожал плечами:

– Если вам так привычнее, можете называть и так. Но вы здесь не потому, что вам нужно очиститься. Вы здесь потому, что ваша смерть выбивается из общего ряда.

– Меня застрелили. Или утопили. Не самый редкий случай.

Джек поднял ручищу и помахал ею в воздухе:

– Речь не о физической стороне. О духовной.

– Духовной? – переспросил я, продолжая хмуриться.

– Ваши оппоненты, – пояснил Джек. – Вы погибли, потому что они смошенничали.

– Пойдите. Какие оппоненты?

– Ангел, стоящий на часах у лифта, мог бы послужить тем, что мы, копы, называем зацепкой. Или вам портреты предъявить?

– Эм... Черт, вы имеете в виду... Настоящих Падших ангелов?

– Не совсем. Но если вам так привычнее считать, сойдет. Вроде этого. А вот что существенно и что вам стоит знать – так это то, что они плохие парни.

– Значит, – пробормотал я, – все из-за того, что они нарушили какие-то вселенские законы?

– Вы стояли у них на пути. Они хотели, чтобы вы исчезли. Для того чтобы это случилось, они нарушили законы. В результате вы стали уже моей проблемой.

Я смерил его хмурым взглядом, потом посмотрел на себя. Как выяснилось, на мне были джинсы, черная футболка без рисунка и мой черный кожаный плащ – который, будучи изорванным в клам, погрузился в воды озера за час или два до того, как меня застрелили. Я имею в виду, плащ безвозвратно погиб.

Тем не менее он красовался на мне, целый и невредимый. Как новенький.

Вот это почему-то хлопнуло меня по мозгам сильнее, чем все остальное, вместе взятое.

Я умер.

Я умер!

Чикаго, Белый Совет, мои враги, мои друзья, моя дочь... Все это исчезло. Безвозвратно. И я не имел ни малейшего представления о том, что будет со мной дальше. Комната пошла кругом. Ноги разом сделались ватными. Я плюхнулся на стул лицом к Джеку.

Все это время я ощущал на себе его взгляд.

– Сынок, – произнес он, помолчав немного, – мы все через это проходим. Знаю, с этим трудно смириться, но тебе придется взять себя в руки, иначе я ничем не сумею тебе помочь.

Я зажмурился, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и в первый раз обратил внимание на то, как замечательно я себя чувствую в физическом плане. Такого со мной не бывало с самого детства, когда энергия буквально захлестывала меня и я испытывал острую необходимость тратить ее направо и налево – желательно на что-нибудь приятное. Руки-ноги словно стали сильнее, быстрее, легче.

Я покосился на левую руку и увидел, что от шрамов, полученных в результате жуткого ожога несколько лет назад, не осталось и следа. Я сделался цел и невредим, словно со мной никогда и ничего не случилось.

Я попробовал мыслить логически, и до меня дошло, что на самом деле я не чувствую себя так уж хорошо, – просто мне не доставало длинного списка ранений и прочих травм. Старый-старый шрам чуть ниже правого локтя – я заработал его, чистя рыбину, которую поймали мы с дедом (дедом!), – тоже исчез.

Постоянное негромкое, но несмолкаемое нытье старых ран по всему телу исчезло без следа. Что, если подумать, вполне естественно, поскольку исчезло и само тело.

Боль прекратилась.

Я провел по лицу рукой.

– Простите, – пробормотал я. – Слишком много всего и сразу.

Он снова заулыбался:

– Ха. Просто подождите.

Его тон начинал меня раздражать. Что ж, раздражение являлось чем-то привычным, за что можно было держаться, и я, упершись в него широко расставленными воображаемыми ногами, сумел-таки остановить вращение стен.

– Итак, кто вы такой? – спросил я. – И чем можете мне помочь?

– Если вам хочется меня как-то называть, зовите меня «капитан». Или «Джек».

– Или «Воробей», – не удержался я.

Джек смерил меня полицейским взглядом, в котором не читалось ничего, кроме легкого, едва заметного неодобрения. Он выудил из стопки папку с бумагами и шлепнул на стол перед собой.

– Приятель, – заявил он, пробежавшись взглядом по ее содержимому, – вы тут застряли до тех пор, пока мы не разберемся с этим отклонением.

– Почему это?

– Потому что то, что ждет вас дальше, не для людей, которые ходят с оглядкой или жалуются, как с ними несправедливо обошлись, – невозмутимо объяснил Джек. – Вот мы и разберемся, как именно вас подставили. А потом вы переместитесь туда, куда положено дальше.

Я подумал о том, каково это – оказаться в западне в городе-призраке, и поежился.

– Ладно. Как нам в этом разобраться?

– Вы вернетесь, – ответил Джек. – И поймаете подонка, который вас убил.

– Вернусь? – переспросил я. – Назад, в...

– Угу, на землю, – подтвердил Джек. – В Чикаго. – Он захлопнул папку и кинул ее в стопку исходящих документов. – И выясните, кто вас убил.

Я заломил бровь:

– Да вы надо мной смеетесь!

Он молча смотрел на меня; лицо его веселостью не уступало горному кряжу.

Я закатил глаза:

– Вы хотите, чтобы я раскрыл мое собственное убийство?

Он пожал плечами:

– Хотите другую работу – устрой без проблем.

– Ух, – пробормотал я, снова поежившись. – Нет.

– Вот и хорошо, – кивнул он. – Вопросы есть?

– Э-э-э... – замялся я. – Что вы имели в виду, когда сказали, что отошлете меня обратно?

В смысле... в мое тело или...

– Нет! – отрезал он. – Такого не получится. Нереально. Вы вернетесь таким, какой вы сейчас.

Я хмуро посмотрел на него, потом на себя.

– Призраком, значит, – сказал я.

Он развел руками так, словно не нашел чем возразить на изреченную мной истину.

– Не шатайтесь после рассвета. Осторожнее с порогами. Ну, сами знаете.

– Угу, – не без огорчения кивнул я. – Но без тела...

– У вас будет на порядок меньше магии. Большинство смертных не смогут ни увидеть вас, ни услышать. Вы не сможете ни к чему прикоснуться.

Я уставился на него:

– Как же мне, скажите, в таком виде искать хоть что-нибудь?

Джек поднял руки:

– Приятель, не я устанавливаю законы. Я только слежу за тем, чтобы они выполнялись. – Он пристально посмотрел на меня. – И потом, мне казалось, вы работали детективом.

Я стиснул зубы и испепелил его взглядом. Вообще я умею изображать гнев, но на него это не произвело особого впечатления. Я заставил себя глубоко вдохнуть и выдохнуть.

– Раскрыть собственное убийство.

Он кивнул.

Все-таки я разозлился и не особенно смог это скрыть:

– Стало быть, я правильно понял? Того, что я всю свою сознательную жизнь пытался помогать людям и защищать их, недостаточно? И от меня требуется сделать еще что-то, прежде чем предстать перед святым Петром?

Джек пожал плечами:

– Я бы на вашем месте не был так уверен. С вашим-то досье, сынок, вы с таким же успехом можете оказаться на поезде, идущем на юг.

– В ад, – уточнил я. – Вы знаете, что такое ад, а, капитан Воробей? Ад – это когда вы смотрите на свою дочь, зная, что вы никогда больше к ней не прикоснетесь. Никогда с ней не заговорите. Никогда больше не сумеете помочь ей, защитить. Так что давайте, валяйте, где там ваше огненное озеро, – думаю, это и вполтину не так страшно.

– Кстати, в порядке информации, – невозмутимо заметил Джек, – я действительно знаю, что такое ад. Вы тут не единственный мертвый парень с живой дочерью.

Я откинулся на спинку стула, хмуро уставившись на капитана, потом вытянул шею и заглянул ему за спину, на висевший на стене пейзаж.

– Если для вас это имеет значение, – продолжал Джек, – трое из тех, кого вы любите, могут сильно пострадать, если вы не отыщете своего убийцу.

– Как это – «пострадать»?

– Покалечиться. Измениться. Сломаться.

– Кто именно? – поинтересовался я.

– А вот этого я вам сказать не могу. – Он покачал головой.

– Угу, – пробормотал я. – И как это я сам не догадался, что не можете?

Джек промолчал, а я немного поразмыслил. Может, я и умер, но уходить просто так я, черт подери, не собирался. Не мог же я бросить на произвол судьбы тех, кто помог мне победить Красного Короля. Мою ученицу Молли тяжело ранили в бою, но из всех ее проблем больше всего меня беспокоила не эта. Теперь, после моей смерти, никто уже не защитит ее от Белого Совета – а кое-кому из моих коллег-чародеев давно не терпелось отрубить ей голову.

Да и моя дочь, маленькая Мэгги, все еще находилась в Чикаго. Я лишил ее матери – точно так же, как кто-то другой лишил ее отца. Я не мог не удостовериться, что о ней позаботятся. А еще нужно бы попрощаться с дедом... и с Кэррин.

Господи... Что обнаружила Кэррин, вернувшись на катер? Здоровенную лужу крови? Мой труп? Ведь у нее хватит упрямства и дури вообразить, что в случившемся виновата она. Она же себя со свету сживет! Мне просто необходимо каким-нибудь образом связаться с ней, а из этой потусторонней Сибири этого никак не получится.

Об этих троих говорил капитан? Или он имел в виду кого-нибудь еще?

Черт! Черт!

Телесно я ощущал себя полным жизни и энергии, но голова устала невыносимо. Или я недостаточно всего совершил? Слишком мало кому помог? Спас слишком мало пленных? Победил слишком мало монстров? Я нажил врагов среди самых злобных и опасных существ нашей планеты и время от времени вступал с ними в схватку. Вот один из них меня и прикончил.

«Покойся с миром» – так написано чуть не на каждой могильной плите. Я бился с надвигающейся на мир волной зла, пока она в буквальном смысле не убила меня. И где, черт возьми, положенный мне покой? Где отдых?

«Трое из тех, кого вы любите, могут сильно пострадать, если вы не отыщете своего убийцу».

Воображение с готовностью принялось рисовать картины страданий самых дорогих мне людей. В результате чего все сразу сделалось проще и яснее. Не в моих привычках позволить, чтобы случилось что-то подобное.

Кроме того, было и еще кое-что, из-за чего я хотел вернуться. В конце концов... какой-то сукин сын, черт подери, убил меня.

Такое не должно сходиться с рук никому.

И если у меня имелась возможность выбраться из этого места, чтобы переместиться туда, куда мне полагалось, лучшей мотивации я бы не нашел.

– Ладно, – тихо произнес я. – Как это устроить?

Он придвинул ко мне через стол чистый лист бумаги и карандаш.

– Вам нужно отправиться в Чикаго, конкретное место прибытия на ваш выбор, – сказал он. – Напишите здесь адрес. Шофер вас высадит.

Я взял бумагу, карандаш и наморщил лоб, пытаюсь сообразить, куда мне ехать. И не потому, что я не мог показываться где угодно. Если уж мне суждено пребывать там чистым духом, рассчитывать на помощь своих обычных союзников я не могу. Для того чтобы увидеть духа, требуется особый дар, и вряд ли мне удастся хоть как-то обозначить свое присутствие. Мои друзья даже не поймут, что я рядом.

– Чисто из любопытства, – поинтересовался я. – Что произойдет, если я не поймаю убийцу?

Лицо его разом посерьезнело, а голос сделался тише:

– Вы застрянете там. Возможно, навсегда. Не в состоянии связаться с кем-либо. Поговорить с кем-либо. Наблюдая за тем, что творится в мире, но не в силах ни на что повлиять.

– Мать-перемать! – тихо произнес я.

– Мать-перемать.

– Ободряющая перспектива.

– Вы мертвы, приятель, – заметил Джек. – Бодрость тут противопоказана.

Я кивнул.

Вообще-то, я рисковал как черт знает кто. Подумайте сами: застрять в здешнем чикаго-подобном чистилище, конечно, тоже не слишком приятно, но и пыткой это вряд ли станет, – судя по тому, что говорили Кармайкл и Джек, и по тому, как они вели свои дела, они все-таки могли приносить кому-то пользу, творить добро. То, чем они занимались, похоже, не вызывало у них особого восторга, но делали они это с уверенностью профессионалов.

Призрак, запертый в мире смертных? Это могло оказаться на порядок хуже. Вездесущий, всевидящий, но бессильный что-то изменить.

А ведь я так и не научился не вмешиваться в происходящее. Не пройдет и года, как я съеду с катушек и превращусь в жалкого, безумного, пойманного в ловушку бестелесности духа, бродящего по городу, который я при жизни защищал.

– Какого черта! – произнес я вслух и начал писать на листке. – Если я нужен друзьям, грех не попытаться.

Джек забрал у меня бумажку и кивнул – как мне показалось, одобрительно. Потом встал и натянул пиджак. В руке у него звякнули ключи от машины. Роста он был среднего, но в движениях его чувствовались уверенность и скрытая жесткая энергия – и это вновь показалось мне смутно знакомым.

– Пошли.

Несколько копов – я решил, что это копы, по крайней мере они занимались тем, чем обычно занимаются люди этой профессии, – кивнули Джеку, когда мы проходили.

– Эй! – окликнул нас кто-то из-за спины. – Мёрфи!

Джек остановился и обернулся.

Тип в костюме, который смотрелся бы уместным где-нибудь в Пинкертоновском агентстве девятнадцатого века, протягивал ему планшет с листком бумаги и ручку. Джек пробежал взглядом написанное на листке, поставил свой росчерк, вернул планшет владельцу и двинулся дальше.

Я сунул руки в карман плаща и зашагал рядом с ним.

– Капитан Колин Джек Мёрфи? – тихо спросил я.

Он только хмыкнул.

– Вы отец Кэррин. Вы работали с документами по делу «Черной кошки».

Он ничего не ответил. Мы спустились на лифте, миновали ангела-хранителя и вышли на улицу, где стоял у тротуара древний синий «бьюик-скайларк» – с плавниками на задних крыльях и складным верхом. Джек обошел его кругом и сел за руль. Я уселся на пассажирское место. Дождь барабанил по крыше.

С минуту он молча сидел за рулем, глядя куда-то в пустоту. Потом кивнул:

– Угу.

– Она о вас рассказывала.

Он снова кивнул:

– Я слышал, вы приглядывали за моей Кэрри.

«Кэрри»? Я попытался представить себе человека, который посмел бы назвать так Мёрфи в лицо. Роулинс, помнится, проделал это раз, но только раз, и он как-никак работал с ее отцом, когда она еще под стол пешком ходила. Роулинс, можно сказать, был все равно что член семьи.

Любому другому пришлось бы срочно стать Терминатором. С планеты Криптон.

– Иногда, – кивнул я. – Она не слишком-то нуждается в защите.

– Каждому нужен кто-то. – Он повернул ключ в замке зажигания, и мотор с довольным урчанием завелся. Джек задумчиво погладил руль и поднял взгляд на дождь. – Вы еще можете отказаться от этого дела, приятель. До тех пор, пока вы не выйдете из этой машины. Стоит вам это сделать – считайте, вы выбрали свой путь и все, что отсюда следует.

– Ага, – решительно кивнул я. – Раньше начну – раньше закончу.

Уголок его рта приподнялся, и он тихо одобрительно хрюкнул. Потом заглянул в листок и прочитал написанный мной адрес:

– Почему именно туда?

– Потому что там я найду единственного человека в Чикаго, который, я уверен, сможет мне помочь, – ответил я.

Капитан Мёрфи кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Поехали.

Глава 3

Капитан Мёрфи остановил свой старый «скайларк» в жилом квартале в Харвуд-Хайтс, производившем впечатление такого же пустого и безлюдного, как и весь остальной город. Странный это был дом для Чикаго – белые оштукатуренные стены в сочетании с красной черепичной крышей, казалось, искусственно пересадили сюда откуда-нибудь из Южной Калифорнии. Впрочем, под непрерывным дождем, в унылом сером свете уличных фонарей он выглядел таким же холодным и безжизненным, как окружавшие его более традиционные постройки.

Дворники «бьюика» ритмично шваркали по ветровому стеклу.

– Стоит вам выйти из машины, – негромко произнес капитан Мёрфи, – пути назад вам больше нет. Вы сможете полагаться только на себя.

– Это мы уже проходили, – напомнил я и протянул ему руку. – Спасибо, капитан.

Мы обменялись рукопожатием. Я не пытался одолеть его хватку. Он не пытался раздавить мою руку. Мужчины, действительно умеющие постоять за себя, редко злоупотребляют этим.

Жаль, нам не довелось пересечься с капитаном Мёрфи в реальном мире. У меня сложилось впечатление, что союзник из него вышел бы замечательный.

– Возможно, мне удастся связаться с Кэррин, – сказал я.

– Никаких приветов. Я и так причинил ей немало зла, – произнес он, не дожидаясь, пока я договорю. В голосе его слышалась непререкаемая решительность. – Но вы можете передать здоровяку вон там, – он мотнул головой в сторону дома, – что это я вас прислал. Возможно, это не помешает.

Я кивнул. А потом сделал глубокий вдох, отворил дверцу машины и вышел в...

То, куда я вышел, произвело на меня в тот момент гораздо большее впечатление. Потому что стоило моим ногам коснуться земли, а дверце позади меня захлопнуться, как я оказался вовсе не в дождливом, безлюдном городе-трупце. Вместо этого я стоял на чикагской улице в ясный, морозный вечер. Дождя и след простыл. Над головой сияли луна и звезды и в сочетании с уличными огнями и свежевывающим снегом освещали улицу почти так же ярко, как днем.

Воздух наполняли звуки. Шум уличного движения, далекие гудки, уханье чьей-то мощной стереосистемы. Прогрохотал над головой заходивший на посадку реактивный самолет – я находился всего в нескольких милях от аэропорта О’Хара.

Я обернулся, но машина капитана Мёрфи исчезла – предположительно вернувшись в Чикаго-Между.

Я стоял один-одинешенек.

Я вздохнул. И, повернувшись, направился на двор Мортимера Линдквиста, эктоманта.

В свое время Морти украсил свой участок всякими штуками, предназначенными наводить страх на посетителей. Могильными камнями. Кованой чугунной оградой с большими воротами. Зловещим освещением. В темное время суток это и впрямь могло действовать на нервы достаточно чувствительным гостям, но по большей части выглядело набором дешевых аксессуаров к Хеллоуину.

Однако все меняется.

Морти избавился от всего дешевого мусора, за исключением ограды. Теперь он превратил двор в подобие японского садика. Здесь росло несколько аккуратно стриженных кустов и красовался маленький прудик с перекинутым через него деревянным мостиком. В деревянных кашпо росли деревца-бонсай, причем североамериканских пород. Как-то непривычно видеть то, что выглядит как взрослый дуб, только высотой дюймов в пятнадцать, с крошечными листиками.

В Чикаго найдется немного людей, продающих такие штуки, из чего следовало, что Морти вырастил все это сам. Если так, это потребовало от него уймы сил и терпения.

Я медленно подошел к воротам и протянул руку, чтобы отворить створку.

Моя рука прошла сквозь металл.

Да, я ведь знал уже, что я призрак, но опыта нематериальности мне явно не доставало. Я привык, что к предметам можно прикоснуться, ощупать их. Кисть покалывало, словно я отлежал ее после сна. Просунув руку чуть дальше, я увидел высовывающиеся из металла собственные пальцы. Для верности я пошевелил ими.

– Ладно, – буркнул я сам себе. – Ничего не поделаешь.

Я набрал в грудь побольше воздуха, словно собираясь броситься в воду. И, расправив плечи, ринулся вперед.

Ничего особенного не произошло. Только покололо тело иголками, но всего-то на короткое мгновение. А потом я оказался на другой стороне.

По вымощенной камнем дорожке я направился к парадному входу в дом Морти. Только поднявшись на мостик, я заметил мужчину, стоявшего в тени на крыльце.

Фигура его внушала уважение. Не тяжелоатлет или бодибилдер – просто крепкий, плечистый тип почти с меня ростом. Темные волосы чуть ниже затылка перехватывала лента. Длинная темно-синяя шинель доходила почти до икр; рукава ее украшал золотой позумент. Из-под шинели виднелся мундир: туго облегающая синяя куртка, белая рубашка, белые штаны и высокие черные башмаки. На плече его покоился тяжелый топор с длинным топоричем. Свободной рукой он не спеша вытаскивал из-за пояса большой кремневый пистолет. Я остановился. Он нацелил пистолет более или менее в мою сторону.

– Стой! – выкрикнул он. – Назови себя, мерзавец, или изыди!

– Мерзавец? – оскорбился я, театральным жестом прижимая пальцы к груди. – Вам не кажется, что это не совсем справедливо?

– У тебя вид мерзавца! – прогрохотал незнакомец. – И прохиндея, и оборванца. Да хотя бы и конгрессмена. – Я увидел, как блеснули в темноте его зубы: он улыбнулся. – Как тебя звать, парень?

– Гарри Дрезден, – как можно отчетливее произнес я.

Ствол пистолета отклонился на пару градусов в сторону.

– Чародей?

– Бывший чародей, – уточнил я. – Точнее говоря, покойный Гарри Дрезден.

– Черт побери! – Незнакомец сдвинул брови, словно раздумывая.

Надо сказать, это выражение лица не слишком-то сочеталось со всем его обликом.

– Если ты лжешь, – медленно проговорил он, – я не вижу причин поступать так, а стало быть, я должен тебя застрелить. Ежели же ты говоришь правду, твое присутствие представляет угрозу дому моего друга, стало быть, я тем более обязан тебя застрелить. – Он решительно кивнул и снова нацелил на меня ствол пистолета. – В любом случае...

Он явно собирался выстрелить. Я не знал, убьет меня это или нет, но весь мой жизненный опыт говорил о том, что это вполне могло произойти. По крайней мере, я полагал, это должно быть чертовски больно. Я никак не мог позволить этому громиле спустить курок. Впрочем, если его наряд соответствовал эпохе его земной жизни, это могло оказаться делом несложным.

– Вам не кажется, что застрелить меня было бы немного жестоко? – поинтересовался я. – Я безоружен, не угрожаю вам и не оскорбляю вас. Я даже вам представился. Тогда как вашего имени я до сих пор не знаю.

Мужчина в синей шинели как-то сразу смутился, и пистолет снова слегка отвернулся в сторону.

– Ах да. Гм... Прошу меня простить. В молодости в меня неважно вдолбили нормы обхождения, и этот недостаток, похоже, сказывается и в моем загробном существовании. – Он выпрямился и, буквально щелкнув каблуками, отвесил мне легкий поклон – дуло пистолета при этом, правда, не отклонилось от меня ни на дюйм. – Покойный сэр Стюарт Винчестер, колониальная морская пехота.

Я удивленно изогнул бровь:

– Сэр Стюарт? Колониальная морская пехота?

Он пожал плечами:

– Запутанная история, долго объяснять.

– Ладно, Стью, – кивнул я. – При всем моем уважении, дело у меня не к вам. К мистеру Линдквисту.

– Не уверен, – фыркнул Стью. – У вас есть приглашение?

Секунду я непонимающе смотрел на него, затем ответил:

– Я, конечно, новичок в ваших призрачных делах, но уверен, что у вас здесь нет загробной почты для рассылки приглашений призракам.

– Вы бы удивились, узнав, сколько почтальонов не оставляет за собой тени, – возразил Стью. – Я так думаю, это привычка заставляет их и после смерти совершать свои обходы. Бедолаги даже не понимают, что что-то изменилось.

– Не уходите от темы, – настаивал я. – Мне нужно поговорить с Морти.

– Мне очень жаль, сэр, – отозвался Стью. – Однако у меня имеется недвусмысленный приказ: буде появятся непрошенные гости, не допускать их в дом.

– И вы обязаны исполнять приказы Морти?

– Можно подумать, приятель, вы сможете переступить порог этого дома без приглашения, – заметил он.

– Верно, – кивнул я. – Так обязаны?

– Нас никто не принуждает, – искренне ответил Стью. – Мы оказываем ему помощь из дружбы, уважения и... – Он вздохнул и признался: – И от скуки. Видит бог, этот город надоедает уже спустя полвека, а я болтаюсь здесь раза в четыре с лишним дольше.

Я невольно ухмыльнулся:

– Стью, позвольте вам пообещать кое-что. Можно сказать, даже поклясться. Я пришел к Морти за помощью, а не для того чтобы вредить ему, и я совершенно уверен, что мое присутствие здесь не усугубит вашей скуки.

Стью от души расхохотался и раскрыл рот, чтобы сказать что-то, но осекся и задумчиво на меня посмотрел, барабанив пальцем по казеннику пистолета.

– Кстати, если это что-нибудь вам говорит, – добавил я, – сюда меня подбросил Джек Мёрфи. Советовал мне упомянуть его имя.

Брови у Стью взмыли на лоб. Я буквально видел, как вращаются у него в голове шестеренки. Похоже, в спринте победа им не светила, зато на длинных дистанциях можно было не сомневаться в их надежности.

– Правда? – Он прикусил губу. – Славный мужик. Хоть и ирландец.

– На вашем месте, – фыркнул я, – в его присутствии я бы не...

Волна ледящего холода накатила на меня со спины, словно там, совсем рядом, распахнули дверь большого складского холодильника.

Я оглянулся и увидел в каких-то пяти ярдах скользящую ко мне над землей серую человекообразную фигуру. Деталей было не разобрать, пропорции казались немного неестественными, словно у бракованной пластмассовой куклы. Собственно говоря, никаких особых черт у нее и не имелось, только осунувшееся, похожее на череп лицо с зияющими темными глазами и широко разинутым провалом рта; казалось, нижняя челюсть висит на старых растянувшихся резинках.

Двигалась фигура, впрочем, со зловещей грацией, словно неподвластная силе тяжести и отталкивающаяся от земли только для перемещения. При этом она издавала звук: глухой, дребезжащий, приглушенный вздох. Так мог звучать исполненный боли стонущий крик, издаваемый человеком в агонии, у которого в легких уже не осталось воздуха.

Фигура приближалась, и по мере ее приближения делалось все холоднее.

– А ну назад! – рявкнул я. – Я не шучу.

Тварь еще раз оттолкнулась от земли кончиками пальцев, бездумная и изящная, как голодная медуза, только страшнее.

Я быстро отступил на пару шагов.

– Ладно, – буркнул я. – Как хочешь.

Я вскинул правую руку, напряг волю и выкрикнул:

– Fuego!

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего.

Я не ощутил в себе никакого бурления энергий. Никакого сопутствующего этому возбуждения, никакого вибрирующего напряжения, никакой вспышки в мозгу. Равно как не увидел раскаленного добела разряда, которому полагалось бы испепелить надвигающуюся тварь.

Магия исчезла.

Магия исчезла!

– Вот дерьмо! – поперхнулся я, отшатываясь от твари, с убийственным изяществом протянувшей пальцы к моему горлу.

Сдавленный вопль сделался громче и на несколько тонов выше. Вместо ногтей на кончиках пальцев мотались какие-то бесформенные ошметки, от которых исходил леденящий холод.

За моей спиной звонко клацнул взводимый курок кремневого пистолета.

Я оглянулся – как раз вовремя, чтобы увидеть ствол здорового старого пистолета Стью, уставленный практически мне в нос. Полагаю, в размерах дуло все-таки уступало железнодорожному туннелю, однако в тот момент оно представлялось мне воистину огромным.

Потусторонний холод буквально обжигал мне спину.

– Ложись! – крикнул Стью, но я, не дожидаясь его предупреждения, уже рухнул на землю.

Я больно ударился – похоже, бестелесное существование не освобождало меня от законов гравитации и связанных с этим неудобств, – и в это мгновение грянул выстрел.

Все происходило как во сне – достаточно медленно, чтобы разглядеть мельчайшие подробности, но и достаточно быстро, чтобы я осознавал всю невозможность повлиять на происходящее, как бы ни старался. Я ожидал услышать резкий хлопок выстрела – возможно, глухой удар, как это бывает при использовании дымного пороха, – и едва не оглох от такого рева, словно над выстрелом потрудились последовательно дюжина диджеев и миля железнодорожного туннеля. Вместо клуба порохового дыма из дула вырвались и разбежались круги тумана, переливавшегося всеми цветами радуги; в центре свет завихрялся, словно потревоженный пулей.

Да и пуля оказалась вовсе не куском свинца, а разноцветным светящимся шаром размером с мячик для гольфа. Он пролетел в паре футов от моей головы, но, клянусь, меня будто слегка обожгло огнем. От шара исходило низкое гудение, как от усиленной электричеством басовой струны, и вибрация звука проникала, казалось, до самых костей.

Я повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как шар врезался в грудь надвигающейся твари. Эта не-пуля продырявила в ее теле дырку размером с мой кулак, из которой вытекло облачко пара. В облаке клубился свет, словно в луче старого кинопроектора, и я вдруг разглядел в нем призрачные образы – неясные, искаженные, словно кто-то склеил ролик из обрезков киноплёнки, собранных на полу монтажной.

Образы стали темнеть и наконец исчезли совсем, оставив за собой тающее облачко тумана. Только тут до меня дошло, что серая фигура оседает, как бурдюк, из которого медленно вытекает вода.

Туман растворился. От серой фигуры остался только уродливый, бесформенный комок на земле.

По ступеням крыльца прогремели шаги, и Стью встал между мной и этой тварью, чем бы она ни была. Пока руки его отработанными движениями перезаряжали пистолет, засыпая в ствол порох из рожка и утрамбовывая пыж коротким шомполом, взгляд не переставал настойчиво шарить по улице.

– Что это, черт подери, такое было? – выдохнул я.

– Дух, – негромко, с бесстрастностью профессионала отозвался он. – Призрак вроде меня или вас, подавшийся отчаянию и лишившийся остатков рассудка.

– Опасный?

– Исключительно опасный, – подтвердил Стью, повернулся и посмотрел на меня. – Особенно для таких, как вы.

– Как я?

– Для свежих теней. У вас ни на грош нет опыта по части того, как себя здесь защитить. И спрятаться свежим теням, таким как вы, тоже нет никакой возможности: от вас за версту разит жизнью. – Он нахмурился. – От вас особенно.

– Возможно, потому, что я чародей.

Стью кивнул:

– Похоже на то.

– Что бы случилось, если... – Я мотнул головой в сторону останков духа.

– Он пожрал бы ваши воспоминания, – тихо ответил Стью.

Я обдумал эту информацию и посмотрел на останки еще раз – почти с тоской.

– Ну, не знаю. От некоторых я не прочь бы и сам избавиться.

Стью сунул заряженный пистолет обратно за пояс.

– Для теней вроде нас воспоминания – все. Жизнь, пища и сила. Мы сами теперь воспоминания, чародей.

– Те образы в тумане, – вспомнил я. – Ну, когда оно... он умирал. Это его воспоминания?

– Угу. То, что от них осталось.

Стью подался вперед и склонился над останками. Потом протянул руку ладонью вниз и сделал глубокий вдох. Над останками призрака снова за клубился светящийся туман. Он поплыл вверх и втянулся в грудь Стью, впитавшись в нее, как вода в мох. Когда все закончилось, морской пехотинец распрямился и вздохнул.

Что бы ни убило духа, оно явно состояло из того же вещества, что и сам сэр Стюарт. Значит, если призраки представляют собой воспоминания...

– Пуля, – спросил я, – вы слепили ее из воспоминания?

– Само собой, – кивнул он, и на лице его обозначилась легкая мечтательная грусть. – Из яркого. Настанет день, я отолью из него новую пулю.

– Спасибо, – сказал я, – за то, что помогли.

– Должен признать, я завалил бедолагу не только ради вас. Вы для любого духа просто пир желанный. Только что из мира живых, в вас еще сохранились какие-то жизненные соки, а уж воспоминаний свежих – ешь не хочу. Дух, пожравший вас, обрел бы огромную силу, оставшись при этом все таким же злобным. Такой мог бы угрожать миру живых с той же легкостью, что и миру духов. Этого я допустить не мог.

– О! – произнес я. – Все равно спасибо.

Стью кивнул и протянул мне руку. Я принял ее и поднялся.

– Мне нужно переговорить с Морти, – сказал я.

Еще не договорив, я увидел, как из темноты выплывают еще два духа. Оглянувшись, я увидел несколько других – и все они плыли в нашу сторону без видимых усилий, но довольно-таки быстро.

– Если вы поможете мне переступить порог этого дома, они, – я мотнул головой в сторону духов, – не смогут мне угрожать. А так я не умею от них защищаться. Они убьют меня. И если это случится, появление духов-монстров будет на вашей совести.

– Не будет, если я убью вас прежде, – заметил Стью, постучав пальцем по рукояти пистолета.

Я склонил голову набок и выразительно заглянул ему в лицо.

– А вот и нет, – сказал я. – Не убьете.

– Откуда вам, привидению, знать? – ровным голосом поинтересовался он. Но глаза его при этом улыбались.

– Я чародей, – проговорил я, придав своему голосу солидные многозначительные нотки. – У нас свои способы.

Он промолчал, но взгляд его метался из стороны в сторону.

Я посерьезнел:

– Эти духи надвигаются, приятель.

Стью фыркнул:

– Духи всегда надвигаются. – Он достал пистолет и нацелил его мне в грудь. – Настоящим я беру вас в плен, покойный чародей. Держите руки на виду, следуйте моим указаниям, и мы замечательно поладим.

– Гм. Э-э-э... Идет.

Я продемонстрировал ему пустые руки.

Стью коротко кивнул:

– Что ж, кругом марш! Пойдем потолкуем с лысым коротышкой.

Глава 4

Следом за Стью я перешагнул порог – черт, это оказалось очень даже чувствительно – и на секунду-другую задержался обдумать ситуацию. Вообще-то, приглашать нематериальных существ могут только члены проживающей в доме семьи.

Значит, сэр Стюарт когда-то проживал в этом самом месте. Или приходился Морти родней. Известно ведь, что привидения в высшей степени трепетно относятся к родственным связям. Может, Стью, как один из предков Морти, специально присматривал за дальним потомком? Или же коротышка-эктомант давно уже пользовался услугами таких необычных сторожей, а я просто об этом не знал?

Занятно. Ко всему этому стоит хорошенько присмотреться.

Дом выглядел совсем не таким, каким я его помнил. То, что раньше служило театрально обставленной комнатой для спиритических сеансов, превратилось в гостиную с уютным мягким диваном и удобными стульями. До сих пор мне доводилось видеть только часть дома, однако, следуя за сэром Стюартом, я успел заметить, что домишко отремонтирован, заново обставлен и, несомненно, похорошел. Стью проводил меня в библиотеку или кабинет, где в камине уютно потрескивал огонь.

Похоже, Морти Линдквист перестал противиться неизбежному. Я видел его когда в парике, а когда с зачесанными на плешь волосами, а вот с честной лысиной во всю голову мне наблюдать его еще не приходилось. Право же, ровная сияющая кожа смотрелась куда лучше попыток ее прикрыть. А еще он со времени нашей последней встречи сбросил вес. Фотографировать его в качестве модели на обложку «Аберкромби и Фитч», конечно, не стали бы, но из расплывшегося толстяка Морти превратился во вполне себе складного мужчину. Ему было чуть за пятьдесят, рост не превышал пяти с полтиной футов, одежду его составляли черные брюки и серая шелковая рубашка, а на носу красовались стильные очки с маленькими прямоугольными линзами.

Он сидел за столом, на котором были разложены карты – то ли для гадания, то ли просто пасьянс... с моей точки зрения, смысла в обоих этих занятиях примерно поровну.

– Мне показалось, сэр Стюарт, или я действительно слышал выстрел? – рассеянно спросил Морти, пристально глядя на карты. Он уже протянул руку, чтобы перевернуть следующую, но вскинул голову и застыл, уставившись на меня. – О, ну замечательно...

– Привет, Морти, – сказал я.

– Это мне снится, – пробормотал Морти, поспешно вставая из-за стола и направляясь к двери в другую комнату. – Этого просто не может происходить. Чтобы так не повезло...

Я бросился вдогонку и следом за ним выскочил в коридор.

– Мне нужно поговорить...

– А мне плевать, – перебил меня Морти, не сбавляя шага, и сделал руками решительный отталкивающий жест. – Я вас не вижу. И не слышу, понятно, Дрезден? Мало того, что вы при жизни втягивали меня в разные истории. Так теперь еще и ваш дурацкий призрак туда же? Нет, и еще раз нет, чего бы вы ни хотели.

Мы вошли на кухню, где нас уже ждал, с легкой улыбкой скрестив руки на груди и прилонившись к стене, сэр Стюарт. Морти подлетел к большой банке печенья, сунул в рот одно и закрыл крышку.

– Ну же, Морти, не преувеличивайте, – не сдавался я. – Я всего-то пару раз обращался к вам, потому что вы неплохой профессионал и...

– Вздор! – отрубил Морти, резко оборачиваясь, чтобы испепелить меня взглядом. – Дрезден обращался ко мне только в таких отчаянных ситуациях, когда готов был звать на помощь даже самого последнего неудачника.

Я поморщился. Его описание наших взаимоотношений отчасти соответствовало истине. Но только отчасти.

– Морти, пожалуйста...

– Морти – что? – огрызнулся он. – Да вы надо мной издеваетесь. Даже не думайте впутывать меня в тот международный кризис, в который вы собираетесь вляпаться.

– Дружище, – взмолился я, – у меня, похоже, другого выбора не осталось. Или вы, или никто. Прошу вас. Только выслушайте меня...

Он издал короткий смешок, полный скепсиса:

– Нет, это вы, тень, меня выслушаете! «Нет» – значит нет. Не бывать этому. Вообще быть такого не может. Я сказал «нет»! – И захлопнул дверь прямо перед моим носом.

– Черт подери, Морти! – в сердцах крикнул я и ринулся вперед.

– Дрезден, стой!.. – успел произнести сэр Стюарт.

Он опоздал. Я врехался в дверь носом и всей физиономией и дурак дураком плюхнулся на пятую точку. Лицо начало пульсировать от боли – как, собственно, и положено, когда со всей дури вмазываешься портретом в крепкую дубовую дверь.

– ...те, – договорил сэр Стюарт, вздохнул и протянул руку, помогая мне встать. С его помощью я поднялся на ноги. – У этой комнаты двери покрыты краской, смешанной с особым порошком. Духам сквозь нее не пройти.

– Знаю, – мрачно отозвался я, ощутив досаду, что подобная идея не пришла мне в голову раньше, в бытность мою живым чародеем: получилась бы отличная дополнительная защита моей квартиры от враждебных духов.

Для нематериальных созданий противоположный порошок обладает стопроцентной непроницаемостью. Брось в духа пригоршню такого, и это причинит ему неопишемую боль, обездвижив на некоторое время, словно ему разом добавили несколько центнеров веса. А покрой я им стены изнутри, и они сделались бы для призраков и прочей подобной шушеры неодолимым препятствием.

Конечно, в состав моего рецепта входит обедненный уран, поэтому покрывать им стены квартиры было бы несколько... гм... неразумно.

Впрочем, теперь нет смысла об этом рассуждать. Дом мой сгорел – в него бросил бутылку с коктейлем Молотова убийца-вампир, – а вместе с ним и практически все мои пожитки. Сохранилась только малая их часть, спрятанная в тайнике; одному Богу известно, что с ними случилось.

Впрочем, с учетом всех обстоятельств, не уверен, что это можно расценивать как потерю. Что толку в материальной собственности для мертвеца?

Я ощупал нос, морщась и ожидая обнаружить его сломанным к чертовой матери. Как ни странно, нос оказался цел, только рука перепачкалась в какой-то прозрачной слизи.

– Адские погремушки! Я что, превращаюсь в чертову эктоплазму?

Отставной морпех только ухмыльнулся:

– Вообще-то, для призрака это в порядке вещей. Да вы не обижайтесь на него, Дрезден. Порой он не сразу соображает.

– Мне некогда ждать, пока он сообразит, – возразил я. – Мне необходима его помощь.

Сэр Стюарт ухмыльнулся чуть шире:

– Но вы ведь не будете стоять здесь и повторять, как старая пластинка... как старая пластинка... как ста...

– Ха-ха! – без особого энтузиазма откликнулся я. – Люди, которым я дорог, могут пострадать, если я не начну действовать.

Сэр Стюарт задумчиво поджал губы:

– Сдается мне, если вы переживаете, что оставили кого-то без защиты, с ними давно уже чего-нибудь да случилось. Как-никак шесть месяцев прошло.

Я невольно разинул рот:

– Ч-чего? Шесть месяцев?

Призрак кивнул:

– Если быть точным, нынче девятое мая.

Я потрясенно уставился на него. Потом прислонился к Мортиной непробиваемой двери и, сползая по ней на пол, постарался сохранить более или менее вертикальное положение.

– Шесть месяцев?

– Именно.

– Но это... – Умом я понимал, что несу ерунду, но остановиться уже не мог. – Этого не может быть. Не может, и все тут. Я всего какой-то гребаный час как помер. Что это еще за фигня имени Рипа ван Винкля?

Сэр Стюарт серьезно, но все так же невозмутимо смотрел на меня:

– Время для нас, Дрезден, значит очень немного, так что и отцепиться от его течения проще простого. Помнится, я как-то пять лет потерял, заслушавшись альбомом «Пинк Флойд».

– Но там ведь, – я наугад ткнул пальцем в направлении окна, – снега чуть не по колено. И это май?

Голос его сделался суше:

– Телепрограмма, которую обычно смотрит Мортимер, излагала теорию, согласно которой эти изменения климата вызваны человеческим фактором.

Я собирался уже сказать что-нибудь обидное, может даже оскорбительное, но меня перебил внезапный звон покачивавшихся на нитях металлических пластинок... как это называется? Музыка ветра? Не прошло и секунды, как такой же звон послышался с другой стороны, так что игнорировать его стало довольно трудно.

– Это еще что? – поинтересовался я.

Вместо ответа сэр Стюарт повернулся и быстрым шагом направился к прихожей тем же путем, каким мы сюда пришли. Я поспешил за ним. В соседней комнате с потолка свешивалось с дюжину комплектов этих металлических штуковин, и все они раскачивались, звеня на все лады, хотя движения воздуха в помещении не ощущалось.

Сэр Стюарт потянулся за своим топором, и тут до меня наконец дошло, на что я смотрю. Охранная сигнализация.

– Что происходит? – спросил я.

– Новое нападение, – бросил он. – У нас меньше чем полминуты. Давайте за мной.

Глава 5

– К оружию! – взревел сэр Стюарт. – Они снова идут на нас, ребята!

Перезвон сигнализации сделался вдвое громче, а из стен и пола дома эктоманта повалили человеческие фигуры – внезапные, как... как призраки, по-другому не скажешь. Гм...

Только что в помещении стояли лишь мы с сэром Стюартом, а спустя пару секунд мы уже возглавляли целую толпу неплохо вооруженных типов. По четкости и кажущейся материальности они, правда, заметно уступали сэру Стюарту. Они казались прозрачнее, туманнее. Сэра Стюарта я видел ясно и отчетливо, как если бы рядом со мной стоял живой человек, остальных же – словно по ту сторону улицы в особо сильный ливень.

Какой-то особой черты, отличавшей защитников Мортиного дома, я не заметил. Каждый казался эклектичным по-своему, а все вместе они смахивали на костюмированное собрание из музея американской истории.

Солдаты в разноцветных мундирах времен Войны за независимость соседствовали с одетыми в костюмы из шкур звероловами, индейцами и первыми поселенцами. Фермеры середины позапрошлого века стояли рядом с лавочниками начала двадцатого. Мужчины в строгих костюмах, некоторые с дробовиками, некоторые с автоматами Томпсона – явно забыв о горьких разногласиях времен забытого уже «сухого закона», – строились для атаки.

Рядом с громилами шагал отряд ополченцев времен покорения Запада, дополнявшихся полудюжиной самых настоящих, вооруженных пистолетами ковбоев в длинных брезентовых плащах и компанией типов в армейской форме шестидесятых годов, разгара вьетнамской войны.

– Ого! – заметил я. – Такое зрелище не каждый день увидишь.

Сэр Стюарт выхватил из-за пояса свой пистолет и взвел курок.

– Я в этом городе много лет провел. Много, очень много ночей. Однако вплоть до последних времен я бы с вами согласился.

Я еще раз оглянулся на маленькую армию сэра Стюарта. Тут мы как раз добрались до двери и прошли сквозь нее.

– Я... черт, ну и ощущениеце... так понимаю, это у вас не впервой?

– Вот уже пятую ночь все лезут и лезут, – подтвердил сэр Стюарт, сбегая с крыльца. – Держитесь за мной, Дрезден. И не подвернитесь мне под правую руку с топором.

Еще через пару шагов он остановился, и я встал сзади и чуть левее его. Ростом он уступал мне всего пару дюймов; должно быть, для своего времени он был прямо-таки великаном. Поэтому мне пришлось изо всех сил вытягивать шею, чтобы заглянуть поверх его головы.

Всю улицу заполнили безмолвные фигуры.

Мгновение я таращил на них глаза, пытаюсь понять, что же такое я вижу. За оградой на проезжей части толпились десятки, может быть, даже пара сотен духов вроде того, которого совсем недавно убрал сэр Стюарт. Все они казались какими-то дряблыми, пустотелыми, словно несдувшиеся воздушные шарик, – мрачные, устрашающие человекообразные фигуры с неестественно темными провалами на месте глаз и ртов. Странное дело, вместо того чтобы нападать, они просто стояли ровными рядами, чуть наклонясь вперед, в нашу сторону, и жадно протягивая к дому руки-плети с заменявшими им пальцы бесформенными побегими. Впрочем, я ошибся, назвав их безмолвными: из зияющих ртов вырывались едва слышные, но полные боли стоны, и это медленно, но верно повышало повисшее в воздухе напряжение.

– А скажите мне, чародей, – обратился ко мне сэр Стюарт, – что вы видите?

– Чертову прорву духов, – едва слышно выдохнул я. – Которых я не знаю, как одолеть. – Надо сказать, по части смертоносного, целеустремленного вида они заметно уступали сэру Стюарту и его воинству, зато их было до ужаса много. – Что-то их здорово подстегнуло.

– А-а-а... – протянул он и, оглянувшись, сощурился. – Я-то думал, ваша братия отличается ясным взглядом.

Нахмурившись, я посмотрел на маленькое море духов еще раз. При этом я старался сосредоточить внимание, используя для этого весь опыт долгих часов упрямств, – и тут

вдруг увидел... Какие-то темные фигуры скользили вдоль рядов духов, хоронясь у тех за спиной. Они могли бы сойти за людей в темных одеждах, если бы не та неестественная легкость, с которой они перемещались. Мне почему-то пришли на ум акулы, почуявшие в воде запах крови.

– Четверо... нет, пятеро... шестеро, – прошептал я. – В задних рядах.

– Вот так-то лучше, – одобрительно кивнул сэр Стюарт. – Вот наш настоящий враг, парень. Эти бедные духи – всего лишь их псы.

Давненько я не ощущал себя таким неучем.

– Эм... А кто они такие?

– Лемуры. – Он произнес это слово на латинский манер: «лэ-мууры». – Твари, что отвернулись от Провидения и всецело предались злу. Им неведома жалость, они не знают ни сдержанности, ни...

– Страха? – предположил я. – Откуда им вообще знать страх?

Сэр Стюарт еще раз оглянулся через плечо и выразительно похлопал по рукояти своего топора:

– Нет, парень. Может, когда-то они и были бесстрашными. Но едва попробовали наложить лапищи на этот дом, и им пришлось быстро кое-чему научиться. – Он снова повернулся лицом к неприятелю и скомандовал: – По местам!

Призраки, ожидавшие у нас за спиной, устремились вперед и, рассыпавшись цепью, заняли перед домом оборонительную позицию. Я даже вздрогнул: многие из них не потрудились обогнуть нас по сторонам или сверху, а прошли под нами. Не прошло и секунды, как между домом и собравшимися духами выстроилась полукругом цепочка защитников. Они стояли, широко расставив ноги – у некоторых, казалось, ступни даже ушли в землю, а некоторые зависли в воздухе, – с оружием наготове.

Напряжение продолжало нарастать, а исполненные боли вздохи духов сделались громче.

– Гм... – подал голос я. – А что делать мне?

– Ничего, – не оборачиваясь, бросил сэр Стюарт. – Просто держитесь поближе ко мне и не подворачивайтесь под руку.

– Но...

– Знаю, парень, вы умели драться, – жестко прервал меня сэр Стюарт. – Но теперь вы все равно что дитя малое. У вас нет ни знаний, ни средств защитить себя.

Он оглянулся и смерил меня свирепым взглядом, и невидимая сила буквально отшвырнула меня назад, на крыльцо. Вот дьявольщина! Может, Стюарт и не обладал магическими познаниями, но и мне еще предстояло многому научиться в этом потустороннем мире – в частности, тому, как воля преобразуется в энергию.

– Заткнитесь, – посоветовал мне старый солдат. – И не отставайте от меня.

Я проглотил протест и послушно замолчал, и сэр Стюарт снова повернулся лицом к врагу.

– Необязательно выражаться так уничижительно, – почти прошептал я. Очень тихо.

Как ни скверно это осознавать, но он был прав. Если бы не вмешательство сэра Стюарта, я бы уже погиб еще раз.

Да, вы не ослышались. Погиб бы. Снова.

Ничего смешного. Право же, дела обстоят совсем хреново, если вам приходится использовать фразы вроде этой.

Примерно полсекунды я с отвращением осознавал, что Вселенная, похоже, снова решила врезать мне как можно больнее, только на этот раз в первую очередь страдала моя гордость. Я привык к тому, что обыкновенно я – тот, кто размахивает мечом и к кому обращаются за защитой. И страх сам по себе подпитывал мою боевую энергию. Но теперь...

Вот что пугало меня по-настоящему в этом чужом мире: я был беспомощен.

Воздух вдруг наполнился свистом и пронзительными воплями, и толпа духов ринулась на нас.

– А ну задайте им, ребята! – взревел сэр Стюарт, перекрывая какофонию воплей.

Голос его звучал громко и ясно, как сигнал боевой трубы.

Грянул залп призрачного огня. Из стволов защитников дома снова вырвался не пороховой дым, а облачка разноцветного тумана и светящиеся шары воспоминаний. Вместо взрывающихся зарядов и хлопков пуль, проходящих звуковой барьер, воздух наполнило низкое гудение, эхо от которого не смолкало еще долго после того, как стрельба прекратилась.

Залп буквально скосил первые ряды нападавших. На какое-то время поле боя заволокло облаками света с мелькавшими в них образами воспоминаний, но их быстро поглотила ночь. Несколько десятков духов полегло, но еще большее их количество продолжало рваться к дому, и числом они по-прежнему превосходили защитников.

Воины сэра Стюарта отреагировали именно так, как положено настоящим солдатам, какими они когда-то и являлись. В воздухе блеснули клинки: шпаги, сабли, кинжалы, даже медные кастеты, стилеты и охотничьи ножи. Волна духов медленно, даже как-то величественно накатила на них. Духов рубили, резали, молотили и уничтожали прочими способами, и все равно их оставалось слишком много.

Я услышал глухой крик, который звучал так, словно доносился с расстояния в пару кварталов. Подняв взгляд, я увидел, как с полдюжины духов разом навалились на тощего паренька-призрака в мешковато сидевшем мундире. Он успел еще вспороть одного из нападающих штыком, но остальные его окружили. Еще один превратился в радужное облачко – судя по всему, солдатик достал его ножом, но вот один дух коснулся его пальцами, за ним – другие. Пальцы словно прилипали к бедолаге, и не прошло и нескольких секунд, как он превратился в подобие туго спеленутой мумии... или пациента ожогового центра, сплошь покрытого толстым слоем грязных бинтов.

Духи прижимались к нему все плотнее, слившись в единую бесформенную массу, а потом с внезапным воплем разлетелись во все стороны. Очертания их при этом сделались четче, материальнее и смертоноснее. Позади остался лежать на земле почти прозрачный силуэт незадачливого солдата; пару секунд он еще дергался, крича в агонии, а потом растаял окончательно.

При виде этого жуткого зрелища внутри у меня все сжалось.

– Лопни их пустые глаза! – процедил сквозь зубы сэр Стюарт. – Чтоб их!

– Адские погремушки! – выдохнул я. – Но почему вы... Вы что, не могли им помешать?

– Лемуры, – коротко ответил он. – Я не могу позволить им прошмыгнуть мимо меня в дом.

Я изумленно моргнул:

– Но... порог! Разве он не остановит?

– В самую первую ночь не помог, – бросил Стью. – До сих пор не знаю почему. Я не могу сойти с крыльца, иначе они прорвутся. А теперь цыц. – Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, примеряясь к рукояти топора. – Вот теперь начинается самое интересное.

Пока нападавшие духи связывали боем защитников дома, сэр Стюарт переместился на верхнюю ступеньку крыльца и широко расставил ноги. Там внизу, на улице, неясные фигуры лемунов застыли и пригнулись, словно хищники, изготовившиеся к прыжку.

Их атака оказалась стремительной. Не как бросок льва на лань, даже не как потерявший управление автомобиль. Скорее я сравнил бы их с пулями. Только что лемуры маячили где-то там, на улице, а секунду спустя возникли прямо перед крыльцом, причем самого момента перемещения я даже не заметил. Все, что я успел, – это вскрикнуть и рефлекторно отшатнуться.

Но сэр Стюарт оказался проворнее.

Лемуру, нападавший первым, получил в темечко обухом Стюартова топора и отлетел назад. Практически мгновенно на нас ринулись второй и третий; топор сэра Стюарта описал в

воздухе дугу и достал обоих. С жутким воплем они отшатнулись назад, и тут четвертый лемур нанес сэру Стюарту сокрушительный удар в челюсть. Старый солдат пошатнулся и припал на колено. Однако лемур так и не сумел развить успех: Стюарт сорвал с пояса блестящий, переливающийся цветами кинжал и наискось полоснул его по торсу.

Пятый лемур явно колебался, застыв посередине двора. Стюарт взревел как бык и метнул нож. Он не промахнулся: лемур с воем сложился пополам и оседал до тех пор, пока нож не выскользнул из его призрачной плоти на заснеженную землю.

Пять раненых лемуrow с воплями бежали от сэра Стюарта. Шестой в нерешительности застыл у кромки тротуара.

– Трус! – пророкотал Стюарт. – Не умеешь драться – не стоило и лезть!

С учетом всех обстоятельств я решил, что Стюарт не совсем справедлив по отношению к бедолаге. Вряд ли можно считать трусостью нежелание бросаться очертя голову на того, кто только что замочил нескольких твоих товарищей. Может, этот тип просто оказался сообразительнее других.

Впрочем, выяснить точно мне так и не удалось. В какую-то долю секунды сэра Стюарт пересек газон и нанес удар ногой, – правда, нога не задержалась на призрачном лице, а прошла сквозь него на добрых шесть футов. Лемур отпрянул – почти как я несколькими секундами раньше.

А потом его голова отделилась от плеч, капюшона и всего прочего, рассыпавшись разноцветными искрами воспоминаний. Обезглавленное тело безумно задергалось, забилося, даже ухитрилось каким-то непостижимым образом издать отчаянный крик и, наконец, повалилось на землю; из шеи его бил сноп серо-белого огня.

Защитники дома торжествующе взревели, и волна нападавших духов начала распадаться. Сэр Стюарт взмахнул топором и почти без усилий снес голову еще одному духу.

И тут за спиной у сэра Стюарта возникла словно ниоткуда еще одна фигура, на вид почти не уступавшая ему в материальности. Из-под серого капюшона полыхали бело-зеленым огнем два глаза. Фигура подняла когтистую руку и выпустила в спину сэра Стюарта огненную струю.

Сэр Стюарт вскрикнул от боли и дернулся, как от электрического разряда. Полоса огня прочертила полосу вдоль его позвоночника, вильнула и отсекла кусок от правого бедра.

– Нет! – заорал я, бросаясь к упавшему воину.

Тот перекатился по земле, и в руке его возник неестественно здоровенный – такими вооружали кавалеристов – пистолет. Сэр Стюарт прицелился в Серое Привидение и спустил курок, и из ствола снова вырвалось смертоносное радужное сияние.

Однако фигура в сером вскинула руку, и пуля от ricoшетила от воздуха прямо перед ней, угодив в незадачливого раненого духа, пытавшегося отползти подальше от места схватки. Дух мгновенно растворился в воздухе, в то время как сэра Стюарт, разинув рот, потрясенно смотрел на Серое Привидение.

Магия. Серое Привидение пользовалось магией. На бегу я ощущал ее вибрирующую энергию в воздухе, ее запах в ледяном ветре с озера. Я не перемещался со сверхъестественной скоростью. Я просто бежал по земле, перемахнул через изгородь, пронесся сквозь припаркованную у тротуара машину – ох, брр! – и с разбегу врезал Серому Привидению правой рукой в намеченную точку на подбородке.

Мой кулак угодил в нечто, напоминающее нормальную плоть. Он соприкоснулся с ней со знакомым смачным звуком и отозвался болью, пронзившей руку до самого локтя. Серое Привидение пошатнулось, и я постарался развить успех. Я нанес ему пару левых хуков в живот, провел чертовски удачный апперкот правой и добавил еще раз по шее.

Я не считаю себя слишком опытным бойцом, однако кое-чему все же научился – и у Мёрфи, и у некоторых других копов; не зря же я проводил столько времени в спортзале «Ураган» у Дага Джо. Настоящий поединок лишь в самой малой степени зависит от приемов и физи-

ческой силы. Гораздо больше он зависит от точного расчета и желания поразить соперника. Если вы более или менее представляете себе, когда именно сокращать дистанцию и наносить удар, ваши шансы уже достаточно высоки. Однако правильный настрой еще важнее. Никакие приемы на свете не помогут вам, если вы не испытываете острого желания надрать негодяю задницу.

Серое Привидение отшатнулось, а я тем временем подставил ему ножку. Оно упало. Я принялся колотить его ногой по спине и ребрам, а потом, сместившись немного, врезал ему каблуком своего тяжелого башмака по башке. Я не давал ему ни секунды передышки: сумей оно провести еще хоть одну магическую атаку, и ему удалось бы справиться со мной так же легко, как и с сэром Стюартом. Поэтому я продолжал молотить его, преимущественно по башке.

– На помощь! – заорало Серое Привидение.

Блеснула голубая вспышка, и в грудь мне ударило что-то вроде шар-бабы, которой сносят стены, только сделанного не из чугуна, а из пенопласта. Тем не менее удар отшвырнул меня назад, сквозь ту же самую машину – адские погребушки, ох! – и я приземлился на спину. В глазах плавали звезды, и я не мог ни ахнуть, ни вздохнуть.

Ближайший дух уставился на меня своими пустыми глазницами, и я поспешно поднялся на ноги. Оглянувшись, я увидел, что Серое Привидение тоже уже на ногах и взгляд его горящих зеленым пламенем глаз обратился на меня.

В воздухе перед ним парил... Уж не череп ли?

Череп, в пустых глазницах которого полыхал холодный синий огонь.

– Да вы надо мной издеваетесь, – прошептал я. – Боб?

– Ты! – прошипело привидение, и руки его вытянулись, превратившись в огромные хищные клешни.

«Щелк!» – взвел сэр Стюарт курок своего пистолета.

Серое Привидение взвыло от досады и распалось на тысячу крошечных клочков тумана. Череп исчез вместе с ним. Полоски тумана свились в миниатюрный смерч и унеслись прочь по улице, оставив за собой сотню выкликавших разного рода проклятия голосов.

Я огляделся по сторонам. Последние духи умирали или бежали с поля боя. Защитники дома – в большинстве своем раненые, истекающие бледной эктоплазмой и мерцающими воспоминаниями, – оставались на своих рубежах. Сэр Стюарт одной рукой зажимал рану в боку, а в другой держал пистолет, нацеленный в пустоту, где только что находилось Серое Привидение.

– Эх! – произнес он и, убедившись, что бой окончен, осел на землю. – Черт подери! Отметина останется.

Я подошел к нему:

– Вы в порядке, старина?

– Ничего, парень. Ничего. И кой черт вы пытались сделать? Угробить себя?

Я насупился:

– Не за что. Рад, что сумел помочь.

– Вы были на волосок от гибели. Еще секунда – и эта тварь вас бы на клочки разнесла.

– Еще секунда – и вы все равно вогнали бы ему пулю в башку, – возразил я.

Вместо ответа сэр Стюарт нацелил пистолет на меня и спустил курок. Кремень высек сноп искр, но, если не считать этого, ничего не произошло.

– Вы что, блефовали? – не выдержал я.

– Разумеется, – утвердительно кивнул сэр Стюарт. – Этот пистолет, сынок, заряжается со ствола. Его надо перезаряжать, как и подобает истинному оружию. – Он как бы невзначай протянул руку к последним клочкам поверженного духа, и мерцающие обрывки воспоминаний, всплывшие от них, всосались в кончики его пальцев. Впитав последнее воспоминание,

сэр Стюарт вдохнул и тряхнул головой; похоже, хотя бы часть сил ему удалось восстановить. – Что ж, сынок, отлично. Помогите-ка мне встать.

Я помог. Часть тела сэра Стюарта – правый бок – сделалась чуть прозрачнее, и при движении становилось заметно, что это причиняет ему боль.

– Они скоро вернуться? – спросил я.

– Завтра вечером, если мои расчеты верны, – ответил он. – С подкреплениями. Давеча ночью их вели четверо лемуров. Сегодня было уже шесть. И еще этот седьмой... – Он тряхнул головой и принялся заряжать пистолет из рожка, висевшего у него на поясе. – Я знал, что они накапливают силы, но даже не подозревал, что задействуют заклинателя. – Он закончил возиться с пистолетом, повесил рожок обратно на пояс и повернулся ко мне. – Передайте-ка мне топор, сынок.

Я поднял топор с земли и протянул ему. Он сунул рукоять в петлю на поясе и кивнул:

– Спасибо.

Откуда-то сзади послышался протяжный скрежет, и я оглянулся.

Коренастый мужчина в темном свитере с капюшоном и поношенных джинсах держал в руках длинную фомку. Отработанным движением сунув ее в щель между дверью и косяком, он налег на нее. Снова послышался скрежет, и дверь распахнулась.

Не задумываясь ни секунды, сэр Стюарт выстрелил. Остальные защитники дома тоже открыли огонь. Шквал призрачных энергий обрушился на мужчину и беспрепятственно прошел сквозь него. Мать-перемать, парень, похоже, вообще ничего не заметил.

– Смертный, – выдохнул сэр Стюарт. Он сделал шаг, охнул от боли и, стиснув зубы, схватился за бок. – Дрезден, – прохрипел он, – смертного мне не остановить. Я ничего не могу с ним поделать.

Незнакомец перехватил фомку левой рукой, а правой достал из-под свитера короткий револьвер.

– Ступай! – велел Стюарт. – Предупреди Мортимера. Помогите ему!

Я озадаченно моргнул. Мортимер не оставил никаких сомнений, что не желает иметь со мной дела, и какая-то сохранившаяся с детства часть моей натуры твердила, что происходящее не лишено справедливости. Однако другая, более разумная часть настаивала, что без Морти мне не удастся связаться ни с одной живой душой в этом городе. Так я могу и не найти своего убийцу. Я даже не сумею защитить своих друзей.

И еще одно. Я не могу позволить, чтобы кто-либо вламывался к другим людям с целью укокошить их. Вот не могу, и все тут.

Я хлопнул Стюарта по плечу и бросился обратно в дом.

Глава 6

Вооруженный тип изрядно меня опередил, но у меня имелось преимущество, которым не обладал он. Я хорошо представлял себе планировку дома и знал, где схоронился Морти.

Ах да! Еще я мог проходить через гребаные стены.

Конечно, будь у меня выбор, я предпочел бы выступать в роли Колосса, а не Китти Прайд. Однако приходится довольствоваться тем, что дают, к тому же способности хотя бы какого-то из Людей-Икс гораздо лучше, чем ничего.

Я стиснул зубы, нырнул сквозь стену к Морти на кухню и бегом ринулся в кабинет, опережая типа с пистолетом на каких-то несколько шагов.

– Морти! – заорал я. – Морти, на этот раз они взяли с собой смертного убийцу! По вашему дому рыщет вооруженный тип!

– Что? – послышался голос Мортимера из-за укрепленной от призраков двери. – А где Стюарт?

– Черт подери, Морти, он ранен! – выдохнул я.

Последовала короткая пауза.

– Как это вышло? – спросил явно обескураженный Морти.

Запас моего терпения иссякал прямо-таки стремительно.

– Чтоб вас, Морти! Вы что, меня не слушали? У вас в доме гребаный убийца!

– Что?

На сей раз в его голосе прозвучало неподдельное беспокойство.

Тип с пистолетом услышал, как Морти мне отвечает, и направился к двери кабинета. Для своей внушительной комплекции он двигался на редкость легко. Теперь я смог наконец разглядеть его получше. Он выглядел оборванным, невымытым – и его одежда, и он сам. От него разлило настолько, что это ощущал даже я в своем, так сказать, состоянии. Судя по дикому блуждающему взгляду, пьянчуга не привык находиться в таком окружении. Это, впрочем, никак не сказывалось на руке, в которой он держал пистолет – большой, полуавтоматический.

– Морти! – рявкнул я. – Он сейчас как раз подходит к двери в ваш кабинет! Слушайте, приготовьте свой пистолет и держите его нацеленным на дверь! Я скамандую, когда стрелять!

– У меня нет пистолета! – пискнул Морти.

Я моргнул от неожиданности:

– У вас... чего?

– Я эктомант, а не герой боевика! – Он явно заметался по кабинету. – Э... черт, телефон перерезали.

Незнакомец негромко хохотнул:

– За тобой кое-кто охотится, приятель. – Голос звучал глухо, гнило как-то, словно обладатель его давным-давно умер. – Так приказано. Ступай со мной, и тебе не будет больно. Или оставайся здесь – и будет.

– Дрезден! – окликнул меня Морти. – Что мне делать?

– Ага, теперь вы готовы со мной говорить, – заметил я.

– Вы же тут знаете все это дерьмо насчет драк! – взвизгнул Морти.

– Начинаю отсчет, – произнес тип с пистолетом. – Пять...

– Для того чтобы выжить в драке, нужно быть к ней готовым! – крикнул я в ответ. –

Например, держать у себя пистолет.

– Завтра же куплю!

– Четыре...

– Морти, наверняка есть что-нибудь, что вы можете сделать, – настаивал я. – Адские погремушки, каждый раз, когда мне встречался какой угодно призрак, он обязательно пытался меня выпотрошить. И вы мне говорите, что ваши потусторонние приятели ничем не могут вам помочь?

– Так они же в своем уме, – возразил Морти. – Только сумасшедший призрак может пытаться взаимодействовать с физическим миром. Вменяемые призраки не разгуливают где попало и не ведут себя как психи.

– Три... – нараспев произнес незнакомец.

– Убирайтесь! – крикнул ему Морти.

– Наверняка я мог бы сделать что-нибудь! – взвыл я.

– Не я установил эти правила, ясно? – запальчиво произнес Морти. – Призрак может явить себя, только если он сошел с ума!

– Два! – выкрикнул незнакомец срывающимся от возбуждения голосом.

Я встал между ним и дверью и помахал руками вправо-влево, как если бы собирался отхлестать его по щекам.

– Буууу! – крикнул я.

Ничего не произошло.

– Похоже, надеяться особенно не на что, – обреченно произнес Морти.

– Один, – почти ласково произнес незнакомец, отступил на шаг назад и врезал по двери тяжелым башмаком.

Ему потребовалось три удара, чтобы вышибить дверь вместе с косяком.

За дверью его уже поджидал Морти с клюшкой для гольфа в руке. Не промедлив и доли секунды, он с мрачной решимостью с размаху опустил ее на голову незнакомца. Тот успел вскинуть руку, прикрываясь от удара, но инерции клюшки хватило, чтобы огреть его по лбу. Незнакомец отшатнулся на шаг-другой.

– Это все вы виноваты, Дрезден, – выплюнул Морти, занося клюшку для нового удара.

Он врезал незнакомцу по груди, потом еще раз по руке. На этот раз тот успел перехватить удар, а другой рукой замахнулся, целя Морти в лицо. Удар достиг цели, и Морти полетел на пол.

Незнакомец ощупал кровоточащую шишку на голове и издал полный боли вопль, что совершенно не соответствовало, в общем-то, пустяковой травме. Глаза его вновь округлились, он поднял пистолет и снова прицелился в коротышку.

Повинуясь исключительно инстинкту, я бросился между пистолетом и эктомантом. Однако на лету споткнулся об обломок двери, обработанной антипризрачным порошком, потерял равновесие, приземлился прямиком на Морти и...

...провалился в его тело.

Окружающий мир мгновенно расцвел новыми красками, словно сменили пленку или убрали фильтры. В комнате царил темнота. Незнакомец с пистолетом возвышался надо мной устрашающей громадой. Голос его звучал так громко, что стало больно ушам. В ноздри ударил отвратительный запах немытого тела, так что мой желудок скрутило. Я увидел, как напрягся его палец на спусковом крючке, и выбросил вперед руку с растопыренными пальцами...

Короткую, пухлую руку в черном рукаве!

– *Defendarius!* – рявкнул я на ломаной латыни – древнее оборонительное заклятие, которому я научился еще у Джастина Дю Морне, моего первого наставника.

Магия вскипела во мне и, пронзив мою руку, вырвалась из нее в воздух – как раз когда ударил выстрел, потом другой, и еще раз, и еще, словно в голове у стрелка сломался некий сдерживающий рычаг.

Пули высекали снопы искр из выросшей передо мной мерцающей голубой плоскости и рикошетили во все стороны. Одна из них угодила в ногу самому стрелявшему, и тот согнулся от боли и упал, но жать на спусковой крючок не прекращал до тех пор, пока вместо выстрела не клацнул опустевший затвор.

Я почувствовал, как губы мои шевелятся сами собой, когда голос Морти прогремел с такой силой и властью, каких я прежде от него не слышал:

– Пшел вон из меня!

Думаю, даже если бы меня катапультировали пороховым зарядом, все равно меня не отбросило бы быстрее. Я выскочил из тела Морти почти вертикально вверх, больно врезался башкой в потолок – судя по всему, Морти укрепил противопопризрачным порошком и его – и примерно так же болезненно плюхнулся на пол, где и остался лежать, оглушенный на пару секунд.

Незнакомец поднялся на ноги, тяжело и быстро дыша, при этом из его отвисших губ потекла слюна. Он подобрал выпавшую из пальцев Морти клюшку и шагнул к нему.

Морти пронзил его взглядом и заговорил все тем же властным тоном:

– Ко мне!

Я ощутил притяжение какой-то внезапной силы, столь же неуловимой и неоспоримой, как гравитация, и мне пришлось даже сделать над собой усилие, чтобы не податься в его сторону.

В выбитую дверь ворвались остальные призраки, словно их засосал невидимый торнадо. С полдюжины индейцев влетели в Морти, и, когда незнакомец замахнулся клюшкой, тот с индейским боевым кличем поднырнул под нее с ловкостью, неожиданной для человека его возраста и комплекции, перехватил незнакомца за запястье и опрокинулся назад, увлекая нападавшего за собой. Едва коснувшись пола спиной, он уперся пятками незнакомцу в живот и классическим приемом коренных американцев швырнул того спиной в стену.

Бандит вскочил, кипит от злости, с совершенно дикими глазами, но Морти успел стремительно пересечь комнату и сорвал со стены висевший на ней старинный топор. Мой оглушенный мозг с запозданием отметил, что топор выглядит в точности как тот, которым орудовал сэр Стюарт, плюс-минус пару столетий.

– Стюарт! – позвал Морти, и голос его отдался в моей грудной клетке эхом, словно исходил из мегафона с дополнительным усилением басов.

Почти мгновенно в дверь влетела, словно увлекаемая порывом ветра, фигура сэра Стюарта, пересекла комнату и нырнула в заметно уступавшее ей размерами тело Морти.

Незнакомец взмахнул клюшкой, но Морти легко блокировал удар рукоятью топора. Бандит попер на него, и по всем законам физики его силы и массы должно было хватить, чтобы опрокинуть коротышку на пол.

Но не хватило.

Морти удержал его с мощью, какой можно ожидать от куда более крупного, сильного и молодого человека. А может, и нескольких. Секунд пять или шесть он, не шевелясь, сдерживал натиск незваного гостя, потом рванулся, резко крутанувшись со всей силой своих плеч, бедер и ног, и использовал наконечник топора, чтобы выбить клюшку у того из рук. Незнакомец в ярости замахнулся кулаком, целя ему в лицо. Морти отбил удар обухом топора, а потом почти презрительным точным движением стремительно сунул тот же обух ему в лицо.

Оглушенный незнакомец отшатнулся, а Морти движениями опасного, опытного бойца развивал атаку. Рукоять топора с резким хрустом врезала тому по колену, а потом топор плашмя достал падающего уже неприятеля по челюсти. Снова послышался зловеющий хруст, и незнакомец камнем повалился на пол.

Мортимер Линдквист, эктомант, настороженно нагнулся над телом поверженного противника; взгляд его напряженно шарил по комнате.

А потом он вздохнул. Стальной топор с мягким стуком опустился на пол. Помогавшие ему призраки по одному покидали его и почти сразу растворялись в воздухе. Только изрядно запыхавшийся сэр Стюарт задержался на некоторое время.

Морти тяжело осел на пол. Голова его опустилась, грудь тяжело вздымалась. На лысом затылке взбухли вены.

– Адские погремушки! – выдохнул я.

Он поднял на меня усталый взгляд и пожал плечами.

– У меня нет пистолета, – пропыхтел он. – Никогда по-настоящему не чувствовал, что он мне нужен.

– Давненько вы, Мортимер, этого не проделывали, – заметил сэр Стюарт, привалившись спиной к стене. – Я уж думал, вы разучились...

Морти вяло улыбнулся в ответ:

– Я тоже так думал.

Я нахмурился и тряхнул головой:

– Что это такое было? Одержимость? Когда призраки принимают управление на себя?

– Нет, приятель, – фыркнул сэр Стюарт. – Скорее совсем наоборот.

– Не судите меня строго, Дрезден, – пробормотал оправдывающимся тоном Морти. – Я эктомант. Иногда мне приходится одалживать у призраков часть их знаний или умений. Но это я руковожу духами – не они мной.

– Как это вы справились с пистолетом? – с любопытством профессионала поинтересовался Стюарт.

– Я... – Морти покачал головой и посмотрел в мою сторону.

– Магия, – вполголоса пояснил я. В башке слегка гудело, но складывать слова в законченные предложения я, пожалуй, все-таки мог. – Я... вроде как влился в него... и выстроил щит. Сэр Стюарт вскинул бровь.

– Хм, – только и сказал он.

– Мне на некоторое время понадобились ваши навыки, – все с тем же неловким видом пояснил Морти. – Весьма признателен.

– Да пустяки, – отозвался я. – Просто уделите мне пару часов вашего времени, и будем в расчете.

Пару секунд Морти молча смотрел на меня. Потом покачал головой:

– Вы здесь всего двадцать минут, Дрезден, а меня уже едва не прикончили. Господи, неужели вы так и не поняли? – Он подался вперед. – Я не рыцарь. И не шериф Чикаго. Я не какой-нибудь обуреваемый жаждой смерти Дон, мать его растак, Кихот. – Он снова покачал головой. – Я трус. И меня это вполне устраивает.

– Но я ведь спас вам жизнь, дружище, – не сдавался я.

Он вздохнул:

– Ага. Но... Как я уже сказал. Трус. Мне нечем вам помочь. Ступайте и поищите своего Санчо Пансу где-нибудь в другом месте.

С минуту я сидел молча, ощущая себя ужасно усталым.

Когда я наконец поднял взгляд, на меня пристально смотрел сэр Стюарт. Потом он прокашлялся и заговорил этаким менторским тоном:

– Не в моих привычках ворошить прошлое, но не могу не напомнить, что ваша жизнь заметно переменялась к лучшему с тех пор, как вы познакомились с Дрезденом.

Лысина Морти слегка покраснела.

– Что?

Сэр Стюарт невозмутимо развел руками:

– Я только хотел сказать, что за это время вы заметно окрепли умением и духом. Когда вы впервые связались с Дрезденом, вы вытягивали из людей деньги дешевыми сеансами, да и общаться с духами разучились, если не считать меня.

Морти испепелил сэра Стюарта взглядом:

– Эй, дедуля! Когда мне понадобится ваше мнение, я за ним обращусь.

Улыбка сэра Стюарта сделалась чуть шире.

– Разумеется.

– Я помогаю духам обрести покой, – настаивал Морти. – Я не делаю ничего такого, от чего меня разнесет на клочки. Я, можно сказать, всего лишь глас духов, не более того.

– Послушайте, Морти, – вмешался я. – Если придерживаться чисто формальной точки зрения, я на текущий момент, по сути, не совсем призрак...

Он снова закатил глаза:

– О господи! Вот бы мне платили хотя бы по четвертаку за каждого призрака, являющегося ко мне с утверждением, что он не совсем призрак. Что он не такой, как другие...

– Ну, это ясно, – проговорил я. – Но...

Он закатил глаза еще пуще:

– Но если вы не призрак, как тогда мы с вами общаемся таким вот образом? Как я смог изгнать вас из себя?

Я не нашелся что ответить. Пусть мой желудок и сделался нематериальным, но противное ощущение в нем чувствовалось вполне явственно.

Призраки – вовсе не копии людей, которых они отображают. Во всяком случае, не в большей степени, чем отображают следы, оставленные теми на земле. Внешнее сходство, конечно, имеется, но в общем и целом призрак – всего лишь воспоминание, впечатление, оставленное умершим. Призраки могут обладать чертами характера, эмоциями, памятью, и все же это не те люди, что их оставили.

Когда человек, умирая, оставляет за собой призрака, это означает, что часть его жизненной энергии сохранилась, сформировав новое существо, схожее с первоисточником сознанием, а часто и физической внешностью.

Разумеется, это означало, что они наследуют и многие из людских недостатков. Страсть. Ненависть. Безумие. Если то, что Морти говорил насчет взаимодействия духов с материальным миром, правда, значит все классические истории о призраках относятся только к тем незадачливым духам, которые сломались, тронулись рассудком. Однако в подавляющем большинстве своем призраки всего лишь нематериальны, пусть они и скорбят по утраченному, но с плотным миром не взаимодействуют никак.

– Но я-то ведь вовсе не похож на такую-то тень-самообманщицу. Ведь правда?

Я покосился на сэра Стюарта.

Тот пожал плечами.

– Большинство из нас, теней, неохотно признаются себе, что они не совсем те, какими были при жизни, – мягко произнес он. – И это даже в случаях, когда они понимают, что уже являются призраками. Занимающиеся самообманом тени встречаются чаще, чем такие, которые этим не страдают.

– Вы хотите сказать, что... – Я взъерошил пятерней волосы. – Хотите сказать, что все эти туннели с далеким светом в конце, вся эта моя миссия существуют только в моем сознании? Что я просто не хочу признать, что превратился в призрака?

Солдат-призрак неопределенно махнул рукой, и его британский акцент сделался еще заметнее:

– Я всего лишь хочу сказать, что все это вполне вероя... миссия? Что еще за миссия? О чем это вы толкуете?

Пару секунд я молча смотрел на него, а он – на меня.

– Насколько я понимаю, – предположил я наконец, – вы не смотрели «Звездные Войны».

Сэр Стюарт снова пожал плечами:

– Я считаю кинокартины изрядно преувеличенными и навязчивыми, практически не оставляющими зрителям возможности мыслить самостоятельно.

– Так я и знал, – вздохнул я. – Иначе через пару слов назвал бы вас Трипио.

Он недоуменно нахмурился:

– Чего?

– Господи! – простонал я. – Теперь мы сползаем в дешевую сценку из «Монти Пайтона». – Я снова повернулся к Морти. – Послушайте, Морти, там, по ту сторону, меня встретил Джек Мёрфи и отправил обратно – выяснить, кто меня убил. Сперва он много чего говорил, но в основном это сводилось к «мы тебе все равно не можем ничего объяснить, так что просто делай как сказано».

С минуту Морти опасно косился на меня... Вернее, на мою нематериальную оболочку. Потом вздохнул:

– Вам кажется, что вы говорите мне правду.

Все это начинало меня раздражать.

– Нет! – отрезал я. – Я просто говорю правду.

– Уверен, вы так считаете, – кивнул Морти.

Я почувствовал, что терпение мое вот-вот лопнет.

– Если бы я не проходил через вас насквозь, с удовольствием расквасил бы вам сейчас ваш чертов нос.

Морти вспыхнул и обиженно стиснул зубы:

– Да, правда? Валяйте, попробуйте. Уж я-то надеру вашу бестелесную задницу.

Сэр Стюарт нетерпеливо кашлянул, словно и ему осточертело слушать эту белиберду:

– Мортимер, Дрезден только что бился бок о бок с нами, защищая ваш дом, а потом поспешил сюда, чтобы спасти вашу жизнь.

Тут до меня наконец дошло, и я уставился на сэра Стюарта.

– Вы ведь могли и сами войти? – спросил я. – Вы и без меня могли помочь Мортимеру отбиться от нападавшего. Но хотели посмотреть, как я поведу себя в критической ситуации. Устроили проверку.

Сэр Стюарт улыбнулся:

– Можно сказать и так. Разумеется, я не мог позволить вам причинить Мортимеру никакого вреда, поэтому был готов прийти на помощь, буде он позовет. Но и узнать побольше о вас тоже не мешало. – Он повернулся к Мортимеру. – Этот парень мне по душе. И его прислал Джек Мёрфи.

Мы с Морти оба уставились на сэра Стюарта, забыв о своей конфронтации.

– Это начальник отдела «Черная кошка», – пояснил Мортимеру Стюарт. – Покончил с собой в своем кабинете. К нам время от времени являются свежие духи, которых он выдернул из всякого рода неприятностей. А его-то безмозглым дураком никто не назовет.

Морти старательно избегал встречаться взглядом с сэром Стюартом.

Он скептически хмыкнул:

– Или, может, призрак Джека Мёрфи еще более безмозглый, чем остальные. Может, у него просто талант подогревать иллюзии других призраков?

– Адские погремушки, Морти! – не выдержал я. – Сейчас вы договоритесь до того, что я вообще с его призраком не встречался. Что мне померещилось, будто я сделал так, чтобы ему померещилось, будто он сделал так, чтобы все это мне померещилось.

Сэр Стюарт негромко фыркнул:

– Справедливое замечание.

– Это ничего не меняет, – упорствовал Морти. – Проверить все равно невозможно.

– Неверно, – перебил сэр Стюарт. – Призовите его. Если он и впрямь еще одна заблуждающаяся тень, это проще простого.

Морти не поднимал взгляда. Но и сдаваться не собирался.

– Я не буду беспокоить Джека. – Он посмотрел-таки на меня и собрался с духом. – Но даже если капитан Мёрфи настоящий, это еще не значит, что тень Дрездена разумна. Или не сошла с ума.

– А вы просто допустите возможность, что это не так, – посоветовал сэр Стюарт. – Тут дело не совсем обычное.

Морти мгновенно наострил уши:

– Необычное?

– Энергия. Жизненные силы. – Сэр Стюарт пожал плечами. – Возможно, это мне лишь кажется. Но даже если так...

Морти с долгим вздохом повернулся к призраку:

– Вы ведь от меня не отстанете.

– На следующие пятьдесят или шестьдесят лет у меня ничего особенного не намечено, – беззаботно ухмыльнулся сэр Стюарт. – Любое развлечение придется к стати. Даже если всего на полчаса или около того.

Морти устало потер переносицу и закрыл глаза:

– О господи...

Сэр Стюарт ухмыльнулся шире:

– Примите в расчет еще одно обстоятельство.

– А?

– Сегодняшнее нападение оказалось ожесточеннее прежних. Мы потеряли больше защитников. И тварь, что за этим стоит, показалась сама. – Он продемонстрировал свой все еще полупрозрачный бок. – Я не смогу сдерживать их до бесконечности, Мортимер. А участие в этом смертного наемника говорит нам о двух вещах.

– Об одной, – поправил я его. – О том, что Серое Привидение достаточно опасно, чтобы якшаться со смертными.

– О двух, – настаивал сэр Стюарт. – Эта тварь охотится на вас. Лично.

Морти поперхнулся.

Я встал и проковылял посмотреть на лежавшего неподвижно незнакомца. Тот негромко застонал.

– Самое время завести друзей, – с серьезным видом заметил Стюарт. – Вы остались живы сегодня исключительно благодаря Дрездену. И у него в этом городе немало союзников, которые могли бы помочь вам, если бы у них появилась на то причина.

– Вы и сами в порядке, – неуверенно отозвался Морти. – Вы попадали и в худшие заварушки.

Сэр Стюарт вздохнул:

– Возможно. Однако же враг вряд ли даст мне передышку перед новой атакой. Вам нужна помощь Дрездена. А он просит вашей. – Лицо его посуровело. – И я тоже.

Незнакомец снова застонал и пошевелился.

На лбу у Морти выступили капли пота. Он покосился на лежавшего незнакомца, поспешно вскочил на ноги, повернулся ко мне и кивнул:

– Ладно, Дрезден. Я помогу. Но вы за это попросите своих союзников взять меня под охрану.

– Договорились, – сказал я и посмотрел на сэра Стюарта. – Спасибо.

– Час, – заявил Морти. – Даю вам один час.

– Идет, – кивнул я.

– Идет, – эхом отозвался он, похоже обращаясь больше к самому себе. – Я ведь не собираюсь вступать в Совет или что-то в этом роде. Всего только час. Один маленький час. Что может случиться за какой-то час?

Тут я окончательно удостоверился, что Морти не врал, когда говорил, что не герой.

Герои гораздо лучше умеют держать Вселенную в узде.

Глава 7

Машина у Морти оказалась гибридная – один из этих маленьких игрушечных автомобильчиков, которые могут ездить когда на бензине, а когда на честном слове. Сделали ее, судя по всему, из упаковочной бумаги и изолянт, а еще снабдили компьютером, который запросто смог бы рулить национальной системой аэрокосмической обороны, и у него хватило бы памяти, чтобы играть при этом в крестики-нолики. Или, скажем, в ядерный апокалипсис.

– Пожалуй, к лучшему, что я умер, – буркнул я, забираясь в машинку сквозь закрытую дверь. – Если бы я еще дышал, то сильно опасался бы здесь за свою молодую жизнь. Это же не машина, а яйцо. И не нормальное, надежное, сваренное вкрутую. А самое что ни на есть хрупкое.

– И это говорит тип, который десять лет без перерыва гонял на родном брате деревянной машины из «Флинстоунов», – огрызнулся Морти.

– Джентльмены, – вмешался Стюарт, с опаской устраиваясь на крошечном заднем диванчике, – скажите, у вас имеется реальный повод быть недовольными друг другом или же вам просто доставляет детское удовольствие говорить колкости?

Теперь, когда бой остался позади, манеры сэра Стюарта снова сделались церемонными, как и подобало в его родную эпоху. Кстати, подумал я, над этим стоит поразмыслить. Офицер колониальных войск явно происходил не из «хорошего общества». Официальное, степенное, архаичное построение фраз, явно усвоенное им за годы карьеры, мгновенно улетучивалось в горячке боя.

– Ладно, Дрезден, – буркнул Морти. – Куда?

Он отворил дверь гаража и высунул голову под снег. Тот теперь валил еще гуще. Вообще-то, в Чикаго хорошо убирают снег в зимнее время... но, черт подери, месяц-то был май!

Судя по высоким, слежавшимся сугробам, холодная не по сезону погода явно застала город врасплох. Проезжую часть покрывал толстый, в несколько дюймов, слой свежего снега. По крайней мере, перед домом Морти очиститель не проезжал со вчерашнего дня. Стоит маленькому гибриднему автомобильчику наехать на скользкий участок, и его закрутит, как корову на льду.

Я попробовал прикинуть в голове план города. Я испытывал легкие угрызения совести, заставляя Морти выезжать в такую погоду, – даже с учетом того, что он был жив и более или менее здоров. Я не простил бы себе, если бы с ним что-нибудь случилось, и просить его о чем-либо сверх совершенно необходимого было бы жестоко. Но погода явно ухудшалась, так что уложиться в отведенный им часовой лимит с каждой минутой становилось все труднее.

– К Мёрфи, – тихо произнес я и продиктовал адрес.

Морти хмыкнул:

– Которая в полиции работала?

Я кивнул. Мёрфи дождалась-таки, что ее вышибли с работы после очередного прогула ради помощи мне. Она знала, на что идет, и сама сделала этот выбор, но все равно я испытывал острое чувство вины. Даже смерть этого не изменила.

– Она девушка проницательная. Никто в городе, наверное, не присмотрит за тобой лучше, чем она.

Морти хмыкнул еще раз и вырлил на улицу. Вел он медленно, осторожно. Выражение лица он тоже сохранял осторожное, непроницаемое.

– Морти! – не выдержал я. – Чего вы мне недоговариваете?

– Я, вообще-то, машину веду, – пробурчал он.

Я издал крайне недовольный звук, затем покосился через плечо на сэра Стюарта:

– Итак?

Сэр Стюарт не спеша полез в карман своей шинели и извлек оттуда короткую трубку. Он насыпал в нее что-то из кисета, чиркнул длинной старомодной спичкой и раскурил трубку. Дым всплыл и, коснувшись потолка салона, осел на нем тонким слоем блестящей эктоплазмы – субстанции, в которую обращается материя потустороннего мира, становясь материальной.

– Послушать его, – произнес он наконец, мотнув головой в сторону Морти, – весь мир за последние несколько месяцев съехал с катушек. Хотя должен признать, в моем представлении это выглядит примерно так же. Везде сплошной дурдом – с самого появления этих ваших компьютеров.

Я фыркнул:

– Так что изменилось?

– Ходят слухи, что вы укукошили всю Красную Коллегию вампиров, – сказал сэр Стюарт. – Это правда?

– Они похитили мою дочь, – ответил я.

Несмотря на мою попытку говорить нейтральным тоном, эти слова все равно прозвучали как сквозь зубы. Я даже не знал о существовании Мэгги до тех пор, пока Сьюзен Родригес не вынырнула из ниоткуда после долгих лет отсутствия и не попросила о помощи – спасти нашу дочь. Я готов был пойти на все, только бы вернуть девочку.

Я поехал. Я... мне пришлось много чего совершить, чтобы вырвать Мэгги из лап Красной Коллегии. О таком и вспоминать не хочется, не то что этим гордиться. Мне даже в страшном сне не могло привидеться, что я смогу сотворить.

Воспоминание о горячей крови, хлынувшей из перерезанного горла, из-под самых моих пальцев, оказалось таким ярким, что мне пришлось на секунду-другую низко наклонить голову, отгоняя его прочь. Мэгги... Чичен-Ица... Красный Король... Сьюзен...

Кровь Сьюзен повсюду...

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы ответить сэру Стюарту:

– Не знаю, что вам рассказывали. Я просто пошел и вернул свою девочку... и отдал ее в хорошие руки. Но прежде чем это случилось, погибли ее мать и чертова прорва вампиров.

– Все до одного? – допытывался сэр Стюарт.

Я помолчал и лишь потом кивнул:

– Возможно. Угу. Я сам не знаю наверняка. Быть может, самых младших заклятие и пощадило – я ведь его точной формулировки не знаю. Но те сволочи, что находились вокруг меня, погибли точно. А заклятие составлялось так, чтобы очистить мир от того рода, на которое его нацелили.

Морти за рулем издал неопределенный звук:

– Но... Я хочу сказать, не может ли выйти так, что Белый Совет не одобрит этого? В смысле убийства с помощью магии.

Я пожал плечами:

– Красный Король собирался использовать заклятие на восьмилетней девочке. Если Совету не нравится, каким образом я помешал этому совершиться, они могут поцеловать меня в нематериальную задницу. – Я невольно усмехнулся. – И потом, я же вампиров с помощью магии убил, а не людей. Да и что Совет вообще может со мной сделать? Голову отрубить? Я и так уже мертв.

Я заметил, что Морти переглянулся со Стюартом в зеркале заднего вида.

– За что вы на них так злы, Гарри? – спросил меня Морти.

Я хмуро покосился на него, потом на Стюарта:

– Почему это мне все время кажется, что мне лучше пойти прилечь?

– Тень образуется тогда, когда осталось незавершенным что-то важное, – объяснил сэр Стюарт. – Часть нашей работы здесь заключается в том, чтобы понять, что именно так сильно привязывает вас к жизни. А для этого приходится задавать вопросы.

– Чтобы я мог спокойно проследовать дальше по назначению? Или куда там?

– Скорее, чтобы меня оставили в покое, – буркнул Морти.

– Что-то вроде того, – поспешно вмешался сэр Стюарт, пока я не успел дать Морти ответ. – Мы просто хотим помочь.

Я внимательно посмотрел на него, потом на Морти:

– Так чем вы занимаетесь? Покоите духов с миром?

Морти пожал плечами:

– Если бы этим никто не занимался, на городских кладбищах скоро не хватило бы места. Некоторое время я размышлял над его словами.

– Тогда почему, – спросил я наконец, – вам не удалось упокоить сэра Стюарта?

Морти не ответил. Неуютное у него вышло молчание – жесткое какое-то, колючее.

Сэр Стюарт подался вперед, положил руку Морти на плечо, пожал несильно и вернулся на место.

– Случается такое, чего уже не исправишь, приятель, – объяснил он мне. – Никто не сможет. Вся королевская конница, вся королевская рать...

– Вы заперты здесь? – тихо предположил я.

– Будь я заперт, до сих пор бы полагал, что я настоящий живой сэра Стюарт. Но это не так. Я всего лишь его тень. Можно, наверное, считать это незадачей. – Он покачал головой. – Но я предпочитаю смотреть на это с другой стороны: я полагаю себя тем, кто сотворен специально для такого существования. У меня есть причины быть тем, кто я есть, здесь и сейчас. Многие ли из тех, что во плоти, могут похвастаться тем же?

Я хмуро уставился в летевшую нам навстречу заснеженную дорогу.

– И какова ваша миссия? Приглядывать за этим неудачником?

– Эй! – возмутился Морти. – Я здесь и все слышу.

– Я помогаю другим заблудшим духам, – ответил сэра Стюарт. – Помогаю им, скажем так, разобраться в ситуации. Помогаю не сойти с ума, если им суждено стать манами. А если их удел – превратиться в лемура, помогаю им обратиться в ничто.

Я все так же хмуро оглянулся на сэра Стюарта:

– Это... как-то банально.

– В некотором смысле – да, – невозмутимо согласился он.

– Так, значит, вы – из числа манов? Вроде древнеримской тени предков?

– Это не такой простой вопрос, Дрезден. Ваш Белый Совет – известная компания именитых людей. Я слышал, они ведут свою историю от Древнего Рима?

– Угу, – подтвердил я.

Он кивнул:

– И, подобно римлянам, они любят раскладывать по полочкам абсолютно все, до последней, никого не волнующей мелочи. А правда в том, что мир неуспокоенных духов плохо поддается классификации. – Он пожал плечами. – Я обитаю в Чикаго. Я защищаю дом Мортимера. Я то, что я есть.

Я крикнул и некоторое время молчал.

– Так вы обучаете духов-новичков? – спросил я наконец.

– Разумеется.

– Тогда можно задать вам несколько вопросов?

– Сколько угодно.

– Ну, понеслась... – буркнул Морти.

– Ладно, – кивнул я. – Я дух, и я у вас новичок. И вроде как могу проходить почти сквозь что угодно – например, сквозь дверцу этой машины.

– Можете, – подтвердил сэра Стюарт с легкой улыбкой.

– Тогда почему моя задница не проваливается сквозь сиде...

Я осекся, испытал знакомое уже ощущение прохода сквозь физическое тело; оно возникло в ягодицах и мгновенно пробежало вверх по спине. Задницу словно обожгло холодом, снег мгновенно забился под штаны, и я взвыл от неожиданности.

Сэра Стюарт явно знал, что произойдет. Он выметнул руку, ухватил меня за отворот плаща и бесцеремонно втолкнул обратно в машину, сунув на сиденье рядом с собой. Я сделал попытку уцепиться за подлокотник и спинку переднего кресла, на котором только что сидел сам, – с тем же результатом: мои руки прошли сквозь них. Я дернулся вперед, крутясь, словно попал в водяной поток, и на этот раз полетел в снег физиономией.

Сэра Стюарт снова затащил меня обратно.

– Мортимер, – произнес он слегка раздраженным тоном.

Морти промолчал, но, когда меня снова водрузили в кресло, сквозь пол машины я больше не проваливался. В зеркале заднего вида я увидел его ухмылку.

– Вы не проваливаетесь сквозь пол машины, поскольку на самом глубоком, подсознательном уровне принимаете этот пол как данность, – объяснил сэр Стюарт. – Вы совершенно убеждены, что такие иллюзии, как гравитация или плотность, реальны.

– Есть неувязочки, – возразил я.

Сэр Стюарт приподнял бровь.

Я вздохнул.

– Если я так верю в реальность иллюзий, как же мне удастся проходить сквозь стены? – поинтересовался я.

– Потому что на каком-то уровне сознания вы убеждены, что духам положено делать именно это.

Я насупился так сильно, что брови сошлись на переносице.

– Значит... вы хотите сказать, что я не проваливаюсь сквозь землю потому, что думаю, что так не положено?

– Скорее потому, что вы не думаете, что так положено, – ответил он. – И именно поэтому, стоило вам подумать о возможности противного, вы и провалились сквозь пол.

Я медленно покачал головой:

– А почему это не повторяется снова?

– На данный момент потому, что этого не позволяет сделать Мортимер. Мой вам совет: не думайте об этом слишком много, – серьезно произнес сэр Стюарт. – С вас пока и своих забот хватит.

– Нельзя же ни о чем не думать! – возмутился я. – Ну-ка попробуйте не думать о розовых слонах, умоляю!

Сэр Стюарт расхохотался было, но охнул и схватился за раненый бок. Я видел, что ему больно, но улыбка не покинула его губ.

– Обыкновенно на то, чтобы признать этот факт, уходит больше времени, – сказал он. – Конечно же, вы правы. Еще не раз случится такое, что вам будет казаться, будто вы не в состоянии повлиять на подобные штуки.

– Почему? – слегка раздраженно спросил я.

На сэра Стюарта мой тон, похоже, не произвел особого впечатления.

– Через это проходит каждая новая тень. Но это не навсегда.

– Тьфу, – вздохнул я. И, подумав, заметил: – Что ж... Зато с прыщами проблем нет.

Морти на водительском месте издал громкий смешок.

Звезды и камни! Терпеть не могу быть новичком.

Глава 8

Дом достался Мёрфи в наследство от бабки, и построили его никак не меньше ста лет назад. Бабуля Мёрфи истово увлекалась разведением роз. Сама Мёрфи любви к цветам не унаследовала, а потому прибегала к услугам наемных садовников. Цветник в палисаднике не посрамил бы и особняка раза в четыре больше, но сейчас, укутанный снегом, производил довольно гнетущее впечатление. Голые, усеянные шипами ветви, подстриженные еще прошлой осенью, скелетами торчали из-под снежного покрывала.

Сам по себе дом невелик – типичный колониальный особнячок, одноэтажный, приземистый, крепкий и довольно уютный на вид. Его строили еще в те времена, когда спальня десять на десять футов не считалась зазорной для хозяев, а на кроватях спало по несколько детей. Въехав, Мёрфи обшила фасады сайдингом, поставила новые окна и утеплила стены, так что домик, похоже, готов был спокойненько простоять еще сотню лет.

На улице перед домом Мёрфи стоял низкий, дорогой черный седан, шины которого утопили в снегу на несколько дюймов. В этом квартале относительно дешевого жилья он выгля-

дел не более естественно, чем колесница с карнавала на День святого Патрика с танцующими лепреконами на палубе.

Сэр Стюарт посмотрел на меня, бросил взгляд на улицу и нахмурился:

– Что-то не так, Дрезден?

– Тачка какая-то неправильная, – ответил я.

Морти оглянулся на меня, и я ткнул пальцем в черную махину.

Он изучающе посмотрел на нее и кивнул:

– Угу. Немного странно видеть такую в квартале вроде этого.

– А что? – удивился сэр Стюарт. – Нормальная машина, удобная. Автоматическая коробка...

– Дорогая, – пояснил я. – Такие в непогоду просто так на улице не бросают. Стоит хоть раз проехать мимо машине, посыпающей дорогу песком с солью, и увидите, что станется с полировкой и краской. Поезжайте дальше, Морти. Вокруг квартала.

– Да-да, – раздраженно отозвался Морти. – Я же не идиот.

– Оставайтесь с ним, – попросил я сэра Стюарта.

А потом сделал глубокий вдох, вспомнил, что я бестелесный, и решительно сунул ноги сквозь пол машины. Ноги ушли в снег по щиколотку, а тело неприятно защипало, когда материальное тело машины проходило сквозь меня. Я собирался просто встать на ноги и остаться на месте, пока машина не проедет дальше, но как-то забыл о таких штуках, как скорость и инерция, поэтому кубарем покатился следом за машиной и остановился только тогда, когда врезался в сугроб перед соседним домом. Это оказалось болезненно, и я, лязгая зубами от холода, поспешно выбрался из сугроба.

– Н-нет, Г-гарри, – напомнил я себе, крепко зажмурившись. – Эт-то в-все иллюзия. Это все твоё сознание выстраивает сообразно твоим привычкам. Но ты вовсе не врезался в сугроб. Ты этого не можешь. И в снегу извальяться тоже не можешь. А тем более не можешь промокнуть и замерзнуть.

Я сосредоточился на этой мысли и на произносимых словах, вложив в них всю свою волю, как делал раньше, призывая духа или призрака, потом открыл глаза.

Снег, облепивший меня с ног до головы, исчез. Я стоял рядом с сугробом совершенно сухой, кутаясь в свой кожаный плащ.

– Ну что ж, – заметил я сам себе. – Вот так-то лучше.

Я сунул руки в карманы и, не обращая внимания на продолжавший идти снег и ровный северный ветер, зашагал через розовый палисадничек бабули Мёрфи к двери. Поднявшись на крыльцо, я собрался было постучать, как проделывал это столько раз в прошлом.

И тут произошли сразу два события.

Во-первых, моя рука застыла, не коснувшись дерева. Так близко, что два листика писчей бумаги между костяшками пальцев и дверью вы, возможно, и просунули бы, но уже три – никак. А еще я услышал приглушенный, но вполне различимый звук соприкосновения, хотя, как я и сказал, до двери дотронуться не смог. Во-вторых, полыхнула вспышка – и что-то вроде электрического разряда пронзило мою руку, ударив в позвоночник и отшвырнув прочь с крыльца.

Несколько секунд я лежал в снегу, оглушенный. Я попытался еще раз убедить себя, что все это мне только мерещится, однако ощущение реальности – настоящей, жесткой, неоспоримой, реальной реальности – оказалось сильнее. Не сразу, но я все-таки пришел в себя и сел. Еще некоторое время у меня ушло на то, чтобы сообразить: меня поразило нечто, специально запрограммированное, чтобы задерживать пытающихся проникнуть в дом духов.

Дом Мёрфи защищали обереги; его естественный порог использовался в качестве основы для других, более агрессивных систем защиты. И пусть от меня оставалась лишь тень моего

прежнего «я», все же я еще был чародеем настолько, чтобы распознать свои собственные чер-
товы обереги – или, по крайней мере, чьи-то другие, очень на них похожие.

Дверь отворилась, и на улицу выглянула Мёрфи. Ростом она заметно ниже среднего, зато
вылеплена из упругой стали. Свои золотистые волосы со времени нашей последней встречи
она постригла коротким ежиком, и та же решимость читалась в напряжении шейных мышц, в
упрямо выставленном подбородке. Одета она была в джинсы и клетчатую рубаху поверх синей
футболки; в руке сжимала свой полуавтоматический пистолет.

От одного ее вида все внутри меня болезненно сжалось.

На меня разом нахлынула целая волна воспоминаний – начиная с первой нашей встречи
по делу о пропавших без вести много лет назад. Я тогда работал ассистентом другого частного
детектива, а Мёрфи – простым следователем. Все наши тогдашние споры и недопонимания,
каждое подшучивание и остроумная реплика, каждый момент откровения и доверия, что мед-
ленно, неохотно, но все-таки зарождалось между нами, – все это ударило в меня с силой тысячи
пушечных ядер. И конечно, последняя наша встреча, когда мы стояли на палубе катера моего
брата, стояли у грани, которую до сих пор не позволяли себе переступить...

– Кэррин, – окликнул я едва слышным шепотом.

Мёрфи едва заметно нахмурилась и продолжала стоять на морозе, напряженно шаря
взглядом из стороны в сторону.

Глаза ее скользили по мне, мимо меня, сквозь меня, не задерживаясь. Она не видела
меня. И не слышала. Мы теперь принадлежали разным мирам.

Осознание этого оказалось неожиданно болезненным.

Прежде чем я успел собраться с мыслями, Мёрфи снова закрыла дверь. Я услышал, как
щелкнуло несколько замков.

– Полегче, дружище, – услышал я спокойный, негромкий голос сэра Стюарта. Он накло-
нился и ободряюще положил руку мне на плечо. – Не спешите подниматься. Это больно. По
себе знаю.

– Угу, – пробормотал я, кашлянул и поморгал, стряхивая с ресниц слезинки, которые
никак не могли быть реальными. – Почему?

– Я же говорил. Воспоминания здесь – все равно что жизнь. Жизнь и сила. Вид тех, кто
был тебе дорог, пробуждает воспоминания столь сильные, каких не дано испытать смертному
при жизни. К этому приходится привыкать.

Я обхватил руками колени и опустил на них подбородок.

– Долго?

– Как правило, – мягко произнес сэр Стюарт, – до тех пор, покуда те, кого ты любишь,
сами не преставятся.

Я поежился.

– Угу, – повторил я. – Что ж, на такое у меня нет времени.

– У вас, Дрезден, вообще ничего нет, кроме времени.

– Но у троих моих близких его нет, – с резкой горечью возразил я. – Они пострадают,
если я не сделаю все как надо. Если не найду того, кто меня убил. – Я закрыл глаза и сделал
несколько глубоких вдохов. Воздуха я при этом в легкие не набирал. Мне вообще не нужно
было дышать – только так, по привычке. – Где Морти?

– Ждет за углом, – ответил сэр Стюарт. – Подойдет сразу, как только мы удостоверимся,
что здесь безопасно.

– Чего? – возмутился я. – Так я, значит, теперь секретная служба этого трусишки?

Я заставил себя подняться на ноги и оглядел дом:

– Вы ничего угрожающего не замечаете?

– Пока ничего, – ответил сэр Стюарт, – если не считать того якобы подозрительного
экипажа на улице.

– Ладно. Дом защищен берегами. Не знаю, рассчитаны ли они только на нематериальных нарушителей, или смертному навредить тоже могут. Скажите ему, пусть не дотрагивается до дома. Во избежание непредвиденного.

Сэр Стюарт кивнул:

– Я обойду дом кругом. Вернусь с Мортимером.

Я пробормотал что-то в ответ и осторожно ощупал береги. Они оказались мощными, но... я бы сказал, уязвимыми. Свои береги я выстраивал как цельный, монолитный энергетический барьер. В эту защиту тоже закачали уйму энергии, но, казалось, я стою перед стеной высотой двенадцать футов, выстроенной из кубиков лего. Всякий, обладающий средними магическими способностями, мог бы нащупать в этой оборонительной схеме слабое звено и ударить туда. Конечно, это ослабило бы защиту, но не обрушило бы ее всю. Вот мои береги – те обрушились бы, потеряв хоть одна их часть свою целостность. Здесь же стена лишилась бы лишь некоторого количества кирпичиков.

Что ж, игроку из низшей лиги это давало определенные преимущества. Модульные береги проще строить, да и ремонтировать удобнее. Разрушь кто-нибудь часть обороны, и остальные ее части быстро сомкнут ряды. Видит бог, подобное заклятие наверняка обходится на порядок дешевле, и для него вам не потребовался бы полноценный чародей из Белого Совета.

Но и отрицательные стороны у него тоже имеются. В мире хватает всякого, способного сквозь такой барьер прорваться, а после того, как вас укокошат, вашему остывающему трупу уже будет безразлично, дорого или дешево обойдется ремонт.

И все же, черт подери, такая защита гораздо лучше, чем ничего. Основная схема явно базировалась на моих принципах, только немного подредактированных. Кто, интересно знать, проделал это с домом Мёрфи? И зачем?

Я повернулся и сошел с крыльца, чтобы заглянуть в окно. Ощущал я себя при этом отчасти вуйеристом, но все равно не знал, чем еще заняться до тех пор, пока не подойдет Морти, чтобы говорить за меня.

– С вами правда все в порядке? – спросил откуда-то из глубины дома мужской голос.

Я прищурился, нахмурил брови, собираясь с мыслями, и ухитрился забраться на какой-то тонкий куст под окном, с которого смог наконец заглянуть поверх спинки стоявшего у окна кресла.

На диване в гостиной у Мёрфи сидел мужчина в черном костюме, накрахмаленной белой рубашке и черном галстуке в темно-бордовую полоску. Еще его отличали смуглая кожа – не африканская, скорее средиземноморская – и выбеленные перекисью волосы. А вот цвет его глаз я описал бы с трудом: что-то среднее между темно-медовым и сумахом; резкий изгиб носа напомнил мне клюв хищной птицы.

– Прекрасно, – отозвалась Мёрфи. Она стояла, сунув пистолет за пояс джинсов. Вообще-то, «ЗИГ» – компактное девятимиллиметровое оружие, но по сравнению с миниатюрной фигуркой Мёрфи он казался большим и особенно опасным. Она скрестила руки на груди и смотрела на мужчину так, словно застучала его за каким-то особо отвратительным разбоем. – Я ведь просила вас, Чайлдз, не являться сюда в такую рань.

– Привычка, – пояснил Чайлдз. – Если честно, я не брал это в голову.

– А стоило бы, – заявила Мёрфи, дернув подбородком в направлении двери. – Вы ведь знаете, как обстоят дела. Вы застали меня в напряженный момент, и я запросто могла пальнуть в вас через дверь.

Чайлдз сцепил пальцы на колене. Он не производил впечатления особенно крупного. Мускулатура не крепче средней, костяк тоже. Под пиджаком дорогого покроя с избытком хватило бы места для пушки любого калибра.

– Я еще совсем недолго у нынешнего работодателя. Но мне кажется, случись подобная неприятность, и последствия для вас могут оказаться довольно серьезными.

Мёрфи пожала плечами:

– Вполне возможно. С другой стороны, может быть, нам стоит начать убивать его людей и продолжать делать это до тех пор, пока цена общения с нами не окажется слишком дорогой и он не откажется от такого рода сотрудничества. – Она улыбнулась. Неуютная вышла эта улыбка, совсем-совсем ледяная. – У меня больше нет жетона, Чайлдз. Зато у меня есть друзья. Очень особенные друзья.

На некоторое время в комнате воцарилась напряженная тишина, угрожавшая вот-вот взорваться насилием. Пальцы Мёрфи как бы невзначай покачивались в паре дюймов от рукояти пистолета. Руки Чайлдза оставались сцепленными на колене. Выждав пару секунд, он вдруг улыбнулся и откинулся на спинку дивана в более расслабленной позе.

– Последние шесть месяцев мы сосуществовали вполне неплохо. Не вижу смысла в том, чтобы это прекратилось по причине неважного настроения.

Мёрфи холодно сощурилась:

– Главный мокрушник Марконе...

Чайлдз поднял руку:

– Прошу вас. Специалист по сложным ситуациям.

– ...не пошел бы на попятный так быстро, – продолжала Мёрфи, словно он вообще не открывал рта. – Как бы ему при этом ни хотелось жить. Вот почему вы явились так рано, вопреки моей просьбе. Вам что-то нужно.

– Рад, что вы наконец заметили очевидное, – отозвался Чайлдз. – Да. Мой работодатель послал меня к вам с вопросом.

Мёрфи нахмурилась:

– Он не хотел, чтобы кто-то другой слышал, как вы его задаете.

Чайлдз кивнул:

– Он опасался, что это может привести к нежелательным последствиям.

Несколько секунд Мёрфи пристально смотрела на него, потом возвела глаза к потолку:

– Ну?

Чайлдз в первый раз за все время блеснул зубами в улыбке. Мне на ум почему-то пришли черепа.

– Ему хотелось бы знать, доверяете ли вы Леди-Оборванке.

При этих словах Мёрфи напряженно выпрямилась. Она выждала пару секунд, чтобы сделать глубокий вдох и выдох, и только после этого подала голос:

– Что вы имеете в виду?

– Странные вещи начали твориться поблизости от некоторых мест ее шатаний. Причем такие, объяснения которым никто пока не находит. – Чайлдз пожал плечами; руки он все это время демонстративно держал на виду, поза оставалась непринужденной, расслабленной. – Какая часть этого вопроса представляет собой сложность для вас?

Мёрфи чуть повела плечом, словно рука ее сама по себе раздумывала, не выхватить ли пистолет из-за пояса. Однако же она заставила себя сделать еще вдох-выдох, чтобы успокоиться.

– Что он предлагает мне за ответ на этот вопрос?

– Северный остров. И, предупреждая ваш вопрос, да, включая пляж.

Я невольно вытаращил глаза. Остров у гавани Бёнем-парка не считался особенно криминальной территорией, поскольку на нем не размещалось ничего, кроме парков, лугов и пляжа, излюбленного места семейного отдыха, – однако же «джентльмен» Джон Марконе, король преступного мира Чикаго и единственный простой смертный, которому позволили стать участником Неписаного договора, не делился территорией просто так. Не бывало такого.

Глаза у Мёрфи тоже чуть округлились – в ее голове явно прокручивались те же мысли, что у меня. Хотя, если быть совершенно честным, я думаю, что она сделала выводы на доли секунды раньше, чем это удалось мне.

– Если я соглашусь на эти условия, – осторожно заметила она, – я должна иметь наши стандартные гарантии не позже понедельника.

Лицо Чайлдза не выражало ровным счетом никаких эмоций.

– Заметано.

Мёрфи кивнула и секунду-другую сосредоточенно смотрела себе под ноги, явно собираясь с мыслями.

– На этот вопрос нет простого ответа, – произнесла она наконец.

– Простые ответы вообще редкость, – философски заметил Чайлдз.

Мёрфи провела рукой по своему ежику и подняла взгляд на Чайлдза.

– Пока она работала с Дрезденом, – произнесла она, – я бы, не колеблясь, ответила утвердительно.

Чайлдз кивнул:

– А теперь?

– А теперь... Дрезден исчез. И она вернулась из Чичен-Иццы сильно изменившейся, – ответила Мёрфи. – Возможно, это все посттравматический стресс. А может, и что-то другое. Но она изменилась.

Чайлдз склонил голову чуть набок:

– Так вы ей не доверяете?

– Я не теряю бдительности в ее присутствии, – сказала Мёрфи. – Вот мой ответ.

Тип с выбеленной перекисью шевелюрой обдумал ее слова и снова кивнул:

– Я передам это своему работодателю. Остров будет свободен от его интересов к понедельнику.

– Вы даете мне слово?

– Уже дал.

Чайлдз поднялся с грацией ленивого хищника.

Для смертного – если он, конечно, смертный – Чайлдз был удивительно быстр. И двигался с легкостью профессионального балетного танцовщика. Хотя я сомневался, что в кармане его пиджака лежат балетные туфли.

– Все, я пошел. Будьте добры, известите меня, если узнаете что-либо еще по теме нашего разговора.

Мёрфи кивнула, так и не убирая руки от пистолета, и проводила Чайлдза взглядом до двери. Чайлдз отворил ее и шагнул на крыльцо.

– Не забывайте, – негромко произнесла Мёрфи, – что мое доверие или недоверие не отменяет того факта, что она одна из моих людей. Если мне хоть на мгновение покажется, что в результате нашего разговора Молли Карпенгер причинен какой-либо вред, наша договоренность будет расторгнута и мы перейдем непосредственно к отстрелу. Начиная с вас.

Чайлдз легко повернулся на каблуках, с улыбкой сложил пальцы пистолетиком, нацелил их на Мёрфи, сделал губами «пух-х» и, довершив разворот, вышел.

Мёрфи подошла к окну, у которого я стоял, и наблюдала, как Чайлдз идет по снегу к большому седану и садится в него. Напряжение не покидало ее до тех пор, пока машина не вырुлила на дорогу и не скрылась из виду.

Потом она опустила голову и, прислонив ладонь к оконному стеклу, другой рукой потерла лицо.

Я поднял руку, повторяя ее движение, и прижал ладонь с обратной стороны стекла, словно отражение ее ладони; при этом я старательно избегал касаться негромко гудящих обеггов. Размах рук у Мёрфи раза в два меньше моего. Плечи ее вздрогнули.

Она тряхнула головой, выпрямилась, несколько раз поморгала, и лицо ее приняло обычное для копа нейтральное выражение. Мёрфи отвернулась от меня, подошла к дивану и уселась там, поджав колени. Она выглядела крошечной – совсем ребенок, – только морщинки на лице выдавали ее возраст.

Мой взгляд уловил беззвучное движение – и небольшой серый горный лев с надорванным ухом и обрубок хвоста, плавно запрыгнув на диван, устроился рядом с Мёрфи. Она прижала кота к себе, поглаживая серый мех.

При виде Мистера на глаза мне навернулись слезы. Мой кот. Когда чета вампиров Ээбы сожгла мою старую квартиру, я знал, что Мистеру удалось спастись от огня, но не имел ни малейшего представления, что случилось с ним дальше, – меня застрелили прежде, чем я успел вернуться на пожарище. Я помнил, как впервые обнаружил его еще котенком: он забрался в мусорное ведро, тощий и голодный. Мистер был моим жильцом, а возможно, и настоящим хозяином квартиры с тех пор, как я приехал в Чикаго. Веса в нем добрых тридцать фунтов, и он полон кошачьей надменности. Тем не менее он был так добр, что всегда появлялся, когда я пребывал в раздрае, давая мне шанс понизить кровяное давление, глядя его или уделяя ему внимание каким-нибудь другим образом. Уверен, со своей стороны он считал это едва ли не божественной милостью.

Кошки – они такие.

Не знаю, сколько я простоял так у окна. Очнулся я, когда рядом со мной возник сэр Стюарт.

– Дрезден, – шепотом произнес он, – с юго-востока приближаются несколько созданий.

– То, что вас прежде не называли Трипио, мало что меняет, сэр Стюарт.

Он поморгал, уставившись на меня, потом тряхнул головой и взял себя в руки:

– Их там с полдюжины, и столько же машин.

– Понял. Скажите Морти, пусть не выходит из машины, пока я не смогу их опознать, – сказал я. – Но подозреваю, ему ничего не угрожает.

– Ничего? – переспросил призрак. – Значит, вы знаете их?

– Пока не уверен, – мотнул головой я. – Сейчас увидим.

Глава 9

Десять минут спустя я стоял и, мурлыча себе под нос незатейливый мотивчик, наблюдал за сборищем в гостиной у Мёрфи. Сэр Стюарт стоял рядом и не без любопытства прислушивался.

– Прошу прощения, чародей, – заметил он, – но что это за мелодию вы пытаетесь исполнить?

Я изобразил губами звук фанфар главной темы, а затем постарался как можно точнее попасть в тональность закадрового голоса:

– В большом зале Лиги Справедливости собрались четверо величайших героев Вселенной, порождения легенд глубокого космоса!

Сэр Стюарт нахмурился:

– Порождения ле...

– Легенд глубокого космоса, – повторил я тем же дикторским тоном.

Сэр Стюарт сощурил глаза и слегка отвернулся от меня, напряженно расправив плечи:

– Бессмыслица какая-то. Абсолютная. Бессмыслица.

– В семидесятые это показывали по субботам, по утрам, – пояснил я и кивнул в направлении комнаты за окном. – И здесь у нас происходит что-то в этом роде. Хотя для зала Лиги Справедливости комнатка немного маловата. Должно быть, в те времена недвижимость была дешевле.

– Гости собрались, – заметил сэр Стюарт. – Вы их знаете?

– Большую часть, – кивнул я и тут же задумался. – По крайней мере, знал полгода назад.

Многое изменилось – начиная с короткой стрижки Мёрфи. Я начал представлять сэру Стюарту тех, кто был мне знаком.

За спиной у Мёрфи стоял, прислонившись к стене и сложив мускулистые руки на груди, Уилл Борден. Роста он был ниже среднего, зато сложения далеко не среднего, а на порядок выше. Одна мускулатура, ни капли жира. Я привык видеть его в обычной обстановке, в деловом костюме – конечно, когда он не превращался в огромного темного волка. Сегодня он красовался в тренировочных штанах и свободной футболке – такая одежда удобнее, если надо быстро перекинуться. Уилл отличался спокойным характером. На такого можно положиться. Еще он возглавлял небольшую шайку местных юнцов – все они, само собой, уже выросли, – которые научились перекидываться волками. Они называли себя Альфами с таких незапамятных времен, что я даже привык к этому дурацкому названию.

Я не привык к Уиллу, играющему роль тяжеловеса, но именно ее он явно исполнял теперь. Лицо его казалось почти угрюмым, а в глазах горела сдерживаемая агрессия. Он производил впечатление человека, готового не просто подраться, но с радостью ввязаться в драку при первой же возможности.

Недалеко от Уилла свернулась калачиком на диване другая девица из Альф, с прямыми волосами серого, я бы сказал, мышинного цвета. Вид такой, что дунь – улетит. Глаза застенчиво глядели из-под очков и падавшей на них челки, – казалось, она смотрит разом на всех, и ни на кого в особенности.

Я не видел ее несколько лет, но она точно входила в состав Альф с самого начала, а с тех пор окончила университет и выпорхнула в большой мир. Звали ее... Марджи? Мерси? Марси. Да, точно. Ее звали Марси.

Рядом с Марси сидела полная, жизнерадостного вида блондинка с кудряшками, заколотыми двумя китайскими палочками для еды; по возрасту она всего на пару лет не дотягивала до того, чтобы исполнять роль доброй бабушки в утренних телепередачах. Одетая она была в платье с растительным орнаментом, а на коленях у нее сидел пес размером с небольшую сардельку – йоркширский терьер. Как и положено терьеру, песику не сиделось на месте, и взгляд его ярких темных глаз настороженно шарил по собравшимся в комнате, то и дело возвращаясь к Марси. Время от времени в его крошечной груди kloкотал негромкий рык, и он явно ощущал себя единственным защитником своей хозяйки.

– Эбби, – шепнул я сэру Стюарту. – Ее зовут Эбби. А собаку – Тото. Она спаслась, когда вампир Белой Коллегии устроил охоту на их кружок магов-любителей.

Песик вдруг спрыгнул с коленей хозяйки и бросился на Уилла, однако Эбби с замечательной для ее комплекции ловкостью перехватила его на лету. Впрочем, насчет ловкости я ошибся: просто ее движение началось за полсекунды до того, как йорк тронулся с места. Эбби была ясновидящей. Далеко в будущее заглянуть она не могла, только на несколько секунд, но и это дано далеко не каждому, так что, полагаю, тарелки у нее на кухне бьются реже обычного.

Уилл смотрел на Тото с улыбкой. Эбби шикнула на йорка, хмурая покосилась на Уилла и, держа песика одной рукой, другой взяла со стола чашку чая.

Рядом с Эбби сидел худощавый крепкий юнец в джинсах, тяжелых башмаках и плотной фланелевой рубашке. Темные волосы его пребывали в беспорядке, серые глаза внимательно следили за происходящим; ямочкой на подбородке, казалось, можно открывать пивные бутылки. Я узнал его только со второго взгляда, и немудрено: в последний раз, когда я его видел, он был на пару дюймов ниже и едва ли не на сорок фунтов легче. Дэниел Карпентер, старший из младших братьев моей ученицы. Он выглядел так, словно сидел не на диване, а на раскаленной сковороде, явно готовый в любой момент вскочить и храбро вытворить что-нибудь необдуманное. Большая часть внимания Уилла, как мне показалось, уделялась именно Дэниелу.

– Успокойся, – посоветовала ему Мёрфи. – Возьми пирожное.

Дэниел порывисто мотнул головой:

– Спасибо, не надо, мисс Мёрфи. Просто я не вижу в этом смысла. Я должен пойти поискать Молли. Если я сейчас выйду, через час уже вернусь.

– Если Молли здесь нет, будем исходить из того, что у нее на это имеется веская причина, – возразила Мёрфи спокойным и совершенно неумолимым тоном. – Нет смысла бегать по городу в такую погоду.

– Тем более, – добавил Уилл, – мы бы нашли ее быстрее.

Дэниел на мгновение насупился, но почти сразу же отвернулся. У меня сложилось впечатление, что ему уже доводилось соревноваться с Уиллом в скорости и результат оказался не в его пользу. Так или иначе, юнец промолчал.

В кресле рядом с диваном сидел пожилой мужчина – он воспользовался моментом, чтобы налить чая в фарфоровую чашку и поставить ее перед юным Карпентером. Он насыпал туда пару ложек сахара и улыбнулся Дэниелу. В его голубых глазах не было ни угрозы, ни настойчивости – только спокойная уверенность в том, что юноша возьмет чай и уgomонится.

Дэниел угрюмо посмотрел на него, потом взгляд его опустился на целлулоидный подворотничок и висевшее под ним распятие. Он вздохнул, кивнул и принялся размешивать сахар. Взяв чашку обеими руками, он откинулся на спинку стула, приняв выжидательную позу. Сделав глоток-другой, парень, похоже, забыл о том, что держит чашку в руках, но он продолжал молчать.

– А вам, мисс Мёрфи? – спросил отец Фортхилл, вновь поднимая чайник. – Ночь сегодня холодная. Уверен, чашка чая вам не помешает.

– Почему бы и нет? – кивнула она.

Фортхилл налил и ей, поставил чайник и зябко поправил свитер, словно надеясь извлечь из него больше тепла. Потом подошел к окну, за которым стояли мы с сэром Стюартом, и протянул обе руки в нашу сторону:

– Вы уверены, что окно плотно закрыто? Готов поспорить, откуда-то сквозит.

Я озадаченно моргнул и посмотрел на отставного морпеха.

Сэр Стюарт пожал плечами:

– Он из хороших.

– Хороших? В каком смысле?

– Священников. Жрецов. Шаманов. Как их ни назови. – Выражение его лица оставалось подчеркнуто бесстрастным. – Когда всю жизнь заботишься о душах ближних, поневоле получаешь истинное представление о них. – Сэр Стюарт кивнул в сторону отца Фортхилла. – Призраки вроде нас не совсем души, но разница не слишком велика. Он ощущает наше присутствие, хотя сам не осознает этого до конца.

Тото вырвался из рук Эбби, простучал коготками по дощатому полу в сторону окна и, встав на задние лапы и опершись передними о стену под оконной рамой, несколько раз свирепо тьявкнул, глядя на меня в упор.

– И собаки, – добавил сэр Стюарт. – Примерно одна из десяти обладает способностью чуют нас. Возможно, поэтому они вечно лают.

– А кошки? – поинтересовался я.

Мистер ушел из гостиной, стоило в нее набиться народу, и больше я его не видел.

– И кошки, само собой. Насколько мне известно, все до единой. Хотя то, что мы мертвы, но все еще здесь, не производит на них особого впечатления. Они редко реагируют на нас.

Отец Фортхилл осторожно поднял Тото с пола. Песик энергично завил хвостом и успел облизать ему руки, прежде чем тот вернул его Эбби.

Фортхилл улыбнулся Эбби, налил себе еще чая и сел на место.

– Кого они ждут? – спросил сэр Стюарт. – Эту Молли, о которой они говорили?

– Возможно, – сказал я. В гостиной оставался один незанятый стул. Он стоял у двери, отдельно от другой мебели – так, чтобы все остальные сидящие хорошо его видели. Или не мешали друг другу в случае, если дело дойдет до стрельбы. Впрочем, возможно, это были только мои домыслы. – Но я не уверен.

Послышался звук, похожий на негромкое чириканье, и Мёрфи достала рацию размером не больше колоды карт:

– Мёрфи. Что там?

– Игрушечная тачка подъезжает, – произнес негромкий голос. – Пушистые патрулируют внешний периметр.

Уилл настороженно потянул носом, прислушиваясь.

Мёрфи улыбнулась и тряхнула головой:

– Спасибо, Глаза. Заходите, как только с ней разберемся. Горячий чай гарантирован.

– Погода совсем никуда, ага. Причем только в Чикаго. Ладно, конец связи.

– Это никуда не годится, – подал голос Дэниел, когда Мёрфи убрала рацию. – Связь просто чудовищная. В тактической ситуации может выйти так, что перепутаются сообщения.

Мёрфи выразительно выгнула бровь.

– Пытаюсь представить себе ситуацию, – сухо произнесла она, – при которой кто-то, кого по ошибке призывают остерегаться врага, умрет страшной смертью.

– Например, когда кто-то из команды жонглирует пробирками со смертоносным вирусом, – с готовностью подсказал Уилл. – Или с нитроглицерином.

Мёрфи кивнула:

– Зарубите себе на носу: не пользоваться рацией при жонглировании нитроглицерином.

– Заметано, – ухмыльнулся Уилл.

Дэниел насупился:

– Очень у вас большие зубы, мистер Борден.

Уилл не пошевелился:

– Дело не в моих зубах, дружок. Дело в твоей коже. Она у тебя очень тонкая.

Дэниел недобро прищурился, но отец Фортхилл положил руку ему на плечо. Вряд ли пожилой священник мог бы совладать с Дэниелом физически; скорее я сравнил бы его прикосновение с цепью, соединяющей корабль и тяжелый якорь. Он словно облокотился о юношу, намереваясь встать, однако на деле всего лишь уселся поудобнее и скрестил руки на груди.

– Бледная морда через пять... четыре... три... – послышалось из рации Мёрфи.

Спины напряглись. Лица застыли как маски. Несколько рук разом скрылись из виду. Чья-то чашка несколько раз звякнула о блюде, прежде чем угнездиться на положенном месте.

Со своего места под окном я видел открывающуюся дверь. Ровно через две секунды после того, как умолкла рация, в гостиную вошел вампир Белой Коллегии. Вернее, не вошел, а вошла.

Роста в ней было примерно пять футов и два дюйма, на лице сияла очаровательная улыбка, а темные вьющиеся волосы ниспадали до самой талии. Одежду ее составляли длинная пышная белоснежная юбка, белая блузка и ярко-алые балетки. Первая мысль, пришедшая мне в голову, звучала примерно так: «Ух ты, какая восхитительная крошка!» – и сразу после этого на ум пришло, что она, должно быть, построила бы на редкость брезгливую физиономию, если бы все вокруг заливала кровь. Я прямо-таки видел, как она подбирает безупречную юбку, чтобы крови касались только алые балетки.

– Всем добрый вечер! – жизнерадостно поздоровалась от двери вампирша. Говорила она с сильным британским акцентом. – Извините, чуть задержалась... нелегко леди добираться в такую погоду. Чай? Замечательно.

Она подпорхнула к столу и наполнила пустую чашку. Взгляд ее при этом задержался на Дэниеле, и она наклонилась, как бы невзначай демонстрируя ему свое декольте. Дэниел покраснел и сурово отвернулся – спустя секунду.

Не могу корить в этом парня. Сам был таким. Лет до двадцати пяти вся Вселенная вращается вокруг сисек. Не случайно водительские страховые полисы дешевле именно для лиц старше этого возраста.

Вампирша ухмыльнулась – надо сказать, для ее ангельского личика с губками бантиком это выглядело неожиданно хищно – и уселась на свободный стул у двери. Держалась она – ни дать ни взять кинозвезда Ширли Темпл на съемочной площадке, уверенная, что все взгляды обращены на нее.

– Дерзко, – заметил я вполголоса.

– Почему вы так считаете? – поинтересовался сэр Стюарт.

– Она вошла без приглашения, – сказал я.

– Мне казалось, вампиры этого не могут.

– Красные – нет, не могут... то есть не могли, чтобы их при этом хотя бы наполовину не парализовало. Вампиры Черной Коллегии не могут вообще. Белые могут, но это ограничивает их возможности. В первую очередь – способность утолять свой Голод.

Сэр Стюарт покачал головой:

– Ах да. Она же суккуб.

– Ну... не совсем, но разница невелика.

Тень кивнула:

– Мне лучше держать Мортимера подальше от этой твари.

– Наверно, неплохая мысль, – согласился я. – Он обладает доступом к уйме ценной информации. Они любят прибрать таких, как Морти, к ногтю.

– Приветствую, Фелиция, – произнесла Мёрфи холодным, профессиональным тоном. – Ладно. Мистера Чайлдза сегодня с нами не будет. Он уполномочил меня действовать и от его имени.

Фелиция сжала чашку пальцами обеих миниатюрных рук и прильнула губами к ободку. Все остальные пили осторожно, дуя на горячий чай. Вампирша сделала большой глоток, словно чай уже остыл, и на лице ее отразилось искреннее наслаждение.

– Как мило с вашей стороны. Мы еще увидим этого элегантного джентльмена?

– Зависит от Марконе, – отозвалась Мёрфи. – Эбби?

Тото, не отрываясь, смотрел на Фелицию. Если бы он мог угрожающе рычать, то наверняка так бы и поступил. Вместо этого с его стороны доносились негромкие писклявые звуки.

Эбби покрепче ухватила Тото и сверилась с лежавшим у нее на коленях блокнотом:

– Паранет действует с эффективностью примерно семьдесят пять процентов. На этой неделе нам удалось восстановить связь с Миннесотой, Массачусетсом и Алабамой. – Она кашлянула и несколько раз моргнула. – Мы утратили связь с Орегоном.

– А Сиэтл? Такома? – спросила Мёрфи.

– Да, – тихо произнесла Эбби. – Последние трое суток мы ничего не слышали ни от кого из участников из всех этих городов.

Отец Фортхилл перекрестился и пробормотал что-то себе под нос.

– Аминь, отче, – прошептала Фелиция.

– Кто-то получил доступ к спискам, – хрипло предположил Дэниел.

Уилл хмыкнул и кивнул.

– Нам известны имена? – спросил он.

– Эм... – пробормотала Эбби, с извиняющейся улыбкой покосившись на Уилла. – Мы пока что ни с кем не связались. Так что нет. Надо послать кого-нибудь выяснить на месте.

Мёрфи энергично мотнула головой:

– Нет. Если захвачено так много людей, это может означать только одно: там орудуют очень серьезные силы. Если в Орегоне действуют в полную силу фоморы, мы бы послали нашего разведчика прямо в змеиное логово.

– Если поспешим, – твердо возразила Эбби, – нам, возможно, удастся кого-нибудь спасти. Мёрфи призадумалась на мгновение:

– Верно. Только что мы можем сделать, находясь здесь.

Она посмотрела на Фортхилла.

– Я постараюсь выяснить все, что смогу, по своим каналам, – пообещал он. – Но... боюсь, возможности помочь делом у нас не очень много.

Мёрфи кивнула:

– Это мы предоставим Стражам.

Дэниел фыркнул почти в унисон со мной.

– Ну да, Белый Совет, – буркнул он. – Они, конечно, помогут. Ведь они так тревожатся о простых людишках и их ближайшем будущем... Они вмешаются не позднее чем через годик-другой.

Уилл бросил на Дэниела выразительный взгляд, и желваки на его челюсти пару раз подвигались туда-сюда.

Мёрфи подняла руку, останавливая обоих:

– Я позвоню Рамиресу и попрошу произвести разведку. И попрошу помощи у Элейн Мэллори.

Элейн Мэллори. При звуках этого имени что-то во мне надломилось, и в голову хлынул поток воспоминаний. Элейн оказалась у меня первой. Первой подругой. Первой страстью. Первой любовницей. Первой жертвой... во всяком случае, я много лет так полагал. Каким-то образом ей удалось спастись из огня, поглотившего моего старого наставника Джастина Дю Морне.

Весь миллион воспоминаний навалился на меня разом. Я словно смотрел на стену в супермаркете, уставленную телевизорами, каждый из которых принимал свою программу, стараясь перекричать соседей. Солнце на коже. Изящный изгиб талии, стройная, мускулистая спина... Элейн, ныряющая в залитый лунным светом бассейн. Ослепительное ощущение первого поцелуя на губах, медленного, нерешительного, осторожного...

Элейн. Обращенная Джестином в рабыню. Ей не хватило сил противостоять наставнику, когда тот завладел ее рассудком. А мне не удалось ее защитить.

Не знаю, чего в этих воспоминаниях было больше – радости или боли. Так или иначе, они отличались пьянящей яркостью и оглушали не хуже наркотика.

Адские погремушки, как мне не нравилось мое новое состояние...

У меня ушло несколько секунд, чтобы отогнать воспоминания, – как раз вовремя, чтобы услышать, как вампирша говорит.

Фелиция кашлянула и подняла руку, требуя внимания.

– Если на то пошло, – начала она, – насколько мне известно, у нас имеются активы в тех штатах. Не исключено, что нам удастся узнать что-либо через них.

– Не исключено также, что в исчезновениях повинны именно они, – мягко предположила Марси.

– Вздор, детка! – пренебрежительно дернула головой Фелиция. – Нам нет нужды ловить добычу поодиночке и собирать ее в загоны, где охота на нее проще. – Она одарила Марси очаровательной улыбкой. – Такие загоны у нас и без того есть. Они называются «города».

– Мы будем рады любой информации, которой готова поделиться с нами Белая Коллегия, – все тем же спокойным, профессионально нейтральным тоном произнесла Мёрфи. – Что насчет Чикаго, Эбби?

– За прошедшую неделю мы потеряли двоих, – сообщила Эбби. – Натана Симпсона и Санбим Монро.

– Симпсона убил вурдалак, – добавил Уилл. – С ним мы уже разобрались.

Мёрфи одобительно посмотрела на Уилла:

– Я виделась с Санбим?

Эбби утвердительно кивнула:

– Студентка. Из Сан-Хосе.

Мёрфи поморщилась:

– Точно. Такая высокая? У нее родители еще познакомились в бытность свою хиппи?

– Она самая. Ее проводили до поезда, а на конечной станции должны были встретить.

Но она так и не приехала.

Мёрфи издала негромкий рычащий звук, более чем компенсировав этим поведение Тото.

– Что-нибудь удалось выяснить?

Уилл покосился на Марси. Девушка покачала головой:

– Снег сохраняет слишком много запахов. Я не смогла найти ничего определенного. –

Она уставилась на свои колени. – Мне очень жаль.

Последние слова Мёрфи проигнорировала:

– Ей нельзя было ехать одной. Надо особо подчеркивать всем важность взаимной поддержки.

– Но как? – спросила Эбби. – Я имею в виду, об этом и без того написано в каждой инструкции.

Мёрфи кивнула:

– Уилл?

Уилл побарабанил пальцами по бицепсу и кивнул в ответ:

– Я прослежу.

– Спасибо.

Эбби несколько раз поморгала и осторожно открыла рот:

– Кэррин... вы ведь не хотите сказать, что...

– Люди гибнут, – просто ответила Мёрфи. – Порой нет лучшего лекарства от глупости, чем страх.

– Или мы могли бы попытаться их защитить, – подал голос Дэниел.

Фортхилл снова поднял руку, но на этот раз юноша не обратил на него ни малейшего внимания и встал на ноги. Голос у Дэниела оказался сочным, сильным баритоном:

– По всему миру темные силы поднимаются на борьбу со смертными, имеющими хоть какое-то отношение к сверхъестественному. Убивают их или утаскивают в темноту. Вновь показываются твари, которых человечество не видывало уже пару тысяч лет. Они охотятся на смертных. Охотятся друг на друга. Тени просто кипят смертью и ужасом, а никто и палец о палец не ударит по этому поводу! Стражи, еще не отдохнув от войны с вампирами, оказались вовлеченными в новую, даже не зная врага в лицо. У Белого Совета не хватает Стражей даже для того, чтобы расхлебывать уже случившееся. Если их позовут на помощь откуда-либо, кроме самых крупных городов, на них можно даже не рассчитывать. А мы чем занимаемся? – В голосе у Дэниела зазвучало тихое презрение. – Советуем людям ходить стадами. Стараемся их запугать, словно в мире и без того мало ужаса.

Мёрфи посмотрела на него в упор.

– Довольно! – резко произнесла она.

Дэниел словно не слышал ее.

– Вы же знаете, – произнес он, расправив плечи. – Вы знаете, мисс Мёрфи, что надо делать. У вас хранится едва ли не самое грозное оружие против сил тьмы, какое знает мир. Принесите мечи.

В комнате воцарилась мертвая тишина, и сэр Стюарт непринужденно спросил меня:

– Что еще за мечи?

– Мечи Креста, – ответил я по привычке шепотом, хотя услышать меня в комнате не мог никто. – Те, в рукоять которых вделаны гвозди из того самого распятия.

– Да-да, Эскалибур, Дюрандаль и Кусанаги, – слегка нетерпеливо проговорил сэр Стюарт. – Еще бы мне не знать, что такое мечи Креста. И что, у этой блондиночки хранятся два из них?

Мгновение я молча смотрел на его тень. До меня доходили слухи, что Аморакиус и есть тот самый меч, который вручили когда-то королю Артуру, но про историю остальных двух я не узнал ничего, как ни старался. Тень озвучила мне их названия так, словно о них известно каждому школьнику.

– Что не так? – нахмурился сэр Стюарт.

– Я не... Знали бы вы, сколько я искал... – выдохнул я, спохватился и тоже нахмурился. – Я учился в самой обычной бесплатной школе.

Тем временем в комнате Мёрфи так и продолжала молчать. Минуты две она смотрела на Дэниела, потом выразительно покосилась в сторону Фелиции и снова устремила взгляд на Дэниела.

Юноша тоже покосился на Фелицию, зажмурился, щеки его заметно порозовели, а пыла явно на порядок убавилось. Он пробормотал что-то себе под нос и поспешно сел.

Вампирша невозмутимо сидела, глядя на Дэниела поверх чашки так, словно рот ее был полон меда, – что, насколько я мог судить, никак не соответствовало истине.

– Нравятся мне юные мужчины, – промурлыкала она. – Очень нравятся.

– Мистер Карпентер, – произнесла Мёрфи, – полагаю, вы поделились с врагами человечества достаточным количеством секретов для одного вечера?

Дэниел промолчал.

– Раз так, будьте добры, помогите Глазам и Пушистым дежурить на улице.

Не говоря ни слова, Дэниел поднялся и накинул на плечи тяжелую, подбитую мехом джинсовую куртку – старую, потрепанную. Я видел ее на его отце, а вот Дэниелу куртка была чуть великовата. Он вышел на кухню, а оттуда – во двор.

В комнате вновь воцарилась тяжелая тишина.

– Оба меча, – беззаботно произнесла Фелиция, глядя синими, словно барвинок, глазами на Мёрфи. – Надо же! – Она отпила еще глоток из чашки. – Но конечно же, вам, лапочка, придется теперь меня убить. Если сумеете. – Миниатюрная вампирша небрежно окинула взглядом всех сидевших в гостиной. – Я бы поставила четыре к одному против.

– Я не могу позволить, чтобы Белая Коллегия узнала о мечах, – согласилась Мёрфи.

Пальцы ее парили в угрожающей близости от рукояти пистолета.

Уилл наблюдал за происходящим скучающим взглядом. Однако каким-то образом ему удалось за несколько секунд переместить вес на ноги. Марси продолжала сидеть на диване, но подобрала ноги под платье, так что теперь ничто не мешало ей в мгновение ока сбросить его с себя и перекинуться.

Фелиция даже не шелохнулась. Вероятная угроза ее, казалось, нисколько не заботила. Я сделал зарубку на память: даже не пытаться играть с ней в покер.

– Ну-ну, лапочка. Если вы собирались потанцевать, кто-нибудь да завел бы уже музыку. Давайте-ка лучше поболтаем. – Она улыбнулась, глаза ее вдруг сделались заметно светлее. – Между нами, девочками. Мы могли бы пойти прогуляться.

Мёрфи фыркнула, вытащила пистолет из-за пояса и положила его на подлокотник. Руку она опустила на пистолет, не касаясь пальцем курка.

– Не считайте меня идиоткой, Фелиция. Вы останетесь там, где сидите. И я тоже. Все остальные – выйдете.

Эбби поднялась с места раньше, чем Мёрфи закончила говорить, и вышла, держа Тото под мышкой.

Уилл нахмурился.

– Вы уверены? – спросил он у Мёрфи.

Отец Фортхилл тоже поднялся, хмурясь.

– Мои старые кости в любом случае просят размяться, – заявил он. – Спокойной ночи, мисс Мёрфи. Уильям?

Уилл буквально зарычал; человеческое горло не способно воспроизвести такого звука. Все же он кивнул Мёрфи и направился к двери. Марси спрыгнула с дивана и последовала за ним. Последним из комнаты удалился Фортхилл. Я услышал, как они выходят через черный ход – должно быть, чтобы подождать на заднем дворике.

– Это мне нравится, – с улыбкой заметила Фелиция. – В этом домике такая очаровательно интимная атмосфера... Вам так не кажется? – Она склонила голову набок. – Мечи находятся в помещении?

– Полагаю, вам следует назвать свою цену, – отозвалась Мёрфи.

Фелиция повела бровью, и чувственная улыбка на ее губах сменилась довольной ухмылкой.

– За... – Мёрфи прокашлялась. – Забудьте. Этому не бывать.

Вампирша скривила губки в насмешливой гримасе:

– Ох уж эта пуританская трудовая этика! Можно подумать, бизнес нельзя совмещать с удовольствиями.

– Это не бизнес, мисс Рейт. Это шантаж.

– Смотри, с какой стороны поглядеть, – пожалала плечами Фелиция. – Суть, Кэррин, в том, что вы вряд ли можете позволить себе быть брезгливой.

– Правда?

– Истинная правда. Вы умны, опытны, сильны духом – и довольно грозны... – Она улыбнулась. – Для смертного. Однако, в конце концов, вы всего лишь одинокая смертная. И вы больше не находитесь под защитой ни правопорядка, ни членов Белого Совета.

Мёрфи застыла, как изваяние:

– И что?

Фелиция вздохнула.

– Мечи обладают ценностью, – произнесла она сухим, деловым тоном. – За них можно получить уйму влияния. Если Белая Коллегия узнает об этом и решит завладеть ими, они вас одолеют. Они спросят, где вы их спрячете. И заставят выдать их.

Мёрфи презрительно дернула плечом, встала и подошла к Фелиции, небрежно держа пистолет:

– И... что тогда? Если я дам вам то, чего вы хотите, вы сохраните молчание?

Фелиция кивнула, томно опустив веки:

– По крайней мере на несколько дней. За это время вы сможете принять необходимые меры для их защиты.

– Вы хотите мной кормиться? – предположила Мёрфи.

Фелиция провела ярко-розовым язычком по верхней губе, и глаза ее посветлели еще сильнее.

– Хочу. Очень.

Мёрфи нахмурилась и кивнула.

А потом с размаху врезала ей рукоятью пистолета по зубам.

– Да-а-а! – не выдержал я и потряс в воздухе сжатым кулаком.

Вампирша коротко ошеломленно охнула, отшатнулась и, упав со стула на колени, сделала попытку отползти подальше от Мёрфи.

Мёрфи не дала ей такой возможности. Она ухватила Фелицию за волосы, рывком вздернула на ноги, а потом, вскрикнув от напряжения, сунула ее лицом в журнальный столик. Разбив по дороге чашку и блюдце, Фелиция врезалась в дубовую столешницу с такой силой, что по той пробежала трещина.

Мёрфи повторила эту процедуру еще дважды и лишь после этого повернулась и потащила Фелицию за волосы к двери. Там она швырнула ее на пол и направила пистолет ей в затылок.

– А теперь слушайте, что произойдет, – тихим, но не оставляющим сомнений голосом произнесла Мёрфи. – Вы выйдете отсюда живой. Вы будете держать свой чертов рот на замке. И мы никогда больше не станем возвращаться к сегодняшнему разговору. Если Белая Коллегия даже краем глаза начнет коситься в сторону мечей, я до вас доберусь, Фелиция. Что бы ни случилось со мной в конце концов, но, прежде чем доберутся до меня, я доберусь до вас.

Фелиция повернула к ней лицо. Она явно еще пребывала в потрясении. Мёрфи сломала ей нос и выбила по меньшей мере два зуба. Одна скула уже заплыла и потемнела. Все лицо покрылось порезами от разбитой чашки и ожогами от кипятка.

Мёрфи нагнулась еще ниже и приставила ствол пистолета Фелиции ко лбу.

– Бах, – прошептала она очень тихо.

Вампирша вздрогнула.

– Поступайте, как считаете нужным, Фелиция, – прошептала Мёрфи. Потом медленно выпрямилась и вернулась на свое место. – А теперь, – произнесла она громким, спокойным голосом, – убирайтесь вон из моего дома.

Фелиция, шатаясь, поднялась на ноги, открыла дверь и заковыляла к белому лимузину, стоявшему на улице перед домом. Мёрфи подошла к окну и дождалась, пока та сядет в машину и уедет прочь.

– Ага, – промолвил я невозмутимо. – У этой блондиночки хранятся два из них.

– Боже правый! – с уважением в голосе проговорил сэр Стюарт. – Теперь я понимаю, почему за помощью вы обратились именно к ней.

– Чертовски верно, – согласился я. – А сейчас давайте-ка позовем Морти. Пока она в хорошем настроении.

Глава 10

Я дождался Морти и сэра Стюарта на крыльце. Ночь, судя по всему, выдалась холодной. Морти стоял, съжившись под порывами ветра, сунув руки в карманы пальто. Взгляд его нервно метался из стороны в сторону. Он дрожал.

– Нажмите на звонок, – сказал я. – И возможно, это всего лишь мое личное мнение, но на вашем месте я бы держал руки на виду.

– Спасибо, – без особого энтузиазма отозвался Морти, нажимая на дверной звонок. – Я еще не говорил вам, Дрезден, сколько света и радости вы приносите с собой в мой мир всякий раз, как в него вторгаетесь?

– Всего-то день работы, если вы порождение легенд Вселенной, – заметил я.

– Имейте в виду, – вмешался сэр Стюарт, – что справа и слева от нас находятся волки.

Я оглянулся. Он говорил правду. Один волк, тот, что массивнее, отличался темным мехом, второй, что помельче, – бурым. Они сидели в тени, застывшие, как изваяния, так что заметить их мог только наметанный глаз. Оба напряженно следили за крыльцом.

– Уилл и Марси, – сказал я. – Хорошо смотрятся.

– Опасные хищники, – ответил Морти сквозь зубы.

– Капитан, подтянитесь! Они не причинят вам вреда, и вы это прекрасно знаете.

Морти еще успел одарить меня недобрый взглядом, а потом Мёрфи открыла дверь.

– Мисс Мёрфи, – поклонился ей Морти.

– Линдквист, если не ошибаюсь? – спросила Мёрфи. – Медиум?

– Совершенно верно.

– Что вам надо?

– Сзади, – вполголоса произнес сэр Стюарт.

Я оглянулся. Улицу по направлению к дому пересекала стройная мужская фигура в тяжелой зимней одежде. Рядом с ней шел третий волк, с мехом рыжеватого оттенка.

– Я здесь для того, чтобы говорить от имени одного вашего знакомого, – сказал Морти. Глаза у Мёрфи превратились в две обжигающе холодные ледышки.

– Кого?

– Гарри Дрездена, – ответил Морти.

Мёрфи стиснула правую руку в кулак. Слышно было, как хрустнули суставы.

Морти поперхнулся и отступил на полшага назад.

– Послушайте, мне самому меньше всего хотелось оказаться здесь, – взмолился он, поднимая руки и демонстрируя ей пустые ладони. – Но вы ведь его знаете. Его тень не менее настырна, чем сам Дрезден был при жизни.

– Вы чертов лжец! – рявкнула Мёрфи. – Вы известный мошенник. И вы играете с огнем. Морти долгое мгновение молча смотрел на нее, потом поморщился:

– Вы... вы верили, что он все еще жив?

– Он жив, – ответила Мёрфи, упрямо выпятив подбородок. – Тела так и не нашли.

Морти опустил глаза, обиженно поджал губы и провел рукой по лысине, размазав по ней несколько снежинок. Потом сделал глубокий вдох и попробовал еще раз:

– Мне очень жаль. Жаль, что все так сложно.

– Ничего сложного, – возразила Мёрфи. – Просто раздражает. Потому что он еще жив.

Морти повернулся ко мне и развел руками:

– Она все еще не верит. Послушайте, здесь я вряд ли смогу что-нибудь сделать. Я и так старался как мог. Ей нужно время.

– Нет, – мотнул я головой. – Нам необходимо заставить ее понять. Сегодня.

Морти помассировал переносицу:

– Что-то незаметно, Дрезден, чтобы вы повзрослели.

Мёрфи продолжала буравить Морти своим полицейским взглядом – интенсивности в нем ничуть не убавилось.

– Все это не становится ни правдоподобнее, ни увлекательнее, Линдквист. Мне кажется, вам лучше уйти.

Морти кивнул, еще раз подняв руки в знак капитуляции:

– Я понимаю. Все, ухожу. Прошу вас, поверьте, я просто хотел помочь.

– Стойте! – рявкнул я. – Наверняка есть что-то такое, что вы могли бы ей сказать.

Морти покосился на меня, в третий раз беспомощно поднял руки и двинулся к машине.

Я стиснул зубы... От Мёрфи меня отделяло меньше фута. Как, черт подери, мне убедить ее, что это правда я?

«Заставив Морти рассказать о чем-то, что известно лишь тебе одному, тупица!» – обругал я себя. И окликнул:

– Морти!

Он задержался на полпути и оглянулся на меня.

– Спросите у нее вот что, – попросил я и выпалил вопрос.

Морти вздохнул. Потом повернулся к Мёрфи.

– Прежде чем я уйду, – сказал он, – Дрезден хочет, чтобы я спросил у вас, нашли ли вы того в меру привлекательного и физически здорового мужчину?

Мёрфи не пошевелилась. Лицо ее побелело. С минуту она молчала.

– Что вы сказали? – прошептала она наконец.

Я подсказал Морти.

– Дрезден хочет, чтобы я сказал вам, что он не собирался предпринимать ничего такого... драматичного. Просто так все сложилось.

Волки и человек в тяжелой куртке подступили ближе, прислушиваясь. Мёрфи несколько раз сжала и разжала кулак.

– Сколько вампиров, – спросила она, – пришлось убить мне и агенту Уайту, чтобы спастись из офиса ФБР в прошлом году?

На меня накатила волна безумного восторга. Вот она, настоящая Мёрфи, – всегда мыслит логически.

Я продиктовал Морти ответ.

– Он говорит, что не знает, кто такой агент Уайт, но вы с Тилли убрали одного на лестнице. – Морти склонил голову набок, слушая меня, потом продолжил: – И еще ему интересно, считаете ли вы, что принять меч Веры будет означать... карьерное понижение?

Теперь с лица Мёрфи исчезли последние кровинки. Я буквально видел, как разом ввалились ее глаза, а лицо устало осунулось. Она прислонилась к дверному косяку, прижав руку к животу, словно ее ранили.

– Мисс Мёрфи, – мягко произнес Морти, – мне ужасно жаль являться к вам с такой новостью. Но тень Дрездена утверждает, что ему необходимо поговорить с вами. Что от этого зависят жизни людей.

– Угу, – перехваченным голосом отозвалась Мёрфи. – Это новость. – Она подняла взгляд на Морти. – Поклянитесь кровью.

Такая проверка – обычное дело для тех, кому случается иметь дело со сверхъестественным, но кто при этом сам лишен сверхъестественных способностей. На свете полно разных тварей, которые, будучи нелюдями, пытаются казаться людьми, – однако таких, у кого кровь при этом выглядит настоящей, очень и очень мало. Не самая идеальная проверка, но намного лучше, чем ничего.

Морти спокойно кивнул и извлек из кармана пальто английскую булавку. Просьба Мёрфи его, похоже, ничуть не удивила. По-видимому, в царившей обстановке такая проверка получила широкое распространение. Я задался вопросом, не Мёрфи ли стала ее инициатором.

Морти уколол булавкой подушечку большого пальца левой руки, и на ней выступила капелька алой крови. Он продемонстрировал ее Мёрфи.

Та кивнула:

– Здесь холодно. Пройдете в дом, мистер Линдквист?

– Спасибо, – выдохнул Морти.

– Время сбора, – объявила Мёрфи собравшимся у крыльца. – Хочу, чтобы вы проверили этого шутника. Уилл, будь добр, пошли кого-нибудь пригласить Неряху Энн.

– Я не хотел вас утруждать... – начал было Морти.

Мёрфи одарила его леденящей улыбкой:

– Тащите свою задницу в дом, садитесь и ждите. Я скажу вам, когда можно будет уйти. И если вы вдруг все-таки разыгрываете нас, так и знайте, у меня игры совсем другие.

Морти поперхнулся, но в дом послушно вошел.

Следующие полчаса Мёрфи, Уилл и отец Фортхилл допрашивали Морти, а через него и меня, под наблюдением Эбби и Дэниела. Каждый задал уйму вопросов, по большей части из области моего с ними личного общения. Морти пришлось передавать им мои ответы.

– Нет, отец, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы священники пользовались словами «засадить по самые помидоры».

– Слушай, Уилл, я же предлагал заплатить за эту штуку, сигнализацию.

– Дендрозлыдень? Ты, Мёрф, убила его бензопилой.

И так далее и тому подобное – до тех пор, пока у меня мозги... точнее, эктоплазма не начала плавиться.

– Нет, это просто смешно! – вскипел я. – Они просто тянут время. Почему?

Морти удивленно уставился на меня. Сэр Стюарт коротко хохотнул со своего места в углу, где он привалился спиной к стене.

Мёрфи, нахмурившись, пристально посмотрела на Морти:

– В чем дело?

– У Дрездена кончается терпение, – объяснил Морти, всем своим видом показывая, что сам он такого моего поведения не одобряет. – Видите ли, он, э-э-э, подозревает, что вы просто тянете время, и хочет знать почему. Мне очень жаль. Духи редко бывают такими...

– Упрямо своевольными? – предположила Мёрфи.

– Настойчивыми, – договорил Морти с нейтральным выражением лица.

Мёрфи откинулась на спинку стула и переглянулась с отцом Фортхиллом.

– Что ж, – сказала она. – это... Это чертовски похоже на Дрездена, не так ли?

– Я совершенно уверен, что некоторые из упомянутых здесь подробностей известны только Дрездену, – серьезно произнес Фортхилл. – Однако имеются и другие существа, которые могут знать такие вещи вне зависимости от того, присутствовали они сами при этом или нет. Очень и очень опасные существа.

Мёрфи посмотрела на Морти и кивнула.

– Итак, – сказала она, – или он говорит истинную правду, а значит, тень Дрездена действительно здесь рядом с ним, или кто-то ловко обвел нас вокруг пальца, и я запустила в дом кого-то очень нехорошего.

– Что до меня, – с усталой улыбкой заметил Фортхилл, – я не ощущаю здесь присутствия темных сил. Только небольшой сквозняк.

– Это тень Дрездена, отче, – почтительно сказал Морти.

Надо же, Морти – и католик. Кто бы мог подумать...

– Где Дрезден сейчас? – спросила Мёрфи без избыточного энтузиазма.

Морти посмотрел на меня и вздохнул:

– Он... Вроде как стоит рядом с вами, чуть слева, мисс Мёрфи. Он стоит, скрестив руки на груди и притопывая одной ногой, и каждые несколько секунд смотрит на левое запястье, хотя часов на нем нет.

– Обязательно нужно было выставлять меня мальчишкой? – возмутился я.

Мёрфи фыркнула:

– Очень в его духе.

– Эй! – запротестовал я.

Послышался знакомый мягкий топот, и в комнату ворвался Мистер. Он пронесся по паркету и с разбегу врезался мне в ноги.

Для кота Мистер весьма увесист – добрых три десятка фунтов. От удара я пошатнулся, потом наклонился и провел рукой по пышному кошачьему меху. На ощупь кот оказался таким же, как всегда, и отозвался на это громким счастливым мурлыканьем.

До меня не сразу дошло, что я реально ощущаю Мистера. Ощущаю его мягкий мех, тепло его тела.

Более того, разогнавшийся во весь опор котяра врезался плечом в пустое пространство и остановился при этом как вкопанный!

Все как один, разинув рты, уставились на Мистера.

Ну да, одно дело знать о существовании сверхъестественного мира и иногда взаимодействовать с ним в сообразной этому зловещей обстановке. Однако гораздо сильнее потрясают проявления сверхъестественного в обыденном, бытовом: дверь, открывающаяся сама собой, тень на полу от отсутствующего предмета – или кот, мурлычущий и трущийся о любимого хозяина, которого в комнате нет.

– О! – только и сказала Мёрфи, и ее глаза наполнились слезами.

Уилл негромко присвистнул.

Отец Фортхилл перекрестился, и на губах его заиграла легкая улыбка.

Морти посмотрел на кота и вздохнул:

– О, ну конечно. Знаменитый на всю страну эктомант-профессионал исполняет роль медиума и говорит вам, что происходит, и никто ему не верит. Но стоит появиться мохнатому, бесхвостому мурлыке – и это убеждает всех, раз и навсегда.

– Ха! – произнес сэр Стюарт, явно забавляясь. – Говорил же я вам. Кошки!

Мёрфи повернулась ко мне. Взгляд ее целился чуть вбок, куда-то в сторону моей скулы. Я подвинулся так, чтобы оказаться точно на линии взгляда ее голубых глаз.

– Гарри?

– Я здесь, – отозвался я.

– Господи, я чувствую себя дура душой, – пробормотала Мёрфи, оглянувшись на Морти. – Он ведь меня слышит, да?

– И видит, – подтвердил Морти.

Она кивнула и снова посмотрела на меня – опять чуть вбок. Я снова подвинулся.

Да нет, я понимаю, для нее это ничего не меняло.

Но это многое значило для меня.

– Гарри, – повторила она, – столько всего произошло с тех пор, как... как мы с тобой разговаривали в последний раз. Заклятие Чичен-Ицы убило не только тех Красных, которые там находились. Оно убило их всех. Всех вампиров Красной Коллегии в мире.

– Угу, – сказал я, и мой голос прозвучал даже более жестко, чем обычно. – В этом и состояла задумка.

Мёрфи чуть перевела дух:

– Баттерс говорит, что, возможно, где-то и уцелели некоторые – самые младшие, наименее сильные из наименее влиятельных кланов. А может, где-то можно было и укрыться от действия заклатья. Но он говорит, судя по тому немногому, что ему известно из магических теорий, заклатье должно было убить всех.

Я пожал плечами и кивнул:

– Угу, думаю, так и есть. Многое, конечно, зависит от того, правильно ли проведен ритуал.

Главное, Красной Коллегии больше нет. Как и Черной. Жизнь может продолжаться. Все они обратились в прах.

– Когда пала Красная Коллегия, – продолжала Мёрфи, – их территория вдруг оказалась незанятой. Возник вакуум власти, понимаешь?

О господи!

Красная Коллегия пыталась убить мою дочку и всех, кто еще остался от моей семьи, и я не буду страдать бессонницей из-за того, что с ними, с Красными, произошло (если, конечно, допустить, что я вообще смогу спать в моем нынешнем положении). Но я не думал дальше этого момента, не думал о долгосрочных последствиях уничтожения всей Красной Коллегии до основания.

Коллегия принадлежала к сильнейшим сверхъестественным расам мира. Под их контролем находился целый континент и даже больше: вся Южная Америка и часть Центральной. Деловая же их активность распространялась на весь мир. Они владели недвижимостью. Акциями. Корпорациями. Банковскими счетами. Можно сказать, они держали у себя в кармане несколько правительств. Все, чего душе угодно.

Совокупная стоимость их владений не поддавалась исчислению.

И я вышвырнул все это на ветер, объявив тем самым начало новой игры. Как говорится, кто не успел, тот...

– Упс, – только и сказал я.

– Дела обстоят... паршиво, – продолжала Мёрфи. – В Чикаго обстановка еще более или менее терпимая. Мы отразили худшие нападения – в основном от банды заносчивых недоносков, именуемых фоморами. И Паранет нам здорово помогает. Это спасло буквально сотни, если не тысячи жизней.

Краем глаза я увидел, как Эбби распрямила спину и какой силой и уверенностью засветился ее взгляд. Да, такой Эбби я не видел еще ни разу.

– Хуже всего, по большому счету, пришлось Латинской Америке, – говорила Мёрфи. – Теперь всякий, кто обладает минимумом магических способностей и поддержкой в сверхъестественном мире, увидел шанс основать собственную империю. Все старые конфликты и обиды вынуты из шкафов. По всему миру потусторонние твари убивают друг друга, а заодно и смертных. Стоит какой-нибудь большой рыбине перенести свою активность в Южную Америку, как на освободившееся место тут же налетают стаи мелкой рыбешки. В общем, куда ни глянь, повсюду идут бои. Белый Совет, я слышала, тоже рвет свою дряхлую задницу, пытаясь сохранить порядок и по возможности защитить обычных людей. Только мы их здесь не видели, если не считать пары раз, когда Страж Рамирес приезжал в поисках Молли...

– Молли, – перебил я ее рассказ. – Как она?

Словно во сне я слышал, как Морти передает мои слова. Я отметил, что он не без успеха старается передать все мои интонации. Похоже, в прошлом ему довольно часто доводилось заниматься чем-то подобным.

– До сих пор оправляется от ран, полученных в Чичен-Ице, – ответила Мёрфи. – Она говорит, что психически пострадала не меньше, чем физически. Да и ногу ей все-таки сильно повредили. Не знаю, каким образом твое исчезновение сделало ее преступницей в глазах Белого Совета, но это, судя по всему, именно так. Рамирес говорил нам, что Стражам приказано привести приговор в исполнение... Впрочем, не видно, чтобы он слишком надрывался, исполняя этот приказ. Уж я-то знаю, как это бывает, когда коп отлынивает от конкретного задания.

– Как она? – повторил я. – Мёрф, это же я. Как ей живется?

Она опустила глаза и сглотнула:

– Она... она не в себе, Гарри.

– В каком смысле?

Мёрфи снова подняла на меня взгляд и стиснула зубы:

– Она разговаривает сама с собой. Она видит то, чего здесь нет. Страдает головными болями. И галлюцинациями.

– Вполне в моем духе, – заметил я.

В тот же самый момент Уилл почти в унисон со мной произнес:

– Вполне в духе Гарри.

– Это совсем другое дело, – возразила Уиллу Мёрфи, – и ты это прекрасно знаешь. Дрезден контролировал себя. Он использовал все эти странности таким образом, чтобы сделать себя сильнее. Скажи, разве мы его боялись? Вот так, по-настоящему?

Уилл нахмурился и отвел взгляд на свои руки:

– Он мог быть пугающим. Но нет. Я никогда не боялся, что он сделает мне плохо. По случайности или как-то иначе.

– А как ты относишься к тому, что Молли придет сюда? – спросила Мёрфи.

– Я бы лучше ушел, – признался Уилл. – Девчонка определенно не в себе.

– Короче говоря, – Мёрфи снова повернулась ко мне, – присутствие в городе чародея – в любом городе, по всему свету – очень важный сдерживающий фактор. Потусторонние силы боятся Совета. Они знают, что Белый Совет может очень быстро добраться до них и что противостоят ему – дело почти безнадежное. Большая часть местных монстров – по крайней мере, те, у кого есть хоть немного мозгов, – избегают ступать на территорию, подведомствен-

ную Белому Совету. Вот только когда ты исчез, а у Белого Совета своих забот полны руки... – Мёрфи покачала головой. – Господи! Даже желтая пресса начинает замечать, что в городе творится что-то не то. Короче говоря, Молли нигде не задерживается. Все время в движении. Однако она вбила себе в башку, что в Чикаго можно обойтись и без настоящего чародея из Белого Совета – довольно того, чтобы нехорошие парни думали, что он здесь есть. С этой целью всякий раз, как она расправляется с каким-нибудь незадачливым хищником, она оповещает об этом всех. Назвала себя Леди-Оборванкой и объявила Чикаго территорией, находящейся под ее защитой.

– Это безумие, – сказал я.

– Теперь ясно, что я имела в виду под «она не в себе»? – спросила у Морти Мёрфи; голос ее зазвучал резче прежнего. Она сделала вдох, успокаиваясь. – Самое безумное здесь то, что это срывает. По крайней мере, отчасти. Довольно многие нехорошие твари решили попытаться счастья где-нибудь в другом месте. Хуже всего приходится университетским городкам в провинции. Но... но и здесь всякое происходит. – Она поежилась. – Жуткие вещи. По большей части с нехорошими парнями. Но иногда и с людьми. В основном с уличными хулиганами. Визитная карточка Леди-Оборванки – клочок ткани, который она отрывает от своей одежды и оставляет на теле врага. И в последнее время таких клочков все больше. В основном – на трупах.

Я поперхнулся:

– Вы считаете, это Молли?

– Мы не знаем, – ответила Мёрфи профессионально бесстрастным голосом. – Молли говорит, она не охотится ни за кем, кроме сверхъестественных врагов, и у меня нет оснований ей не верить. Но... – Мёрфи развела руками.

– Значит, когда ты говорила «Неряха Энн», ты имела в виду Молли?

– Вот такая она сейчас... оборванная, грязная, искалеченная кукла, – подтвердила Мёрфи. – Поверь мне, это довольно точное описание.

– Оборванная, искалеченная, страшная кукла, – негромко поправил ее Уилл.

– И вы... позволяете ей оставаться такой? – возмутился я.

Мёрфи стиснула зубы:

– Нет. Я говорила с ней раз десять. Мы даже пытались прогнать ее с улицы.

– Лучше бы мы этого не делали, – сказал Уилл.

– А что случилось? – спросил Морти.

Наверное, Уилл решил, что этот вопрос задавал я.

– Она расколошматила нас с легкостью молотка, загоняющего гвозди в пробковое дерево, вот что случилось. Свет, звук, всякие образы. Господи, я явственно видел, как монстры тащат меня в Небывальщину, – с такой четкостью, словно это происходило наяву. Все, что я мог, – это свернуться в комок и кричать.

От этого Уиллова описания желудок мой свело болезненной судорогой. Что само по себе странно, поскольку я не употреблял пищу и, боюсь, в моем нынешнем состоянии не буду есть. Наверное, просто мои призрачные внутренности запомнили это ощущение. Я отвернулся, пытаюсь отделаться от горечи во рту.

– Воспоминания – оружие, – негромко напомнил сэр Стюарт. – Острое, как клинок.

Мёрфи движением руки прервала Уилла:

– Вне зависимости от того, зашла она слишком далеко или нет, она единственная из всех нас обладает первоклассной магической мощью. Это не значит, конечно, что орден делает для нас мало, – добавила она, обращаясь к Эбби.

– Да ничего, – невозмутимо ответила блондинка. – Мы ведь все разные – по росту и по силе, не так ли? – Эбби посмотрела более или менее в моем направлении. – Мы выстро-

или обереги вокруг дома Кэррин. Триста человек из Паранета, все сообща. – Она дотронулась рукой до стены, где негромко гудела защитная энергия. – Это заняло у нас меньше суток.

– Это стоило две сотни пицц, – тихо заметила Мёрфи. – И штрафа.

– Но ведь оно того стоило! – укоризненно выгнула бровь Эбби.

Мёрфи тряхнула головой, но я видел, что она с трудом сдерживает улыбку.

– В общем, мы ждем Молли, чтобы она подтвердила твои верительные грамоты, Гарри.

– Эм, – произнес Морти своим собственным голосом. – А это... это вполне безопасно, мисс Мёрфи? Если девушка была его ученицей, не окажется ли ее реакция на его тень... несколько эмоциональной?

Уилл фыркнул:

– Скорее уж с нитроглицерином возиться безопаснее. – Он сделал глубокий вдох. – Кэррин, вы уверены, что это необходимо?

Мёрфи медленно оглядела собравшихся. Эбби сидела, потупив глаза, но ее обыкновенно румяные щеки заметно побледнели; уши Тото несчастно поникли. Уилл не трогался с места, однако поза его выдавала готовность в любой момент выброситься в закрытое окно. Фортхилл выглядел спокойным и уверенным, но и он хмурил брови, а губы сжались в напряженную линию.

За исключением Фортхилла, все реагировали на это как на прямую угрозу.

Они все боялись Молли.

Мёрфи смотрела на них. Ростом она уступала им всем без исключения, зато лицо по выразительности напоминало гладкую льдину, а поза оставалась абсолютно уверенной. Кажется, она готова встретить любой поворот событий.

Однако я-то побывал с Мёрфи не в одной переделке и мог видеть сквозь оболочку, скрывавшую от других двигавший ею страх. Она не знала наверняка, реально мое присутствие или нет. С ее точки зрения, я мог оказаться какой-нибудь страшилкой с улицы, а это было бы для нее неприемлемо. Она хотела знать точно.

Проблема состояла в том, что какой бы ответ она ни получила – он в любом случае причинил бы ей боль. Определи во мне Молли нехорошего парня, и осознание того, что настоящий Гарри Дрезден все еще числится пропавшим без вести, предположительно – погибшим, после того коротенького контакта, который подарил ей Морти, будет ранить сильнее замороженного лезвия. А если она узнает, что это действительно моя тень... Это будет еще хуже.

– Молли справится, – сказала Мёрфи. – Она нам нужна. С ней все будет в порядке. – Она провела рукой по своей короткой стрижке. Голос ее сделался глуше от терзавшей ее боли. – Не обижайтесь, мистер Линдквист. Не обижайся, Мистер. Но мне... нам надо знать точно.

Паранойя? Возможно.

Но даже если паранойя, это не значит, что рядом не стоит призрак чародея со слезами на глазах.

Глава 11

Немного погодя в дверь кто-то поскребся, и Уилл отворил ее, пропустив в гостиную серого с рыжиной волка. Волк трусцой подбежал к дивану, на котором лежала одежда Марси, взял тряпки зубами и скрылся на кухне. Еще через несколько секунд из двери вышла, оправляя платье, Марси.

– Будет с минуты на минуту, – сообщила она. – Я уже предупредила Энди и Глаза.

– Спасибо, Марси. – Мёрфи еще раз окинула взглядом собравшихся. – Да успокойтесь же, наконец. А то вид у вас такой, словно сюда сейчас войдет Ганнибал Лектер.

– С Ганнибалом я бы справился, – заметил Уилл. – Это совсем другое дело.

Мёрфи подбоченилась:

– Уилл, Молли – одна из нас. Ты никак ей не поможешь своим нервным видом. Если не можешь сидеть спокойно, лучше выйди. Я не хочу, чтобы ты расстраивал ее еще сильнее.

Уилл поморщился, но вышел на кухню, а секунду спустя оттуда выбежал в гостиную здоровенный волк с мехом цвета Уилловой шевелюры. Он отошел в угол, крутанулся на месте раза три и улегся на полу. Тот радостно тьякнул, спрыгнул с коленей Эбби и бросился к Уиллу. Точно так же покрутившись на месте, он плюхнулся на пол спина к спине с волком. Волк очень по-человечески, страдальчески вздохнул, но не пошевелился.

– Спасибо, – кивнула Мёрфи и покосилась на Морти. – Там, на кухне, на полу есть медный круг. Если здесь накалятся страсти, можете там укрыться. Умеете активировать круг?

– Да, конечно. – Он облизнул пересохшие губы. – Хотя я плохо себе представляю, чтобы я бежал, спасая свою жизнь, и задержался у вас на кухне. Не хочу сказать ничего дурного про ваши меры предосторожности, но я остановлюсь, только оказавшись у себя дома.

– Господи! – вздохнула Мёрфи. – Жаль, что мало кто отличается подобным здравомыслием.

В кармане у Мёрфи чирикнула рация, и Глаза начали докладывать что-то, однако слова почти сразу потонули в треске помех.

Напряжение в гостиной тут же повысилось на пару градусов. Чародеи и их магические способности плохо сосуществуют с техническим оборудованием. Чем сложнее устройство, тем разрушительнее для него присутствие чародея, а электроника выходит из строя в первую очередь. Хрипящая рация предупредила нас о приближении Молли лучше любого часового с его дежурным: «Стой, кто идет?»

– Хм, – произнес я.

– Что? – оглянулся на меня Морти.

– Степень помех, вызываемых присутствием занимающегося магией, зависит от его – или ее – силы.

– Вообще-то, я и так это знаю, – ответил Морти. – Именно поэтому мне приходится то и дело менять мобильники. А что?

– А то, что по части интенсивности магической энергии Молли – не то чтобы тяжело-вес. Ей надо находиться практически вплотную к прибору, чтобы он вырубился с такой скоростью. – Я прищурился. – Она стала сильнее. Или...

– Или она уже в комнате, – договорил за меня Морти.

Мёрфи резко подняла на него глаза:

– Что?

Свет во всем доме мигнул и погас.

Ненадолго, всего на три или четыре секунды. Однако, когда он снова загорелся, Мёрфи держала в руке пистолет, Марси перекинулась волчицей, на шее которой болталось бесполезной тряпкой платье, а на диване между Эбби и Морти сидела молодая женщина, одетая в несколько слоев разных обносок.

Молли высокого роста, сложена как модель с постера, и ее длинных ног и волнительных форм не могли скрыть даже слои одежды. На хорошеньком лице на этот раз не было и следа макияжа; острые скулы выделялись, пожалуй, резче обычного. Грязные волосы, свалевшиеся неопрятными прядями, имели фиолетовый цвет такого оттенка, что казались почти черными. Деревянная трость того же цвета, что и волосы, стояла прислоненной к ее коленям, а между тяжелыми армейскими ботинками валялся потрепанный брезентовый рюкзак, почти сплошь покрытый кнопками, пуговками и нарисованными маркером знаками. Судя по реакции Эбби и Морти, пахло от нее так, словно душ она в последний раз принимала по меньшей мере неделю назад.

Но хуже всего оказались ее глаза.

Голубые глаза моей ученицы ввалились, очерченные темными кругами от стресса и усталости, и нездорово поблескивали – такой остекленевший взгляд мне доводилось видеть у людей, отходивших от наркоза.

– Интересно, как это вы меня заметили, – сказала Молли, обращаясь к Морти так, словно они мило беседовали уже некоторое время.

Эктомант вздрогнул; я видел, что он с трудом сдерживает желание сорваться с места и ринуться к своей машине.

Молли кивнула и огляделась по сторонам, задерживаясь взглядом на всех по очереди, пока не остановилась на Мёрфи.

– Надеюсь, Кэррин, наша беседа на этот раз будет иметь мирный характер.

Мёрфи, бросив на Молли мягкий взгляд в качестве упрека, убрала пистолет.

– И прошлая тоже была мирной. Мы твои друзья, Молли, и переживаем за тебя.

Моя ученица пожала плечами:

– Я не хочу видеть никого вроде друзей. Если вы причисляете себя к ним, лучше оставьте меня в покое, черт подери! – Последние слова превратились почти в рычание, после чего она сделала паузу, вдохнула-выдохнула и все-таки взяла себя в руки. – У меня нет ни времени, ни терпения на групповую терапию. Чего вам нужно?

Мёрфи помолчала, обдумывая ответ. В конце концов она избрала краткость:

– Нам нужно, чтобы ты подтвердила для нас кое-что.

– Я что, похожа на детектор лжи?

– Ты похожа на бездомное пугало, – невозмутимо ответила Мёрфи. – И пахнет от тебя, как от сточной канавы.

– Мне казалось, вы раньше работали детективом. – Молли возвела глаза к потолку. – Для того чтобы понять, что я никого не хочу видеть, особых дедуктивных способностей не требуется.

– Мисс Карпенгер, – вмешался отец Фортхилл; голос его звучал мягко, но при этом властно, – не забывайте, что вы гость в доме этой женщины. Женщины, которая неоднократно рисковала своей жизнью ради спасения других – в том числе и вас.

Молли смерила отца Фортхилла взглядом, полным арктического холода.

– Со мной, – произнесла она тихим, ровным, монотонным голосом, – совершенно не обязательно разговаривать как с маленьким ребенком, отче.

– Если хотите, чтобы с вами обращались как со взрослой, – возразил Фортхилл, – вам стоило бы и вести себя соответственно. Что подразумевает в числе прочего вежливость к сверстникам и уважение к старшим.

Молли испепелила его взглядом, но все же промолчала и снова повернулась к Мёрфи:

– С учетом всех обстоятельств находиться здесь с моей стороны просто глупо. А я женщина занятая, мисс Мёрфи, – все клиенты, клиенты и клиенты. Поэтому я и пяти лишних секунд здесь не пробуду, если только вы не назовете мне достойной причины для задержки.

– Это Мортимер Линдквист, эктомант, – с готовностью ответила Мёрфи. – Он утверждает, что пришел сюда по просьбе призрака Гарри, который находится здесь же, с ним.

Молли застыла на месте. Лицо ее побледнело до такой степени, что с ним не сравнились бы никакие белила.

– Мне хотелось бы, чтобы ты проверила, так ли это, – уже мягче продолжала Мёрфи. – Мне необходимо знать, правда ли он... правда ли это его призрак.

Мгновение Молли молча смотрела на нее, потом опустила взгляд.

– Эм... – пробормотала она.

Мёрфи наклонилась к ней чуть ближе:

– Но ты ведь можешь? Можешь сказать?

Молли на мгновение подняла на нее потрясенный взгляд и снова опустила глаза. Пробормотала что-то себе под нос – и наконец решилась:

– Угу. Только чтобы в комнате было поменьше народа.

– Почему?

– Вы хотите, чтобы я вам помогла, или как? – огрызнулась Молли.

Некоторое время Мёрфи молчала, скрестив руки на груди. Потом тряхнула головой:

– Пожалуй, пора вам еще раз прогуляться, ребята. Мистер Линдквист, будьте добры, останьтесь. Все остальные – наружу.

Морти изо всех сил старался не производить впечатления человека, готового бежать к дверям впереди всех, хотя получалось это у него так себе.

– Я... Да, конечно, мисс Мёрфи.

Волков-оборотней пришлось уговаривать, а Марси – еще и помочь выпутаться из платья. Эбби с Фортхиллом переглянулись и вышли без возражений.

Все это время Молли сидела совершенно неподвижно, глядя на сцепленные на коленях руки.

– Вы действительно не знаете сами? – тихо спросила она у Мёрфи. – Вы даже не представляете, чего мне будет стоить выполнение вашей просьбы.

– Если бы я могла сделать это сама, я бы сделала.

Молли резко вздернула подбородок. На губах у нее играла очень неприятная улыбка. Я бы сказал, почти злоеца.

– Слова, – произнесла она. – Слова. От них у вас словно слизь на губах. Только от этого они глаже не становятся.

– Молли... – Мёрфи вздохнула, села и развела руками. – Ты не позволяешь нам помочь тебе. Ты не хочешь с нами говорить. Но я действительно не могу просить об этом никого другого.

– Вы всегда обращались к нему, – сквозь зубы процедила Молли.

– Вот котел, который вот-вот взорвется, – заметил шепотом сэр Стюарт.

– Заткнитесь, – тоже шепотом посоветовал я ему, чисто машинально встав на защиту Молли.

Впрочем, он был прав. Девочка на моих глазах просто бегом мчалась к краю пропасти.

Я смотрел на Молли и ощущал себя совершенно разбитым. Она обучалась у меня. Мне полагалось бы научить ее умению выжить без меня. Конечно, я не планировал получить пулю в грудь... Но если подумать, кто ожидает такого? Или ее состояние всего лишь реакция на мир, в котором ей приходится теперь жить?

С полминуты Мёрфи внимательно смотрела на Молли, потом кивнула:

– Да. У меня достаточно знаний, чтобы понимать, что я могу, а чего нет. Инстинкты говорят мне, что Морти не пытается меня обмануть, но в данном случае одной моей интуиции недостаточно. Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста.

Молли очень медленно покачала головой. Ее билась дрожь. Она провела по лицу грязной перчаткой, и на щеках показались полосы чистой кожи.

– Хорошо. – Она подняла голову и в упор посмотрела на Морти. – Если это какой-то подвох, – тихо предупредила она, – я вам мозги выну и ошкурю.

Эктомант развел руками:

– Послушайте. Тень Дрездена сама ко мне пришла, я ее не звал. Если это не он, я здесь ни при чем. Я действую добросовестно.

– Вы настоящий таракан, – тоном светской беседы заметила Молли. – Убегаете и прячетесь от малейшей угрозы, зато всегда выживаете.

– Да, – скромно признался Морти.

– Возможно, мне тоже стоило бы стать тараканом, – проговорила Молли. – Жить было бы проще. – Она медленно вдохнула, сосредоточиваясь. – Где он?

Морти указал на меня пальцем. Я сделал несколько шагов и остановился перед проемом в коридор, ведущий к спальням. Потом спохватился и сделал сэру Стюарту знак оставаться на месте.

– Почему? – не понял он.

– Она собирается открыть Зрение. Чем меньше она всякого увидит, тем лучше.

Сэр Стюарт пожал плечами, но послушно остался рядом с Морти. Прищурив глаза, он наблюдал за Молли, ни на миг не убирая руки с рукояти огромного пистолета.

Молли перехватила свою трость и встала, опираясь на нее и стараясь не наступать на раненную в Чичен-Ице ногу. Она выпрямилась, расправила плечи, повернулась в мою сторону и, сделав глубокий вдох, открыла Зрение.

Мне ни разу еще не доводилось наблюдать это со стороны. На лбу ее, чуть выше бровей, словно вспыхнул источник света, и я осязал его своей нематериальной плотью. Я даже поднял руку, прикрывая от него глаза, чтобы не ослепнуть. Только когда глаза свыклись немного с этим светом, я смог убрать руку и встретиться взглядом с Молли.

Она чуть приоткрыла рот, глядя на меня сквозь слезы. Только со второй попытки ей удалось выдать из себя:

– Откуда мне знать, вы ли это?

Я мог отвечать ей. Эта штука называется Зрением, но на деле она охватывает весь спектр обычных человеческих ощущений плюс несколько необычных. Я состроил физиономию посерьезнее и постарался как мог точнее изобразить интонации Алека Гиннесса¹:

– Отправляйся в систему Дагобара, и ты обучишься у Йоды, мастера-джедая, что наставлял меня.

Молли промахнулась мимо стула и приземлилась пятой точкой на пол.

– Господи боже мой! – выдохнула она. – Господи боже мой, господи боже мой, господи боже мой! Гарри!

Я опустился на колени, так что глаза наши находились на одном уровне:

– Да, детка. Это я.

– Значит... значит, вы правда... умерли?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, так и есть. Я вроде как новичок в этих делах, да и не могу сказать, чтобы при жизни нас слишком просвещали на этот счет.

Она кивнула. По щекам ее струились слезы, но она не отводила глаз:

– В-вы пришли, чтобы забрать меня?

– Нет, – тихо ответил я. – Нет, Молли. Меня сюда, обратно, прислали.

– 3-зачем? – прошептала она.

– Найти того, кто меня убил, – тихо ответил я. – И если я этого не сделаю, опасность будет угрожать людям, которые мне дороги.

Молли принялась раскачиваться взад-вперед:

– Я... О, я пыталась... В городе стало так много тьмы, а я знала, чего вы от меня ожидали бы, но я ведь не такая сильная, как вы. Я не умею просто м-мочить гадов, как умели вы...

– Молли, – произнес я как можно проще и спокойнее.

Она подняла на меня свои покрасневшие, измученные глаза.

– Ты ведь знаешь, о ком я хотел бы тебя спросить? О том, о ком я не хотел бы говорить при других...

¹ Алек Гиннесс играл в эпопее «Звездные Войны» джедая Оби-Вана Кеноби.

С самого своего возвращения в Чикаго я ни разу не произнес имени моей дочери. Черт, я и мысленно-то его произносить едва осмеливался. Для всего мира Мэгги сгинула в мясорубке, положившей конец Красной Коллегии. Все, кто узнал бы о ее существовании, могли бы использовать это знание против нее. Я не мог допустить такого. Тем более теперь, когда я не в состоянии защитить ее сам.

В горле застрял комок – наверное, потому, что память подсказывала: так полагается.

– Ты ведь знаешь, о ком это я.

– Да, – кивнула она. – Разумеется.

– С этим человеком все в порядке? Он в безопасности и здоров?

– Насколько мне известно, да, – ответила она. Легкая улыбка на короткий миг напомнила мне ту девушку, какой она когда-то была. – С ней Чубакка.

Так называть она могла только огромный ходячий коврик – моего пса, Мыша. Этот зверюга умом превосходил многих известных мне людей, а в качестве сверхъестественного телохранителя для девочки лучшего и не придумаешь. Он у меня большой, теплый и мохнатый и всегда готов послужить одеялом или подушкой – либо пушечным ядром неодолимой силы, в зависимости от требований момента. Черт, Мэгги ведь всего восемь. Должно быть, половину времени Мышу приходится изображать из себя пони.

Я медленно перевел дух; голова немного кружилась. Все воспоминания, что остались у меня о Мэгги – те немногие, что имелись, – разом вытеснили из головы почти все остальное. Собственно, запомнилось мне только то, как я держал ее на руках, когда все закончилось. Я даже не знаю, как долго это продолжалось. Она казалась совсем маленькой и теплой в моих руках... наверное, после всего, что произошло там, мои объятия ее хоть немного утешили.

– Мы могли бы навестить ее, – предложила Молли. – Я имею в виду... Я знаю, где она сейчас.

Мне ужасно хотелось ухватиться за эту возможность и согласиться. Но я не мог. И не стал.

– Может, потом. Когда разберемся с делами, – сказал я.

– Хорошо, – кивнула Молли.

– Ты бы лучше закрыла Зрение, детка, – посоветовал я. – Им не стоит злоупотреблять. Это может плохо кончиться.

– Но... но ведь тогда я не смогу вас видеть. И слышать. Чудно... почему эта штука называется только Зрением?

– Так уж ее называли, хотя функционально она намного шире, – авторитетно заметил я. – Ты обладаешь даром, детка. Доверься своей интуиции. Что в данном случае должно тебе подсказать, что тебе не помешало бы то зелье для общения с духами, которое мы с тобой разработали на основе рецепта Рашидовой мази, помнишь?

– Ладно, – кивнула она. – Хорошо.

Она нахмурилась, низко опустила голову, и я увидел, что она выключила Зрение: свет, струившийся из ее лба, дрогнул и померк.

Мёрфи сидела на краешке кресла, напряженно выпрямившись и сцепив руки на коленях:

– Мисс Карпентер!

Молли повернулась и подняла глаза. У нее ушло не меньше двух секунд, чтобы сфокусировать взгляд на Мёрфи.

– Да?

– Это он?

– Он поздоровался со мной цитатой из «Империя наносит ответный удар».

Уголок губ у Мёрфи чуть дернулся.

– Он.

Моя ученица кивнула и снова отвела взгляд в сторону.

– Значит, – сказала Мёрфи, – он и правда... правда мертв. Та пуля его убила.
– Он мертв, – согласилась Молли. – Эта тень... это Гарри... во всех отношениях. У нее его воспоминания, его личность...
– Но это не он.
Молли покачала головой:
– Я однажды спросила его об этом. О том, что происходит с душой, когда человек оставляет после себя духа.
– Что он ответил?
– Что даже представления об этом не имеет. И что вообще сомневается, что у кого-то найдется на это прямой ответ.
– Молли, – сказала Мёрфи, – я знаю, ты устала. Мне было бы приятно, если бы ты позволила мне предложить тебе переодеться. Поесть. Принять душ. Выспаться по-настоящему. Мой дом защищен. Я бы с радостью сказала твоим родителям, что мне удалось сделать для тебя хотя бы это, когда они позвонят мне, чтобы узнать, как ты.
Молли огляделась по сторонам и прикусила губу:
– Ну... да... – Она поежилась. – Только... только лучше будет, если я просто уйду.
– Лучше? Для кого?
– Для всех, – ответила Молли. Она собралась с духом и встала, опираясь на трость. При этом она поморщилась. Видно было, что раненая нога до сих пор причиняет ей боль. – Нет, честно. Я веду несколько игр сразу, и мне не хотелось бы, чтобы эти игры каким-то образом заделали вас. – Она помолчала. – Я... – нерешительно продолжала она, – извините меня за те слова... насчет детектива, Кэррин. Я погорячилась.
Мёрфи пожала плечами:
– Будем считать, ничего такого не говорилось.
Моя ученица вздохнула и принялась запахивать на себе слои лохмотьев.
– Мне кажется, мистер Линдквист действует искренне. Я найду завтра – попробую найти что-нибудь, что помогло бы вам общаться с Гарри без лишнего труда.
– Спасибо, – кивнула Мёрфи. – Раз уж ты этим занялась, может, луч...
Со двора вдруг послышался рев карманного клаксона.
Морти выпрыгнул из кресла и пригнулся, готовый ринуться прочь или же героически распластаться на полу.
– Что это?
– Тревога! – бросила Мёрфи, выхватывая пистолет. – Все на п...
Прежде чем она успела договорить, с улицы грянули выстрелы, решета пулями стены и окна дома.

Глава 12

Я сделал то, что сделал бы в подобной ситуации любой здравомыслящий человек, – бросился на пол.
– О Дрезден, право же! – рявкнул сэр Стюарт.
Он ринулся навстречу выстрелам – прямо сквозь стену. На мгновение обереги Мёрфиного дома окутали его призрачным бело-голубым сиянием, а потом он исчез из виду.
«Ну да, болван! – обругал я себя. – Ты ведь все равно уже мертв».
Я вскочил и бросился за ним следом.
Все живые присутствующие старательно вжимались в пол, когда я метнулся сквозь стену на улицу. Насчет оберегов я не беспокоился: никто и никогда не проектировал обереги так, чтобы они удерживали всякую нечисть, пытающуюся выйти, – только так, чтобы она не могла войти. Кроме того, меня ведь пригласили в дом, что с формальной точки зрения причисляло

меня к «своим», впрочем, как оказалось, на поверку «дружественные» обереги действуют приблизительно по такому же принципу, что и «дружественный» огонь. Проход сквозь защищенную оберегами стену не ограничился простым неприятным покалыванием. Я ощущал себя примерно так, словно меня спустили голышом по аквапарковому желобу, вымощенному изнутри стальными щетками.

– Ааааааааааа! – заорал я, вываливаясь из стены дома в палисадник.

Мои познания о призраках разом расширились: теперь-то я понимал, почему они всегда стонут или завывают, выныривая из чьих-нибудь стен или пола. Никакой мистики: это просто чертовски больно.

Шатаясь, я сделал несколько шагов и поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть происходящее. На улице перед домом стоял пикап. Кто-то из сидевших в кабине выставил в окно ствол дробовика, а в кузове съжились еще четыре фигуры в темной одежде, целившиеся в сторону дома Мёрфи из чего-то вроде штурмовых винтовок и автоматов. Патронов они явно не жалели, так что грохот и вспышки выстрелов казались неестественно яркими и громкими на фоне царившего вокруг зимнего покоя.

Эти парни не производили впечатления профессионалов. Мне приходилось видеть в деле настоящих наемных убийц, и эти шуты ничем их не напоминали. Они просто тыкали стволами более или менее в направлении цели и нажимали на спусковые крючки. До прицельного огня профи им было далеко, впрочем, если пуль много, куда-нибудь да можно попасть.

Они и в меня попали раз пять или шесть. Однако неприятные ощущения от пуль были слишком короткими, так что не столько причиняли боль, сколько раздражали. Я вдруг понял, что бегу к пикапу бок о бок с сэром Стюартом и что настроение у меня самое что ни на есть боевое. Что ж, пуленепробиваемое состояние, скажем так, ободряет.

– Что мы делаем? – крикнул я на бегу. – Я имею в виду, чего мы хотим добиться? Мы же не можем ничего с ними сделать! Или можем?

– Смотри и учись, парень! – отозвался сэр Стюарт, скаля зубы в волчьей ухмылке. – На счет три – в кузов!

– Что! Эм, я думал...

– Не думай! – крикнула тень. – Просто делай! Доверься инстинктам! В кузов! Раз-два...

Тень дважды оттолкнулась от земли – как при тройном прыжке. Я последовал примеру сэра Стюарта не более чем рефлекторно.

В голове моей вдруг всплыло неожиданное воспоминание: школьный двор, на котором мы устраивали свои собственные олимпийские игры. Горячее солнце пекло нам головы, и от поверхности детской площадки поднимался запах разогретого асфальта. Я состязался в прыжках в длину с разбега, и получалось у меня так себе. Я уже не помню, почему мне так важно было выиграть, но я заикнулся на этом со всей детской истовостью. Я помню, как, разбегаюсь к начерченной розовым мелом линии, мечтал только об одном – пробежать быстрее всех, прыгнуть дальше.

Вот тогда я впервые использовал магию.

Разумеется, сам я этого тогда не осознавал. Но я помню ощущение полной устремленности, пронзившее все мое тело, и ту невидимую силу, что подтолкнула меня в спину, так что на мгновение мне даже показалось, что я вдруг научился летать, как Супермен.

Реальность быстро напомнила о себе. Я летел как попало, отчаянно размахивая руками. Я приземлился на асфальт и изрядно ободрал об него руки-ноги. Помню, как мне было больно – и как мне было на это наплевать, потому что я победил.

Я побил рекорд школ штата Айова больше чем на фут. Впрочем, его не зачли. Меня дисквалифицировали. Я тогда был совсем еще мальчишкой. Всем ведь понятно: произошло что-то неправильное, кто-то что-то напутал, наверное, так что об этом ненормальном прыжке лучше забыть.

Это оказалось очень яркое воспоминание, дурацкое и немного грустное, – но, в конце концов, такое произошло со мной впервые.

Очень-очень мощное воспоминание.

– Три! – выкрикнул сэр Стюарт и прыгнул.

Не спуская взгляда с набитого стрелками кузова, я бросился следом за ним.

Я ощутил странное головокружение сродни тому, какое испытал от эликсира, изготовленного мною с помощью Боба во времена борьбы с Человеком-Тенью. Как будто меня разложили на миллион составных частей и швырнули вперед с неопишуемой скоростью, а потом снова собрали воедино.

В лицо мне снова ударил холодный ветер, я пошатнулся и чуть не свалился с крыши пикапа, медленно тронувшегося с места и набиравшего скорость.

– Вот так хрень! – заорал я, улыбаясь как безумный. – Надо же, как круто! Сначала Китти Прайд, а теперь Ночной Змей!

Повернувшись, я увидел, что сэр Стюарт стоит в кузове, глядя на меня довольно-таки неодобрительно. Спина одного из автоматчиков находилась в той же точке пространства, что и правая нога сэра Стюарта.

– Не больно? – поинтересовался я, мотнув головой в сторону его раненой ноги.

– А? – Сэр Стюарт опустил взгляд и понял, о чем я говорю. – Полагаю, есть немного. Я перестал обращать внимание на такие мелочи после первых семидесяти или восьмидесяти лет. Ладно. С вашего разрешения, Дрезден, продолжим?

– Что продолжим? – спросил я.

– Учить вас тому, что, очевидно, вам крайне необходимо, – ответил сэр Стюарт. – А также мешать этим пиратам. – Последние слова он ядовито процедил сквозь зубы.

Я нахмурился и посмотрел на стрелков, торопливо менявших магазины. По части перезарядки они тоже не слишком блистали ловкостью.

– Чёрт! Сейчас их мог бы снять один-единственный человек с пистолетом, – заметил я. – Жаль, что мы безоружны.

– Плоти мы касаться не можем, – согласился сэр Стюарт. – И хотя перемещать материальные предметы тени в состоянии, в этом нет практического смысла. Хорошо потренировавшись, вы смогли бы сдвинуть пенни на несколько дюймов. За пару минут.

– Жаль, но пенни у нас тоже нет, – напомнил я ему.

Он не обратил на мои слова ни малейшего внимания:

– А все потому, что мы способны перемещать лишь самые миниатюрные частицы. Поднять монету в воздух мы не можем: гравитация мешает.

Я нахмурился. Все это подозрительно смахивало на вступительные уроки для будущих чародеев. В большинстве случаев, когда вам надо переместить какой-либо предмет, у вас самих не имеется в наличии необходимой для этого энергии. Однако из этого вовсе не следует, что вы не можете передвинуть этот предмет. Из этого следует лишь то, что вам нужно поискать эту энергию где-нибудь еще.

– Но... вы можете заимствовать энергию из других источников?

Отставной морпех оставил в меня указательный палец, и лицо его осветилось улыбкой.

– Превосходно. Мы не способны взаимодействовать с предметами, перемещаемыми живым существом. Мы даже не можем прикасаться к предметам, находящимся слишком близко к живому телу. Но...

Он покосился на меня, явно ожидая, что я закончу мысль.

Я поморгал, лихорадочно размышляя.

– Машины, – догадался я. – Мы можем воздействовать на машины.

Сэр Стюарт кивнул:

– До тех пор, пока они в движении. А уж энергии и прочих связей в работающей машине более чем достаточно.

Не говоря больше ничего, он сделал шаг вперед, прошел сквозь заднюю стенку кабины, уселся на пассажирское сиденье и потянулся налево. С крыши кабины мне было плохо видно, что он там делает, поэтому я опустился на четвереньки и, вытянув шею, просунул голову сквозь крышу. Кожу сильно щипало, но я, можно сказать, всю свою жизнь учился бороться с болью. Я стиснул зубы и присмотрелся.

Сэр Стюарт сунул одну руку в руль, другую – куда-то в приборный щиток, а сам принялся терпеливо ждать, вглядываясь в дорогу перед нами. Ждать пришлось недолго. Пикап тряхнуло на неровности льда, взвизгнули амортизаторы, и тень, зажмурившись, дернула что-то в потрохах руля.

Из руля с громким хлопком выстрелила подушка безопасности.

Она бесцеремонно прижала водителя к спинке кресла, и тот ударился в панику. Руки его судорожно вцепились в баранку, которая повернулась при этом на несколько градусов. И тут он сделал то, чего категорически нельзя делать на скользкой дороге: нога его вдавила в пол педаль тормоза.

Небольшой поворот и резкое торможение разом пустили машину юзом. Водитель пытался убрать подушку, поэтому машину крутило все сильнее.

Сэр Стюарт удовлетворенно наблюдал за происходящим. Затем поднял взгляд на меня:

– Не намного сложнее, чем напугать лошадь, право же.

Стрелки в кузове тем временем кричали в смятении, глядя, как идет кругом улица. Машина, словно вальсируя, сделала три полных оборота, отрикошетила от сугроба на обочине, двигаясь боком, пересекла осевую, встречную, тротуар – и въехала точнехонько в витрину небольшой продуктовой лавки. Воздух наполнился скрежетом сминаемого металла, лязгом бьющегося стекла и грохотом осыпающегося кирпича.

По сравнению с этим мерный звон сработавшей сигнализации магазинчика казался не громче звуков, издаваемых моим старым будильником с Микки-Маусом на циферблате.

Секунду-другую боевики сидели оглушенные, не шевелясь, потом разразились ругательствами и полезли из машины. Им явно не терпелось обратиться до появления копов.

Сэр Стюарт исчез и вновь появился уже на другой стороне улицы. Я сделал такое же усилие, как минуту назад, когда запрыгивал в машину, и снова испытал давно забытое ощущение. Я вновь распался на миллион частей, а когда собрался воедино, стоял рядом с сэром Стюартом – правда, лицом к кирпичной стене.

– В следующий раз не забудьте развернуться по дороге, – посоветовал он.

Я фыркнул и оглянулся на бандитов:

– А с ними что?

– А что с ними?

– Разве мы не можем, например, овладеть ими... Заставить их разбить свою дурацкую башку о стену или что-то в этом роде?

Сэр Стюарт расхохотался:

– Мы не можем проникнуть в смертного, если он сам этого не захочет. На такое способны демоны, но не тени.

Я нахмурился:

– Значит... что? Мы так и позволим им уйти?

Он пожал плечами:

– Мне не хотелось бы оставлять Мортимера надолго без опеки. А вам, Дрезден, посоветовал бы учесть, что рассвет не за горами. Он уничтожит вас, если вы не найдете себе убежища вроде дома Мортимера.

Я нахмурился еще сильнее, глядя на небо. Городские огни заглушили все, кроме самых ярких звезд, но небо на востоке, у самого горизонта, начало окрашиваться в голубой цвет. Рассвет пагубно сказывается как на духах и тенях, так и на любых магических заклятиях. Сам по себе он не хорош и не плох, но рассвет – время новых начинаний, и свет нового дня сметает сверхъестественный хлам дня предыдущего. Чтобы пережить восход солнца, духовным существам необходима хоть какая-то защита – скажем, убежище. Моему лабораторному ассистенту Бобу, например, таким убежищем служил заговоренный специальными заклятиями череп. Обычной защиты в виде порога в этом случае недостаточно, хотя мой старый дом – увы, сгоревший – и мог считаться убежищем, учитывая, сколько слоев защиты я ему организовал.

Но у меня больше не было ничего похожего.

– Возвращайтесь к Морти, – сказал я. – Занятно было сыграть с этими охламонами в «Форсаж», но это вряд ли сильно поможет людям, которых нам хотелось бы защитить. Я хочу проследить этих снайперов до дома, или где они там собираются, – посмотрю, не удастся ли мне чего-нибудь про них узнать.

Сэр Стюарт смерил меня хмурым взглядом:

– Рассвет – не то, с чем можно шутить, дружище. Настоятельно советую вам подумать хорошенько.

– Не спорю, – кивнул я. – Однако единственное оружие, которым я могу с ними бороться, – это знание. Кто-то должен все выяснить, а я единственный, у кого есть иммунитет к отравлению свинцом. Так что выбор не лишен логики.

– Допустим, вам удастся выведать информацию, а потом каким-то образом пережить рассвет, – сказал призрак. – Что вы будете делать потом?

– Передам ее Мёрфи, а та использует ее для того, чтобы этим недомеркам уши на задницу натянуть.

Сэр Стюарт моргнул:

– Какое... какое образное сравнение!

– У меня дар к метафорам, – скромно согласился я.

Он покачал головой и вздохнул:

– Я восхищаюсь силой вашего духа, дружище, и все-таки это глупо.

– Угу, – согласился я. – Но такой уж у меня характер.

Сэр Стюарт заложил руки за спину и задумчиво постучал носком башмака по снегу. Потом неохотно кивнул.

– Удачной охоты, – произнес он. – Если у вас снова возникнут проблемы с привидениями – исчезните. Они не смогут вас отследить.

– Спасибо, – кивнул я, протягивая ему руку.

Мы обменялись рукопожатиями, он резко повернулся и зашагал обратно к дому Мёрфи.

Пару секунд я смотрел ему вслед, потом тоже повернулся и поспешил за едва различимыми сквозь метель фигурами стрелков, пытаясь на ходу прикинуть, сколько времени у меня в запасе до того, как лучи рассвета окончательно меня уничтожат.

Глава 13

Нехорошие парни двинулись дальше пешком, и я последовал за ними.

– Эй, вы! – произнес один из них.

Его отличала юношеская худощавость, по бронзовой коже его можно было бы принять за индейца, хотя курчавые рыжие волосы и нос картошкой свидетельствовали об обратном. А еще глаза очень странного оттенка карего – такого светлого, что казались почти золотистыми.

– Чего, Фитц? – переспросил другой.

– Заткнись! – перебил его Фитц. – Дай сюда свою штуковину.

Тот послушно протянул ему автомат. Фитц ловко отстегнул рожок, передернул затвор, выбросив находившийся там патрон, и сунул все это в сугроб на обочине – вместе с собственным оружием.

– Какого хрена? – удивился обезоруженный стрелок и легонько толкнул Фитца в грудь.

Фитц врезал ему кулаком по физиономии с такой силой и скоростью, что это удивило даже меня, а уж я-то повидал драк на своем веку. Тот плюхнулся в снег и остался сидеть, ощупывая руками сломанный нос.

– Некогда тупить, – бросил Фитц. – Ну-ка все, гоните пушки. Или хотите объяснить ему, зачем пытались упечь нас всех за решетку?

Остальные отнеслись к приказу без особого энтузиазма, но оружие отдали. Фитц разрядил все, сунул в сугроб и приказал хорошенько забросать снегом.

– Но это же глупо, чувак, – сказал один из юнцов. – Если хоть один из этих волков нападет на наш след, нам нечем будет обороняться.

– Если хоть один из этих волков проследит за нами, нам на хвост сядет Леди-Оборванка, а против нее никакие автоматы не помогут, – огрызнулся Фитц. – Утрамбуйте снег как следует. А теперь разгладьте. – Он повернулся к типу, которого только что ударил, и сунул ему в руки комок чистого снега. – Приложи к носу. Надо остановить кровотечение. Ты же не хочешь оставлять за собой кровь, если у тебя есть выбор.

Сидевший в снегу юнец выглядел изрядно напуганным и послушно исполнил все, как велел Фитц.

– Что делаем? – поинтересовался другой стрелок. Ростом ниже остальных, он говорил не вызывающе – просто спрашивал.

– Тачка угнана. По ней нас не найдут, – объяснил Фитц, отряхивая руки от снега. – Даже если завтра наступит весна, сугроб растает не раньше чем через несколько дней, а значит, оружие найдут тоже не сразу. Если повезет, их вообще друг с другом не свяжут.

– Это когда еще будет, – пробормотал коротышка. – А мне хотелось бы до утра дожить.

Фитц почти улыбнулся:

– Хочешь разгуливать по улицам гребаного Чикаго с оружием в руках? С тачкой у нас еще была возможность его спрятать. Но не здесь.

Коротышка понимающе кивнул:

– Но хоть нож-то я могу себе оставить?

– Не на виду, – ответил Фитц и склонил голову набок, прислушиваясь. Вообще-то, в ночном Чикаго сирены – дело заурядное, но на этот раз они слышались громче, ближе, выделившись из общего фона ночных шумов. – Пошевеливайтесь, ребята.

Фитц сунул руки в карманы своего довольно легкого пальто и зашагал прочь. Остальные потянулись за ним.

Я шел рядом с Фитцем, изучая его. Поведение этого парня после боя произвело на меня большее впечатление, чем непосредственно во время схватки. Направить автомат в нужную сторону и нажать на спусковой крючок – дело нехитрое, это любой дурак может. А вот сохранять спокойствие и рассудительность сразу после автомобильной аварии, взвешивать возможные последствия, принимать оптимальные решения, преодолевая при этом сопротивление подчиненных, – такое дано не каждому. Хотя нападение было осуществлено достаточно дилетантски, глупым я бы его не назвал, и действия Фитца в условиях, сложившихся в результате внезапного вмешательства в его планы сэра Стюарта, представлялись настолько идеальными, насколько это вообще возможно.

Фитц продемонстрировал отменную сообразительность в сложной обстановке, показал себя прирожденным лидером, и у меня сложилось неприятное впечатление, что он не наступит на одни грабли дважды. Он сделал все, что от него зависело, чтобы убить нескольких самых

близких мне людей. Мозги и решительность – опасное сочетание. Да, его необходимо нейтрализовать при первой возможности.

Я шел за ними по морозу, которого больше не ощущал, попутно практикуясь в искусстве исчезания. Я запрыгивал вперед, потом назад, к ним за спину, потом вправо, влево – и все это время старался не обращать внимания на светлеющее небо.

Что-то очень беспокоило меня в этом рыжеволосом парне.

Ведь он знал, что копы уже в пути, сигнализация магазинчика верещит как резаная, знал, что его спутники обескуражены и изранены, так какого черта он не пожалел нескольких драгоценных секунд на то, чтобы разрядить оружие? В условиях, когда каждое мгновение на вес золота? Зачем он это сделал?

Я задавал себе вопрос: поступил бы я так же на его месте? И зачем? Единственный ответ, который приходил мне в голову, гласил: только затем, чтобы не пострадал тот, кто рано или поздно найдет это оружие. Фитц пытался изрешетить пулями маленький чикагский домишко – а вместе с ним, учитывая убойную силу пуль, и несколько соседних – и при этом, избавляясь от улики, принял необходимые меры безопасности... Противоречие какое-то.

Любопытно.

Еще любопытнее показалось мне то, что я вообще обратил на это внимание. Обычно, когда кто-то покушается на моих друзей, я мгновенно заносу его в список первоочередных целей на уничтожение и стараюсь сделать его жизнь предельно дискомфортной до тех пор, пока он не перестанет представлять собой угрозы. И, как правило, это не мешает мне спать спокойно.

Но на сей раз, черт подери, я не мог броситься в драку очертя голову. Конечно, на сей раз те, кто угрожал моим друзьям, не угрожали мне самому. Ни Фитц, ни его команда не могли причинить мне никакого вреда, если только не собирались гулять так до самого восхода солнца, да и я, собственно, тоже не представлял для них никакой опасности. В нормальном состоянии я бы весь кипел в присутствии людей, пытавшихся убить моих друзей. Но теперь...

Мы абсолютно не угрожали друг другу. Надо признаться, это изрядно мешало поддерживать необходимую степень кипения.

Фитц вел свой отряд по заснеженным улицам, задержавшись только раз – чтобы проверить состояние расквашенного им носа. Снежный компресс помог остановить кровотечение, но парень совершенно одурел от боли. Другие тоже не вышли из передраги невредимыми, хотя отделались травмами полегче. Поэтому Фитц сделал еще одну остановку у небольшого ночного магазина, из которого вышел с бутылкой воды и большим пузырьком болеутоляющих таблеток. Пузырек он сунул в руки недоверчивому коротышке, наказав раздать каждому по двойной дозе и двигаться дальше.

Им потребовался почти час, чтобы выйти из Бактауна и направиться в Саутсайд. Многие до сих пор полагают, что Саутсайд представляет собой что-то вроде экономической пустыни, по которой проходит демилитаризованная зона враждующих гангстерских кланов. Это вовсе не так – по крайней мере, не везде. Есть, конечно, кварталы, куда лучше не заходить в одежде не того цвета или с кожей не того цвета, но они скорее являются исключением, а не правилом. Большая часть Саутсайда довольно разнообразна, значительная его территория занята всякими производствами, и Фитц со своим избитым пешим воинством направился к заброшенной фабрике на краю промзоны.

Она занимала целый квартал – здоровенное здание высотой всего два этажа, зато площадью в несколько акров. Снегоочистители сгребали снег к его стенам – о необходимости прохода и проезда в пустующий дом речи не шло, – так что сугробы окружали здание крепостной стеной. Фитц и его команда перебрались через эту стену в месте, где кто-то вырубил лопатой подобие ступенек. Через покрытую толстым слоем снега стоянку вела узкая протоптанная тропинка, – двигаясь цепочкой, они подошли к дверям, запертым на цепь, но Фитц полязгал

стальными звеньями, и одна из дверей отворилась настолько, чтобы отряд юнцов – никто из них не отличался особо капитальной комплекцией – смог протиснуться внутрь.

Я прошел сквозь дверь так, как положено уважающему себя призраку, – насквозь. При этом я честно старался не обращать внимания на дискомфорт, как это делал сэр Стюарт. Оказалось все равно больно – не настолько, чтобы я дико взвыл, но достаточно, чтобы это действовало на нервы. Возможно, «коже» призрака просто требуется время, чтобы привыкнуть. По крайней мере, здесь не было порога, а то я не одолел бы его. Это место никогда никому не служило домом, а тот, кто разместился здесь теперь, явно не придавал порогу особого значения. Собственно, процесс, превращающий порог в подобие сверхъестественного барьера, так и не получил объяснения или описания; теперь представилась отличная возможность всесторонне изучить эту особенность на собственном опыте, что мне показалось весьма полезным, учитывая мои нынешние обстоятельства...

– Нет, это не «отличная возможность». Соберись, Дрезден! – приструнил я сам себя. – Думай лучше о деле, чтобы тебе не понадобилось изучать все аспекты долгосрочного призрачного существования.

Фитц задержался ненадолго и вслух пересчитал всех своих спутников – те, устало представляя ноги, плелись куда-то вглубь здания. Фабричный цех явно строился исходя из соображений экономии, а не красоты. Окон было мало, да и те выходили не на восток – притом, что до рассвета оставались считанные минуты и отраженные от снега городские огни казались еще ярче. А еще – судя по облачкам пара, вырывавшимся из ртов незадачливых стрелков, – здесь стоял холод.

Фитц достал из кармана фонарик и включил его. Фонарик горел красным огнем и не столько освещал дорогу, сколько обозначал разницу между темнотой обычной и непроглядной. Впрочем, чтобы идти, этого хватало.

– А вот интересно, – подумал я вслух. – В конце концов, я ведь нематериален. А взаимоотношения у призраков и материального мира, похоже, не столь просты и прямолинейны, как у смертных с законами физики. Например, зрачков для преломления света у меня больше нет.

Черт! Если уж на то пошло, свет должен проходить сквозь меня – иначе как бы я оставался невидимым? Из чего по логике вещей следовало, что я не вижу мир в общепринятом смысле слова. Чувства мои функционировали теперь как-то по-другому, и воздействие света на сетчатку глаз не имело к этому ни малейшего отношения.

– Выходит, свет мне не обязателен, чтобы видеть? – спросил я сам себя.

– Нет, не обязателен, – ответил я сам себе.

Я закрыл глаза на несколько шагов и сосредоточился на одном давнем воспоминании: давным-давно, еще в детстве, я оказался в доме приемных родителей, в темной комнате, когда электричество вырубилось из-за грозы. Я слепо шарил по сторонам в поисках фонарика, зажигалки или спичек. Только минут через десять мне удалось кое-что найти – декоративный стеклянный шарик со снежинками, сувенир Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Нажмешь на кнопку – и красные, белые и синие снежинки начинают сиять ярким светом.

Стоило комнате превратиться в место, в котором я мог снова ориентироваться, как охватившая меня паника улеглась, будто ее и не было. Я снова мог видеть.

Вот и сейчас, когда я открыл свои призрачные глаза, я видел коридор, по которому мы шли, с кристальной ясностью, словно кто-то включил давным-давно погасшие люминесцентные трубки над головой.

Я испустил довольный смешок. Я и правда мог видеть в темноте!

– Прямо как... не помню, кто из Людей-Икс мог видеть в темноте... или Ночной Змей мог? А впрочем, без разницы. Все они сверхгерои. И я тоже неплох...

Фитц вдруг застыл на полушаге, резко повернулся и, широко раскрыв глаза, направил луч фонаря в мою сторону. Потом резко потянул носом воздух.

Я тоже застыл, уставившись на него.

Все вокруг Фитца смолкли и остановились, отреагировав на выказанный им несомненный страх, – так ведут себя те, у кого есть повод опасаться хищников. Фитц неуверенно шарил взглядом по коридору, поводя лучом фонаря из стороны в сторону, словно это могло бы помочь ему видеть в темноте хотя бы на несколько дюймов дальше.

– Адские погремушки! – произнес я. – Эй, парень! Ты что, меня слышишь?

Фитц явно отреагировал на мой голос: слегка вздрогнув, он склонил голову сначала в одну сторону, потом в другую, словно пытаюсь обнаружить источник слабого шепота.

– Фитц? – неуверенно прошептал паренек с ножом.

– Цыц! – шикнул на него Фитц, продолжая всматриваться в темноту.

– Эй! Парень! – крикнул я, сложив руки рупором. – Ты меня слышишь?

Краска и так уже сползла с его лица, однако второй оклик вызвал иную реакцию. Он облизнул пересохшие губы и быстро отвернулся.

– Послышалось что-то, – буркнул он. – Ерунда. Пошли.

Все интереснее и интереснее. Я засунул руки в карманы плаща и зашагал рядом с Фитцем, изучая его.

Ростом он был шесть футов без одного дюйма, и все же выше остальных своих спутников. Вряд ли ему исполнилось семнадцать, но взгляд, казалось, принадлежал человеку на несколько десятков лет старше. Должно быть, в жизни ему пришлось нелегко, если он выказывал такую закалку. И ведь он знал о сверхъестественных искусствах хотя бы то, что следы крови можно использовать против ее обладателя.

У левого глаза виднелись шрамы – такие обычно встречаются у боксеров, с той лишь разницей, что у боксеров они, как правило, с обеих сторон лица. Все шрамы собрались у него на одном маленьком клочке кожи. Кто-то, определенно не левша, периодически, время от времени колотил его по одному и тому же месту. Я видел, как быстро умеет двигаться Фитц. Он даже не пытался увернуться.

Адские погремушки! На нас напал Оливер Твист.

У Фитца и его команды ушло добрых пять минут, чтобы добраться до места, когда-то служившего, судя по всему, производственным цехом. Это было высокое, футов тридцать высотой, помещение с зенитными фонарями на потолке, производившее впечатление интерьерера из фильма-катастрофы.

Повсюду стояли заброшенные станки. Застывший много лет назад конвейер зарос паутиной и покрылся пылью. Пустые полки и стеллажи не давали возможности понять, что же именно здесь производили. В проходе стояло несколько открытых стальных бочек, наполненных всяким горючим хламом, преимущественно обломками деревянных дверей и полок, собранных, похоже, со всего здания. Между этими самодельными очагами валялись потрепанные спальные мешки и рюкзаки со скудными пожитками.

Поверх одной из бочек-очагов лежала стальная решетка – импровизированный гриль. Над ним склонился мужчина. Худой – ни дать ни взять скелет, одетый только в обтягивающие джинсы. Кожа его была мучнисто-белой. Лысую голову сплошь покрывали татуировки – неровно нанесенные магические символы, преимущественно охранительного характера. Ключеватая борода казалась пегой из-за обилия каштановых, черных и седых прядей.

На решетке стояло несколько банок консервированных бобов и чили, которые, судя по всему, дожидались Фитцева отряда, который выказывал к ним несомненный интерес. Лысый тип нарочито не замечал возвращения Фитца, и отряд почти пять минут терпеливо переминался с ноги на ногу.

– Все сделано? – спросил он наконец, так и не оборачиваясь.

– Нет, – ответил Фитц.

– А где оружие?

– Нам пришлось его спрятать.

Плечи у лысого типа вдруг напряженно ссутулились.

– Прошу прощения?

Фитц неосознанно, инстинктивным движением поднял руку к левому глазу, но сразу же поспешно опустил ее.

– Случилась авария. Приближалась полиция. Нам надо было уходить, и мы не могли нести оружие с собой.

Лысый распрямился и повернулся к Фитцу. Глаза у него оказались темные, глубоко посаженные, и в них полыхал гнев.

– Вы потеряли! Оружие! Оружие, которое обошлось мне так дорого.

– Оружие пришлось бы выбросить в любом случае, – сказал Фитц. – И от нас не было бы никакого толку, если бы мы сели в тюрьму.

Взгляд у лысого вспыхнул, и у него вырвался крик. В воздухе раздался ужасный, стремительный низкий звук, и невидимая сила ударила Фитца в грудь, отшвырнув его футов на десять. Еще десяток футов он катился по бетонному полу и лишь после этого наконец застыл.

– Толку? – заорал лысый. – Толку? Да от вас вообще никакого толку! Ты хоть представляешь, каковы могут быть последствия твоего идиотизма? Сколько групп вроде вашей уничтожены фоморами? Или Леди-Оборванкой? Идиот!

Фитц лежал на полу, съевшись калачиком и даже не пытаясь приподнять голову. Он не двигался, явно надеясь не разозлить лысого еще сильнее. Судя по крепко стиснутым зубам, он приготовился к новой боли и четко осознавал, что ничего не может с этим поделать.

– Это было проще простого! – продолжал лысый, приближаясь к парню. – Я поручил вам задачу, с которой даже обдолбанные справляются как нечего делать. И это оказалось для вас сложным? Ты это хочешь сказать?

Голос Фитца звучал слишком ровно, чтобы распознать в нем искренность. Он привык скрывать свой страх, свою уязвимость.

– Мне жаль. Там оказалась Леди-Оборванка. Мы не смогли подобраться ближе. Она бы от нас мокрого места не оставила. Пришлось обстрелять их и уходить.

Гнев лысого как рукой сняло. Он смотрел на юнца сверху вниз, и лицо его не выражало ровным счетом ничего.

– Если тебе известна причина, – произнес он мягким тоном, – по которой тебе можно позволить дышать, Фитц, тебе лучше назвать ее прямо сейчас.

Фитц умел прятать свои чувства, и лицо его оставалось бесстрастным, но ночь выдалась для него слишком тяжелой. Дыхание его участилось.

– Смысл атаки был не в том, чтобы поубивать их всех, вы ведь сами говорили. Смысл был в том, чтобы нас не трогали, а то мы дадим сдачи. Мы показали им это. Значит, поставленную цель мы выполнили.

Лысый смотрел на него, не шевелясь.

Я видел, что на лице у Фитца выступили капли пота.

– Это не... не... Послушайте, я могу вернуть эти автоматы. Правда могу. Я пометил место, где мы закопали их в снег. Я могу сходить за ними.

Лысый испепелил юношу пронзительным взглядом и пнул его ногой в живот. Удар вышел ленивый, равнодушный какой-то, словно механический. Похоже, лысый принял решение – он повернулся и подошел к самодельной плите.

– Еда остынет, парни, – сказал лысый. – Давайте ешьте.

Юнцы неуверенно подались к нему. Фитц выждал некоторое время и начал подниматься, стараясь не привлекать к себе внимания.

В воздухе что-то прошелестело, и фигура лысого размытым пятном метнулась от плиты к Фитцу, сбив по дороге с ног одного из юнцов. Движением слишком быстрым, чтобы глаз успел запечатлеть его, лысый ударил Фитца по скуле.

Удар отшвырнул того обратно на пол. Я стоял достаточно близко, чтобы увидеть, как разошелся и набух кровью шрам у глаза.

– К тебе, Фитц, это не относится, – произнес лысый все тем же мягким голосом. – Для мертвецов у меня еды нет. Поешь, когда исправишь свою ошибку.

Фитц кивнул, не поднимая глаз, зажав рукой ушибленное место:

– Слушаюсь, сэр.

– Умница.

Лысый сморщил нос, будто в помещении запахло какой-то гадостью, и плюнул Фитцу в лицо. Потом повернулся и двинулся обратно к плите.

Парень метнул ему в спину убийственный взгляд.

Говоря так, я вовсе не имею в виду, что Фитц разозлился. Часто можно услышать фразы вроде «убить взглядом», но немного найдется таких, кто действительно видел, на что это похоже. Скажем так, убийство – или, точнее, готовность его совершить – не относится к поступкам, на которые любой готов везде и всегда. По крайней мере, в наше относительно цивилизованное время. Хотя прежде лишение жизни другого живого существа являлось повседневной рутинной. Любая фермерская жена без малейшего угрызения совести отрубит курице голову, чтобы приготовить обед. То же самое и с рыбой, которую обезглавят и выпотрошат. Забивать крупный рогатый скот или закалывать свиней тоже было делом само собой разумеющимся – в соответствующее время года, конечно. Большая часть людей, чей образ жизни был связан с землей, жили и трудились бок о бок с теми, чью жизнь им предстояло рано или поздно оборвать.

Убийство – дело хлопотное. И чаще всего довольно грязное. А если что-нибудь пойдет не так, еще и противное, особенно если видишь, как кто-то бьется в смертной агонии. В общем, занятие это нелегкое, даже если речь идет о животных на ферме.

Убивать людей на порядок хлопотнее, грязнее и противнее. Подобный выбор дается нелегко. Ведь надо все просчитать, обдумать возможные последствия. Конечно, каждый может убить в порыве страха или ненависти – в таком случае не до расчетов или осознанного выбора. Вы просто позволяете своим эмоциям руководить вашими действиями.

В глазах Фитца я видел все: как он рассчитывает, оценивает и делает выбор. Лицо его побледнело, но зубы оставались стиснуты, а взгляд – тверд.

До сих пор не знаю точно, что руководило мной тогда, но я пригнулся к его уху.

– Не смей! – гаркнул я.

Парень, начинавший уже подбирать ноги для броска, застыл.

– Он только этого и ждет, Фитц, – настойчиво продолжал я. – Он нарочно плюнул, чтобы тебя к этому подтолкнуть. Он ждет наготове. Он убьет тебя, не успеешь ты и на ноги подняться.

Фитц огляделся по сторонам, но взгляд его прошел сквозь меня. Значит, он меня не видел. Ну-ну...

– Я бывал на твоём месте, парень. Я знаю этот тип людей. Не будь слабаком. Не дари ему того, чего он от тебя хочет.

На мгновение Фитц крепко зажмурился. Потом медленно перевел дух, и тело его заметно расслабилось.

– Умно, – одобрил лысый. – Делай каждый раз верный выбор, и мы, возможно, еще поработаем вместе.

Фитц сглотнул и поморщился, словно от противного привкуса во рту.

– Да, сэр, – произнес он. – Пойду проверю, все ли в порядке у входа.

– Отличная идея, – согласился лысый. – Тем более я бы предпочел не видеть тебя некоторое время.

Он повернулся и направился прочь от Фитца. По пути он задержался, чтобы тронуть одного из юнцов за плечо и негромко прошептать тому что-то.

Фитц быстро, бесшумно поднялся и вышел из цеха обратно в коридор. Только оказавшись вне поля зрения лысого, он зябко охватил себя руками и ускорил шаг. Его трясло.

– Я не сошел с ума, – произнес он. – Я не сошел с ума. Я не сошел с ума.

– Ну... В общем-то, нет, – заверил я его, стараясь не отставать. – Зачем ты работаешь на такого говнюка?

– Ты мне мерещишься, – заявил Фитц.

– Черта с два мерещусь, – возразил я. – Я только никак не пойму, почему так получается, что ты меня слышишь.

– Я не сошел с ума! – яростно повторил Фитц и зажал уши руками.

– Совершенно уверен, что это тебе не поможет, – заметил я. – Я имею в виду, что меня воспринимает твое сознание, а не слух. Думаю, просто так получается, что ты воспринимаешь это как... как... этот ваш формат Эм-Вэ-четыре, а не как фильм.

– Эм-Пэ-три, – машинально поправил меня Фитц, рывком отнял руки от ушей и, широко раскрыв глаза, огляделся по сторонам. – Э-э-э... Ты... ты правда здесь?

– Здесь-здесь, – подтвердил я. – Хотя любая мало-мальски пристойная галлюцинация говорила бы тебе то же самое.

Фитц ошеломленно моргнул:

– Эм. Я не хочу тебя злить или что-то в этом роде, но... кто ты такой?

– Я тот, кому не нравится видеть, как в его друзей стреляют, Фитц.

Шаги Фитца замедлились. Затем он прижался спиной к стене – скорее рефлекторно, нежели осмысленно. Долгое мгновение он стоял не шевелясь.

– Ты... дух?

– Формально – да, – подтвердил я.

Он судорожно сглотнул:

– Ты работаешь на Леди-Оборванку?

Адские погремушки, да этот мальчишка до смерти боялся Молли. А я хорошо представлял себе парнишек вроде Фитца, тем более что и сам рос в похожих условиях. Я встречал таких в домах у приемных родителей, в детских домах, в школах и летних лагерях. Крепкие орешки, прошедшие естественный отбор, понимающие, что о тебе никто не позаботится, кроме тебя самого. Конечно, не все, пережившие это, обладают таким опытом, но даже малая его часть действует строго по Дарвину. Она отбирает сильнейших. Таких, как Фитц.

Далеко не глупых, но и запугать их далеко не просто.

Фитц очень боялся Молли.

Мой желудок неприятно сжался.

– Нет, – заверил я его. – Я на нее не работаю. Я не ее подчиненный.

Он нахмурился:

– Тогда... На эту су... на бывшую полицейскую?

– Парень, – сказал я ему, – ты даже не представляешь, на что напоролся. Ты не на тех оружие направил. Я теперь знаю, где ты живешь. Они тоже узнают.

Он побледнел.

– Нет, – пробормотал он. – Послушай... ты ведь не знаешь, каково это здесь. Зеро и другие, они ничего не могут с этим поделать. Он не позволяет им делать ничего, кроме того, что он сам хочет.

– Ты имеешь в виду лысого?

Фитц издал натянутый, полуистерический смешок:

– Он называет себя Аристидом. И у него есть сила.

– Сила помыкать шайкой подростков?

– Говорю же, ничего ты не знаешь, – тихо продолжал Фитц. – Он говорит тебе что-то сделать, и... и ты это делаешь. Тебе даже в голову не приходит послушаться. И он... он двигается так быстро. Я не... Я думаю, что он, возможно, и не человек вовсе.

– Он человек, – заверил я. – Просто очередной засранец.

На лице у Фитца обозначилось что-то вроде очень, очень слабой улыбки.

– Если это правда, то как ему это удается?

– Он заклинатель, – объяснил я. – Чернокожничек. Средненьких способностей и большого самомнения. Он владеет несколькими незнакомыми мне приемами кинетомантии – благодаря этому он и перемещается так быстро. И еще обладает некоторым умением залезать в чужие мозги – совсем слабеньким, если ему для грязной работы приходится подбирать подростков.

– Тебя послушать, так он мелкая сошка... вроде угонщика или кого-то вроде.

– По большому счету так оно и есть, – согласился я. – Мелкая шушера. Этаким Феджин.

Фитц нахмурился:

– Это который из книжки? Из Диккенса? Как ее... «Оливер Твист»?

Я удивленно заломил бровь. Парень-то начитанный. Таких в его кругах немного. Да и большинство тех, кто читает, ограничиваются по большей части детскими книжками и комиксами. Мало кто доходит до Диккенса, разве что те, кто попал на дно, вылетев из старших классов. А я готов был побиться об заклад, что Фитц в старшие классы не ходил.

Он решал за себя сам, и он обладал по меньшей мере толикой магических способностей. Возможно, этим объяснялось то, что именно он руководил этими мальчишками. Этим, а еще очевидным здравым смыслом. Вероятно, он начинал – пока чисто инстинктивно – учиться противостоять той магии, что практиковал на нем лысый Аристид. Этот говнюк явно орудовал с его сознанием, при этом действуя в духе лидера любого сектантского культа. Любого, кто не подчинялся ему с рабской покорностью, Аристид до поры до времени использовал бы в качестве младшего командира, параллельно изыскивая способ избавиться от него с наибольшим толком для дела – или, по крайней мере, без лишнего шума.

Мне совсем не нравились Фитцевы перспективы.

– Вроде того, – подтвердил я.

Фитц устало привалился к стене и закрыл глаза.

– Я никому не хотел зла, – сказал он. – Я ведь никого из тех людей даже не знаю. Но он так приказал. И им всем пришлось это выполнять. А я не мог... не мог позволить им стать просто убийцами. Ведь, кроме них... Они...

– Они – твои подопечные, – негромко произнес я. – Ты за ними приглядываешь.

– Ведь должен хоть кто-то, – кивнул Фитц. – На улицах ведь как... никогда легко не приходилось. А где-то с полгода... совсем плохо стало. Нет, правда. Их по ночам иногда видно. Тени. – Его снова начала бить дрожь, а голос понизился до шепота. – Они забирают людей. Те, кого некому защитить, исчезают, и все. И вот...

– Лысый, – тихо произнес я.

– Он убил одного из них, – прошептал Фитц. – Прямо на моих глазах. Я сам видел. Тот казался человеком, но, когда его убили, он... просто растекся, правда. – Он тряхнул головой. – Может, я все-таки сошел с ума? Боже, это было бы даже легче.

– Ты не сошел с ума, – сказал я, – но попал в дурную историю.

Взгляд у мальчишки потух окончательно.

– Чего еще нового скажешь?

– Ох, – пробормотал я, – можно подумать, у меня и без того было недостаточно дел.

– Что?

– Так, ерунда. Слушай, парень. Возвращайся к автоматам сегодня вечером, в одиннадцать. К этому времени на улицах стихнет. Я буду ждать тебя там.

В глазах его не отразилось ровным счетом ничего.

– Зачем?

– Затем, что я собираюсь тебе помочь.

– Сумасшедший, воображаемый, невидимый голос-галлюцинация, – проговорил Фитц. – И он собирается мне помочь. Приплыли.

Со стороны цеха вдруг послышался дребезжащий металлический звон, отдавшийся эхом по всему зданию. Примерно такие звучат в школах и университетах, возвещая о начале и конце занятий.

– Что, пора на урок? – спросил я.

– Нет. Аристид заставил нас следить за будильником. Говорит, это важно ему для работы. Звенит за пять минут до рассвета.

Я почувствовал, как цепенеет моя спина.

– Пять минут?

Фитц пожал плечами:

– Может, семь. Или две. В этом роде.

– Адские погрешности! – выругался я. – Правду говорил Стью: время тут просто само утекает. Так, значит, в одиннадцать у сугроба с автоматами, Фитц.

Он хмыкнул.

– Конечно, Харви. Или как тебя там, – устало произнес он.

Старые книги и старые фильмы. Я не мог не помочь этому мальчишке.

Пронзив по пути несколько стен, я вывалился на улицу, стиснув зубы, чтобы не заорать от сильного дискомфорта. Небо почти окрасилось голубым, а на восточном горизонте над озером Мичиган светлело на глазах багровое зарево рассвета. Стоит ему сделаться оранжевым, а потом и желтым, и от меня останется одно воспоминание.

Пять минут. Или семь. Или две. Столько времени у меня оставалось, чтобы отыскать безопасное место. Я прикинул в уме план Чикаго, перебрал в уме ближайшие возможные убежища и выбрал единственное, куда мог добраться за несколько минут со всеми своими штучками в духе Ночного Змея и ему подобных.

Может быть, я еще успею туда попасть. И может быть, это спасет меня от рассвета.

Я еще раз сверился со своей памятью и, образно говоря, бросился туда.

Мне оставалось лишь надеяться, что еще не слишком поздно.

Глава 14

Подавляющее большинство людей, верящих в существование магии, полагают, будто она подчиняется раз и навсегда заданным законам. На деле все не так: законы эти гибки, они меняются в зависимости от времени, места, сезона и намерений того, кто их применяет. Магия не является живым, разумным существом, однако все-таки обладает чем-то вроде собственной души. Она растет, развивается – и в любом случае меняется.

Отдельные аспекты магии относительно устойчивы, – например, люди, наделенные сильными магическими способностями, всегда не в ладах с продвинутыми технологиями: приборы не выдерживают такого соседства и выходят из строя. Но даже это обстоятельство на протяжении столетий медленно менялось. Лет триста назад магический дар проявлялся в странных, причудливых окрасках свечного огня или мгновенном скисании молока (что доставляло чертовски много неприятностей чародеям, желавшим, скажем, приготовить что-нибудь молочное). А еще парой сотен лет раньше занятия магией вызывали причудливые изменения пигментации кожи, известные как чертовы отметины.

Невозможно предугадать, как с этим будут обстоять дела еще через несколько веков. Как знать, может, побочным эффектом магических способностей станут привлекательная наружность и успех у противоположного пола; впрочем, не могу сказать, чтобы в описываемый момент меня беспокоило именно это.

Сами понимаете. Меня больше беспокоило, смогу ли я пережить следующие несколько минут.

В общем, я клоню к тому, что рассвет – по всеобщему убеждению, конечно, – несет конец всякому злу. Что это свет, побеждающий тьму. Так ведь?

Можно сказать и так. По крайней мере, в некоторых случаях. Однако по большей части это просто рассвет. Это часть суток, характеризующая взаимное положение определенных небесных тел. С самим солнцем, выползающим из-за горизонта, не связано никакой магии – ни черной, ни белой. Если таковая и имеется, я, во всяком случае, о ней не слышал. Рассвет вовсе не очищает добро от зла.

Он просто очищает – все без разбора. В этом-то и заключалась моя проблема.

Духи не рассчитаны на то, чтобы ошиваться в мире смертных, – если, конечно, не найти для этой цели подходящего тела. Мне полагалось бы находиться на том Кармайкловом поезде, или в раю, или в аду, или в Вальхалле... где-то в таком роде. Духи состоят из энергии – на 99,9 процента из чистой, замечательно питательной магии. И подмена ее не допускается.

Духи сосуществуют с рассветом примерно так же, как сосуществуют микробы и щелочь. Силы обновления, омывающие планету, подобно тихой, невидимой гигантской волне, с началом каждого нового дня, несут с собой и мощный заряд магии, неумолимо разрушающий даже самые сильные из состряпанных смертными заклятий, если только те не защищены соответствующим образом.

Бродячий дух, застигнутый рассветом, просто растворяется. Тут не спастись, если просто встать в тенистое место, – это защитит не больше, чем если бы вы прятались у себя на кухне от несущегося на вас цунами. Для спасения необходимо найти по-настоящему безопасное место, укрытое и укрепленное, способное противостоять магическим энергиям рассвета.

В конце концов, я ведь превратился в призрака. Вот я и поспешил в единственное место, которое, как мне казалось, могло меня защитить и до которого я мог добраться быстрее всего.

Я поспешил к своей могиле.

Да, у меня есть собственная могила, выкопанная, с установленным надгробным камнем, готовая меня принять. Ее подарила мне одна из моих врагинь... даже странно, по прошествии нескольких лет она кажется мне и вполнину не такой страшной, как тогда. Врагиня обставила подарок с большой помпой, на глазах у собравшихся сливок сверхъестественного общества, вручив мне это обещание смертной угрозы и продемонстрировав заодно свои возможности в мире смертных. И правда, чтобы раздобыть участок на престижном чикагском кладбище, да еще и оставить на нем зияющую могилу, требуются неплохие связи. Не знаю, угрозой ли, подкупом, но она добилась того, что моя могила оставалась в таком состоянии на кладбище Грейсленд уже довольно много лет.

Наконец у могилы появился шанс послужить чем-то полезным помимо места для философских размышлений.

Я еще раз проделал трюк сэра Стюарта с исчезанием и убедился, что не в состоянии прыгнуть дальше чем на триста ярдов. Что ж, даже так это получалось на порядок быстрее простого бега, а на поверку оказалось не так утомительно, как я думал. Собственно, больше всего это напоминало мои утренние пробежки, только вместо шагов я перемещался длинными скачками, повторяя их снова и снова, от точки А до точки Б.

Я просочился сквозь входные ворота кладбища Грейсленд, сделал еще два прыжка, нашел нужное мне место рядом с большим мавзолеем, напоминающим античный храм, и броском, которому позавидовал бы профессионал-бейсболист, устремился прямехонько в темнев-

шее отверстие. Мое нематериальное тело перемахнуло через невысокий снежный бруствер, окружавший могилу, и я рухнул в прохладную, тенистую яму, приготовленную для меня.

Лучи солнечного света скользнули по земле спустя всего несколько секунд. Я слышал их, ощущал их – примерно так же, как однажды ощущал небольшое землетрясение в штате Вашингтон. На мгновение в воздухе повис резкий, отчетливый, чистый звук, напоминавший эхо большого колокола. Я закрыл глаза и вжался в стенку могилы, по моим расчетам самую тенистую.

Я выждал несколько секунд.

Ничего не происходило.

В моей могиле царили сумрак, прохлада и тишина. Здесь было... право слово, довольно комфортно. Я хочу сказать, по телевизору и в кино показывают, как кто-то лежит в гробу или в могиле, и это всегда какие-то пугающие страсти. Мне приходилось несколько раз оказываться у своей могилы, и это непременно действовало мне на нервы. Должно быть, я благополучно миновал эту стадию.

Смерть страшит, только если смотреть на нее с одной стороны.

Я сидел, прижавшись спиной и затылком к стенке могилы, вытянув ноги и блаженно закрыв глаза. Здесь было тихо, если не считать легкого шелеста ветра в ветвях деревьев и далеких городских шумов: машин, гудков, музыки, сирен, строек, поездов надземки. А еще редких птиц, избравших Грейсленд своим домом.

Даже не припомню, когда мне было так спокойно в последний раз...

Так мирно. Так приятно.

И так свободно. Никакой необходимости что-то делать. Возможность отдохнуть сколько душе угодно. Возможность хотя бы на время отвернуться от переполнявших мою память жутких воспоминаний, от забот, не дававших покоя.

Некоторое время я сидел с закрытыми глазами, целиком отдавшись тишине и покою.

– Вы новенький, – произнес негромкий, спокойный голос.

Я со смутной досадой открыл глаза. Кому понадобилось нарушать мой покой всего через несколько минут? И, посмотрев вверх, обнаружил, что небо почти полностью потемнело, только на западе еще немного светилось фиолетовым.

Я резко отодвинулся от откоса могилы. Какого черта? Я отдыхал от силы пару минут. Или нет? Я еще несколько раз поморгал, глядя на небо, потом медленно поднялся на ноги. Это далось мне не без труда: меня словно накрыли несколькими слоями тяжелых, влажных одеял или подбитых свинцом фартуков, какие обыкновенно используют в рентгеновских кабинетах.

– Мне всегда нравится видеть, как рождается что-то новое, – продолжал голос. Теперь я разобрал, что голос детский. – Можно гадать, во что это превратится, а потом смотреть, так ли это вышло.

Моя могила глубокая, футов шесть. Но и роста во мне заметно больше шести футов. Поэтому, когда я встал во весь рост, мои глаза оказались на несколько дюймов выше края могилы и невысокого снежного барьера по ее периметру. Поднявшись, я увидел маленькую девочку.

На вид ей было лет шесть, но даже для такого возраста она казалась маленькой. Одежда девятнадцатого века, вся в кружевах, выглядела до нелепого непрактичной: любой нормальный ребенок перепачкал бы ее уже через полчаса. Башмачки, похоже, ручной работы, застегивались на маленькие металлические пряжки. На плече она держала маленький зонтик, по цвету такой же, как платье. Во всем остальном девочка не отличалась от большинства детей. Хорошенькая, светлые волосы, ярко-зеленые глаза.

– Привет, – сказал я.

– Здравствуйте, – отозвалась она, слегка присев в реверансе, – ни дать ни взять Ширли Темпл. – Очень приятно с вами познакомиться, покойный мистер Гарри Дрезден.

Я решил держаться с ней поосторожнее: как знать, действительно ли она такая маленькая девочка, какой кажется?

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Она сложила зонтик и постучала им по моей надгробной плите. Действительно, надпись золотыми буквами по белому мрамору гласила: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ГАРРИ ДРЕЗДЕН». Чуть ниже, под золотой пентаграммой, виднелось: «ОН ПОГИБ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО».

На мгновение мне показалось, будто во рту у меня стоит странный сладковатый привкус, а в ноздри ударил запах сосновой хвои и свежей травы. По спине пробежал холодок, и я поежился. А потом и привкус, и запахи исчезли.

– Вы меня знаете? – спросила девочка. – Я ведь знаменита.

Я прищурился. Потом сделал усилие и, исчезнув со дна могилы, оказался рядом с девочкой. При этом, правда, я стоял лицом в другую сторону, поэтому со вздохом повернулся и осмотрелся по сторонам. Есть на Грейсленде один знаменитый памятник маленькой девочке, известной как Инес. Он стоит здесь уже два века, и каждые несколько лет появляются слухи, будто статуя пропадает с пьедестала, а посетители кладбища встречаются с маленькой девочкой в старомодной одежде.

Вот она, статуя, исчезнувшая с пьедестала.

– Ты Инес, – сказал я. – Знаменитый призрак Грейсленда.

Девочка рассмеялась и захлопала в ладоши:

– Меня так называли, да.

– Я слышал, тебя откопали пару лет назад. Так что памятник остался только как реклама какого-то скульптора или чего-то в этом роде.

Она снова раскрыла зонтик и закинула его на плечо, покручивая, словно в раздумье.

– Боже мой! Людей интересуют дела, происходившие за сотни лет до их рождения. Кто бы мог подумать... – Она внимательно оглядела меня с ног до головы. – Мне нравится ваш плащ.

– Спасибо, – улыбнулся я. – Мне нравится твой зонтик.

Она расцвела улыбкой:

– Вы так галантны. Иногда мне кажется, что я никогда больше не встречу никого настоящего воспитанного. – Она еще раз пристально посмотрела на меня. – Мне кажется... Вы, должно быть, станете... – она задумчиво прикусила губу, сощурила глаза и медленно кивнула, – настоящим монстром.

Я нахмурился:

– Это почему?

– Все новорожденные во что-то превращаются, – наставительно сказала Инес.

– Я не новорожденный.

– Самый настоящий, – возразила она и мотнула головой в сторону моей могилы. – Вы вступили в новый мир. Ваша прошлая жизнь ничего не значит. Вас там больше нет. А перед вами открывается новая, бескрайняя Вселенная. – Она окинула кладбище спокойным взглядом. – Я видела много, очень много новорожденных, мистер Дрезден. И видела, во что они превращаются. Вот вы, ваша юная тень, – натуральный монстр.

– Вовсе нет, – обиделся я.

– Возможно, пока еще нет, – согласилась она. – Но... со временем, когда те, кто вам дорог, состарятся и уйдут, а вы ничего не сможете поделать, чтобы им помочь... еще как превратитесь. Вот увидите.

– Ты ошибаешься.

Ямочки на ее щеках сделались глубже.

– А что вам так не нравится, новорожденная тень? Вот я не вижу ничего плохого в том, чтобы быть монстром.

– А я вижу. Что в этом хорошего?

– О! – Девочка тряхнула головой. – Ну не будьте же таким ограниченным. Люди восхищаются монстрами. Они слагают про них легенды и песни. Завидуют им. Вот вы, новорожденная тень, знаете, что такое монстр? Монстр – это власть. Власть и свобода выбора. Монстры вольны выбирать. Монстры определяют мир. Монстры заставляют нас быть сильнее, умнее, лучше. Монстры отделяют сильных от слабых, они как кузня, что закаляет души, превращая их в сталь. Даже проклиная монстров, мы ими восхищаемся. Мечтаем превратиться в них, хотя бы отчасти. – Взгляд ее сделался отрешенным. – Есть вещи гораздо, гораздо страшнее, чем превратиться в монстра.

– Монстры причиняют людям зло. Я этого не делаю.

Инес захихикала – совсем по-детски, по-девчачьи. Она крутанулась на носках, взмахнув зонтиком.

– Гарри Дрезден, длинный хвост, – пропела она дразнилку. – Оказался вот как прост! – Она еще раз окинула меня взглядом и уверенно кивнула. – Монстр. Про вас напишут не одну книгу.

Я открыл рот, но не выдавил из себя ни слова. Просто не нашелся что ответить.

– Этот мир так мал, – продолжала она. – Так скучен. Так уныл. – Она одарила меня очаровательной улыбкой. – Вас никто сюда не привязывал, мистер Дрезден. Так что вас здесь держит?

Я поежился. Холод, зародившийся у меня в желудке, потихоньку расползался по телу. Я промолчал.

– Ах! – довольно выдохнула Инес. Взгляд ее задержался на моей могильной плите, и она склонила голову чуть набок. – А вы... правда? – безмятежно спросила она.

Я тряхнул головой:

– Что – правда?

– Правда погибли за правое дело?

Я немного подумал. И еще немного.

– Нет, – тихо сказал я. – Нет, неправда.

Она склонила голову в другую сторону:

– Вот как?

– Была одна маленькая девочка, – так же тихо объяснил я. До меня не сразу дошло, что я произношу слова вслух, а не слышу их только у себя в голове. – Ее... ее похитили. Ее собирались мучить. И я сделал все возможное. Чтобы вернуть ее. Я...

Меня вдруг снова начало мутить. В памяти мгновенно всплыла картина смерти Сьюзен, когда ее тело силилось принять образ монстра, окончательно уступив с недавней ее жажде крови. Я буквально ощущал на губах болезненный жар ее кожи, когда я прижался губами к ее лбу. Осязал капли ее крови, забрызгавшей меня, когда я перерезал ей горло, приведя в исполнение заклятие, которое стерло с лица земли всех сукиных детей из Красной Коллегии, посмевавшей угрожать моей девочке.

Мне не оставалось другого выбора. Ни единого.

Правда ли?

Возможно, в тот момент не оставалось. Однако все это произошло не просто так, а в результате ряда событий, на которые повлияли другие принятые мной решения. Я мог повернуть все и по-другому. Тогда этого бы не случилось. Это могло бы спасти жизнь Сьюзен.

Я поежился – на меня накатило еще одно воспоминание. Неподвижность потерявших чувствительность ног. Ноющие боли во всем теле. Ярость от полного бессилия, когда я осознал, что, упав с лестницы, сломал позвоночник и ничем больше не могу помочь своей попавшей в

беду дочке. Я помню, как понял: если я хочу что-то сделать, мне придется пойти на такое, о чем прежде и думать не хотелось.

– Я преступил черту, – тихо произнес я. – Даже не одну, а несколько. Я совершил такое, чего не должен был делать. Я поступил неправильно. И я понимал это. Но... я хотел помочь этой девочке. И я...

– Вы согрешили? – предположила она, и взгляд ее больших глаз казался неестественно, устрашающе серьезным. – Перешли на сторону зла? Пошли на бесчестье? Погрузили мир в пучины безумия?

– Примерно, – пробормотал я.

– И вы не считаете себя монстром.

Она медленно сложила свой зонтик и поводила его наконечником по снегу, напевая что-то себе под нос.

Тошнотворно-холодное ощущение клубилось во мне, продолжая расползаться по телу. Я вдруг заметил, что дрожу. Боже правый, она ведь говорила правду. Абсолютную правду. Я не хотел никому зла, но разве это имело значение? Я принял решение совершить то, что, как я прекрасно понимал, не могло быть правильным. Я продал жизнь Королеве Мэб, пообещал ей служить верой и правдой, хотя знал, что темная мощь мантии Зимнего Рыцаря не может не поглотить меня, что мои силы и таланты будут использованы для злого служения Королеве Воздуха и Тьмы.

Впрочем, на другой чаше весов, когда я сделал свой выбор, чтобы обрести силу, недоступную большинству смертных, лежала жизнь моей девочки.

Я вспомнил отчаяние в глазах Фитца и его компании. Я подумал о мелкой злобе лысого и ему подобных. О волне уличного насилия.

Сколько чужих дочерей погибло из-за моего решения?

Эта мысль, эта истина обрушились на меня с силой горной лавины, вдруг представ так ясно и отчетливо, что разом стерли из моей головы все остальные мысли, мои нынешние неясные и путаные усилия.

Нравится мне это или нет, но я спутался с тьмой. И то, что я умер прежде, чем успел послужить ее разрушительным целям, ровным счетом ничего не меняло. Я взял в руки красный световой меч. Я вступил в Братство порочных мутантов.

Я превратился в то, с чем боролся всю жизнь.

Отрицать это бесполезно. И шанса исправить ошибку у меня тоже не имелось. Мне вдруг отчаянно захотелось забиться обратно в могилу и погрузиться в мир и покой, которые там нашел. Черт, мне ужасно хотелось отдохнуть.

Я скрестил руки на груди и посмотрел на Инес.

– Ты... – голос мой звучал отрывисто, резко, – ты ведь не призрак маленькой девочки.

Лицо ее осветилось новой улыбкой.

– Если я не призрак, почему у тебя такой затравленный вид?

И она исчезла. Без звука, без вспышки, вообще без каких-либо эффектов. Просто исчезла.

Если бы я оставался в живых, я был бы готов к последующей за этим головной боли. Слишком часто мне приходилось сталкиваться по роду деятельности с загадочными сверхъестественными созданиями.

Но как же я не люблю, когда последнее слово остается за ними!

– Несносное существо, – пробормотал глубокий протяжный бас у меня за спиной. – Душа ее вся перекорежена.

Я застыл. До сих пор я не ощущал чьего-либо присутствия – во всяком случае, так, как это было с Инес, – а мне очень хорошо известно, что может произойти, когда кому-то удастся просочиться мне в тыл. И хотя первое правило общения со сверхъестественными существами

гласит: «Ни за что не показывайте своего страха», выполнить его на деле не так-то просто. Я-то знаю, каких тварей можно здесь встретить.

Медленно, очень медленно, напоминая себе, что моему сердцу вовсе не обязательно колотиться так быстро и что мои руки совсем даже не вспотели, я повернулся. Сдерживать дрожь от страха я не пытался: все равно меня трясло от холода.

Впрочем, натура моя на напоминаниям почти не внимала. Глупая натура.

В воздухе, на высоте примерно три фута над землей, за моей спиной парила высокая, зловещая фигура. С головы до пят ее окутывал толстый плащ, покрытый патиной, голову скрывал капюшон, под которым клубилась непроглядная темень. Впрочем, смутное подобие лица там все-таки угадывалось. Все это сильно напоминало древние изображения Тени, омрачающей людские помыслы. Мантия слабо, как-то лениво колыхалась на ветру.

– Э-э-э... – произнес я. – Привет.

Фигура чуть опустилась – теперь ее ноги почти касались снега.

– Так лучше?

– Ну, если воспринимать все буквально... Да, пожалуй. Отлично. – Я пригляделся повнимательнее. – Вы... Вечная Тишина. Статуя с могилы Декстера Грейвса.

Вечная Тишина продолжала молча стоять.

– Будем считать молчание знаком согласия, – сказал я. – Я так понимаю, вы не просто местное извояние.

– Твое предположение верно, – пробасила Вечная Тишина.

Я кивнул:

– Чего вам надо?

Она медленно придвинулась ко мне. Басище у нее был – по сравнению с этим Джеймс Эрл Джонс показался бы Микки-Маусом.

– Ты должен осознавать свой путь.

– Мой путь?

– Тот, что лежит перед тобой. И что позади – тоже.

Я вздохнул:

– Очень полезная информация.

– И более чем необходимая, – пророкотала Вечная Тишина. – Для того чтобы выжить.

– *Выжить?* – переспросил я и не удержался от усмешки. Когда часто приходится иметь дело с подобиями Угрюмых Потрошителей, к этому поневоле привыкаешь. – Я ведь уже мертв.

Тишина промолчала.

– Ладно, – вздохнул я. – Начнем сначала. Для того чтобы выжить. Кому?

Довольно долго она продолжала молчать, и я покачал головой. Мне даже начало казаться, что я проведу целую ночь, беседуя со всеми сбрендившими духами этого долбаного места, не понимая ни одного из них. А тратить на это целую ночь я никак не мог.

Я уже начал готовиться к новой серии скачков в духе Ночного Змея, когда зычный бас заговорил снова. Точнее, не совсем заговорил: ушами я его не слышал. Он просто резонировал у меня в голове, в мыслях – поток чистого смысла, ударивший мне в голову с силой сжатой звуковой волны.

ВСЕМ.

Я пошатнулся и сжал голову руками.

– Ах... – пробормотал я. – Адские погрешности! Можно попросить вас убавить громкость?

НЕПРЕДНАМЕРЕННО. УЯЗВИМОСТЬ СМЕРТНОГО. НЕЭФФЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОКАЛИЗАЦИИ. НЕХВАТКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНО НАСТРОЕННОГО СЛОВАРНОГО ЗАПАСА.

От такой лавины мыслей я в буквальном смысле слова рассыпался на части. Мое чертово нематериальное тело расплылось огромным облаком, напоминавшим покойного Гарри Дрездена лишь окраской, да и то отдаленно. И это оказалось больно. По крайней мере, из всех известных мне слов подходило только это. Хотя на те разновидности боли, что мне доводилось испытывать раньше, это не походило, а ведь по части болезненных ощущений я, можно сказать, великий специалист. Нет, телесной болью я бы это не назвал. Это больше напоминало... то, что происходит с вашей головой, когда вы слышите либо видите образ или понятие, поражающие вас так сильно, что вы только и можете сказать: «Нет, это вообще...»

Как-то так. Помноженное на миллион. И не только с головой, но и со всем телом.

Это ощущение продолжалось никак не меньше минуты и только потом начало слабеть. Я наконец снова собрался воедино.

– Пожалуйста, без объяснений! – взмолился я, увидев, что Вечная Тишина подбирается ко мне еще ближе. – Не надо! Очень больно!

Она застыла в ожидании.

– Давайте сразу договоримся, – проговорил я, размышляя вслух. – Иначе вы меня убьете. Еще раз. – Я приложил тыльную сторону ладони ко лбу. – Я буду задавать простые вопросы, отвечать на которые можно «да» или «нет». Если «да» – просто молчите. Если «нет» – дайте понять каким-нибудь другим способом. Идет?

Ничего не произошло. Вечная Тишина оставалась на месте, только капюшон трепыхался, как огонек лампы на ветру.

– Ваш плащ красного цвета?

Капюшон коротко дернулся из стороны в сторону.

– С ума сойти, – пробормотал я. – Контакт! – Я провел по лицу руками и продолжил: – Ладно. Когда вы говорили про «всех», вы имели в виду всех, кого я знаю?

Капюшон дернулся.

– Не только их?

Тишина.

– Эм... Весь город?

Капюшон дернулся.

– Что, еще больше?

Тишина.

– Значит... вы хотите сказать... вроде как... всех-всех? Вообще всех? Всю планету?

Молчание.

– И если я осознаю свой гребаный путь, это их всех спасет?

Молчание. Потом капюшон чуть дернулся.

– Чудесно, – буркнул я. – А теперь вы еще захотите, чтобы я взял у вас из рук камешек.

Капюшон дернулся.

– Это я не буквально... Тьфу, так тоже общаться не очень-то получается.

Молчание. Какое-то... выразительное.

Я тоже замолчал и немного подумал.

– Подождите, – сказал я наконец. – Это ведь все связано, да? С тем, для чего послал меня капитан Мёрфи?

Молчание.

– Найти моего убийцу, – уточнил я. – Что-то я не понимаю. Как это может спасти мир?

Глубокий бас повторил свою старую фразу:

– Ты должен осознать свой путь. Это совершенно необходимо. Для того чтобы выжить.

– Надо же, ирония какая! – вздохнул я. – Вечная Тишина, поставленная на автоповтор.

Где-то совсем рядом послышался стон привидения, и я застыл на месте, лихорадочно оглядываясь.

Из земли на одной из соседних могил поднималось привидение, похожее на оборванное пугало. Казалось, его тянут из грязи невидимой леской. Оно испустило еще один полный голода стон; взгляд его смотрел в пустоту.

Послышался еще один стон. И еще. И еще.

Из всех могил вокруг меня лезли привидения.

Дыхание мое участилось без всякой на то необходимости.

– Ты просто гений, Гарри, – сообщил я сам себе. – Тоже мне надежное убежище нашел! Это же, к чертовой матери, кладбище. Где еще быть привидениям, как не здесь?

Вечная Тишина молча смотрела на меня. Что-то ироничное почудилось мне в ее молчании.

– Мне пора идти, – сказал я. – Это все, что вы хотели мне сказать? Чтобы я осознал свой путь?

Молчание. Потом покрытая зеленой патиной рука поднялась в прощальном жесте.

Первое привидение закончило свой, судя по всему рутинный, ритуал освобождения от земных оков и стонов. Взгляд его пустых глазниц обратился на меня, и оно поплыло в мою сторону, едва касаясь нематериальными ногами снега.

– Даже не думай, – бросил я и исчез.

В три скачка я оказался у ближней кирпичной ограды кладбища. Стиснув зубы, ринулся сквозь нее...

И врезался в твердый кирпич.

Нос пронзила острая боль, и я выругал себя за тупость. «Чтоб тебя, Гарри!» Обычно стены воздвигают для того, чтобы не пускать внутрь, но кладбищенские стены имеют противоположное назначение: не выпускать наружу. И это нехитрое обстоятельство известно мне с самого детства.

Я огляделся по сторонам. Духи надвигались медленно, но верно, и толпа их по мере продвижения росла. Они не спешили, зато число их уже составляло десятки, если не сотни. На ум мне снова пришли документальные кадры, запечатлевшие огромные скопления медуз.

Я стиснул зубы, торопливо размышляя. Вообще-то, строя стены, люди думают прежде всего о физических барьерах. Поскольку это сопровождается соответствующими чаяниями множества строителей, они приобретают такую же крепость и в духовном отношении. Вот почему им удается удерживать большую часть духов на кладбищенских территориях, – возможно, природа этого явления в чем-то схожа с защитными свойствами порога человеческого жилища.

Но там, где человеческие чаяния строят преграду, они же предусматривают и место для входа. Или выхода.

Я повернулся и принялся большими скачками перемещаться в направлении кладбищенских ворот.

Не знаю, что я делал бы, окажись они запертыми. Подобно стенам, запертые двери или ворота укреплены своей долей намерений. Однако открытые двери – совсем другое дело, а ворота Грейсленда были распахнуты настежь. Вырываясь на улицу, я оглянулся еще раз: армия духов солидного размера разворачивалась к воротам.

Тут меня озарило.

Ворота кладбища открыты.

А по улицам Чикаго в последнее время разгуливают полчища духов...

– Ага, Морти, – произнес я вслух. – Теперь мы знаем, откуда они берутся.

Кто-то, причем кто-то живой, открывает эти ворота на ночь. Значит, у нас теперь появилась отправная точка, ниточка, потянув за которую мы можем распутать весь клубок и выйти на того, кто баламутит городскую нежить и направляет ее на Морти. И понять, зачем он это делает.

Итак, у меня имелась некоторая информация. Теперь мне было что предложить Морти за его постоянную помощь.

Я вдруг снова почувствовал себя сыщиком.

– Затеваешь что-то горяченькое! – Я не удержался от свирепой ухмылки. – А вот теперь мы славно поохотимся!

Глава 15

Я прикинул в памяти городской план и принялся прыгать. Это не заняло много времени: способность перескакивать через здания, не обращать внимания на светофоры, улицы с односторонним движением и пробки здорово упрощает задачу. В общем, довольно скоро я добрался до дома Мортимера.

Дом горел.

Перед ним стояли, сияя мигалками, несколько пожарных машин. Пожарные действовали быстро, профессионально, но заливали огонь всего из одного рукава. Пока я стоял, оцепенело глядя на пожар, подключили еще два, но было уже поздно. Дом Морти полыхал даже ярче и сильнее, чем мой. А может, так казалось из-за темноты.

Пока пожарные не позволяли огню перекинуться на соседние дома, что было не слишком сложно благодаря толстому снежному покрову, приехала полиция, и к оранжевым и красным мигалкам пожарных добавились синие полицейские. Вокруг стояла и глазела на пожар обычная для такого случая толпа зевак.

Ну да, обычная... Но не для такого мороза. И обычно они не стоят по щиколотку в снегу. И, как правило, начинают расходиться, когда огонь слабеет. И болтают друг с другом. И моргают. И одеты они так, как принято в текущем столетии.

Толпа чикагских зевак сплошь состояла из призраков.

Я брел сквозь толпу, вглядываясь в лица. Если не считать старинной одежды, они мало отличались от обычной толпы. Я узнал нескольких бойцов оборонительного отряда сэра Стюарта, и по сравнению с остальными тенями они казались наиболее современными. Остальные... были просто людьми. Мужчины, женщины, дети.

Единственной из теней, кто обратил на меня внимание, оказался мальчишка лет десяти. Рядом с ним стояла девочка, которой к моменту смерти исполнилось от силы семь лет. Они стояли, держась за руки. Он поднял на меня взгляд, когда я проходил мимо, и я задержался посмотреть на него в ответ.

– Куда нам теперь идти? – спросил он. – Я не знаю другого места.

– Гм... – неуверенно пробормотал я. – Извини, я и сам этого не знаю. Послушай, ты видел, что здесь произошло?

– Оно снова сюда вернулось вечером. А потом пришли люди с огнем. Сожгли дом. И увели коротышку.

Я застыл:

– Серое Привидение забрало Морти?

– Нет, его увели люди, – поправил меня мальчик.

– Раньше мы играли с другими ребятами у реки, – тихо произнесла девочка. – Но он привел нас сюда. Он всегда был добр к нам...

Выражение ее лица при этом совершенно не менялось, оставаясь отрешенным.

Мальчик вздохнул, тронул ее за плечо и повернулся обратно, посмотреть на догорающий дом. Я постоял рядом с ними еще немного и заметил, что они становятся все более прозрачными. Оглядевшись по сторонам, я понял, что с остальными тенями происходит то же самое, хотя и в разной степени.

– Эй! – окликнул я мальчика еще раз. – Знаешь сэра Стюарта?

– Высокий? Солдат? – Мальчишка кивнул. – Он там, в саду. За домом.

– Спасибо, – бросил я и перепрыгнул через то, что осталось от дома.

Сад у Морти мало отличался по стилю от палисадника: такой же ухоженный японский садик с прудиком, который сейчас был заполнен снегом. Еще здесь росло несколько деревьев и несколько декоративных деревьев-бонсай в горшках. Жар от сгоревшего дома растопил снег на их ветвях.

То, что осталось от сэра Стюарта, лежало в центре вытопленного в снегу круга.

Эти сволочи воспользовались огнем и для этого.

Судя по всему, они поливали круг бензином – снег растаял, обнажив почерневшую траву. Спирт горит втрое жарче бензина и быстрее, и снег тает от спирта так быстро, что вода заливает огонь. Кто-то применил огненный круг в качестве ловушки для призрака – этот прием довольно часто используют при общении с сильными сверхъестественными созданиями. Запертый в круг дух совершенно беспомощен: он не может ни бежать, ни распространить свою энергию за пределы барьера.

Но наиболее дьявольская часть ловушки – это сам огонь. Огонь реален даже для духов и причиняет им боль – не меньшую, чем причинил бы существу из плоти и крови. Кстати, по этой же причине я в своей смертной жизни тоже предпочитал пользоваться огнем. Огонь обжигает, и еще как обжигает. Даже практически неуязвимые существа не любят иметь дело с огнем.

От сэра Стюарта осталась в лучшем случае половина – большая часть туловища и часть правой руки. Ноги сгорели почти полностью. Крови не было. То, что от него осталось, больше всего напоминало спасенный из огня бумажный свиток. Края почернели и медленно осыпались.

Страшнее всего во всем этом было то, что я понимал: он все еще жив... или как там называется существование у призраков. Иначе он попросту исчез бы.

Ощущал ли он боль? Я на его месте ощущал бы, да еще какую. Понятное дело, настоящего тела-то у него не имелось, но не уверен, что, оказавшись я в его положении, сумел бы убедить себя в этом. А может, дело вовсе не в воспоминании о боли. Возможно, это чем-то напоминало ту противоестественную боль, что наглядно продемонстрировала мне Вечная Тишина. Или же его терзала самая настоящая боль, – в конце концов, огонь есть огонь.

Я поежился. Вряд ли я мог чем-нибудь ему помочь. Круг, в который его заключили, не пустил бы меня внутрь точно так же, как не выпускал его наружу. Теоретически я мог бы разрушить его, сумею я физически задвинуть туда какой-либо предмет. Я огляделся по сторонам и заметил ветку, торчавшую из снега в нескольких футах от меня. Все, что от меня требовалось, – это переместить ее на каких-то три фута.

Это оказалось ничуть не легче, чем пытаться есть суп вилкой. Я просто не мог за нее хвататься. Моя рука проходила сквозь нее снова и снова, как бы я ни старался. У меня не получалось даже пошевелить эту проклятую деревяшку.

Выходит, я еще недостаточно превратился в призрака, чтобы помочь сэру Стюарту. По крайней мере, не таким путем.

– Сэр Стюарт? – окликнул я его негромко.

Я видел только один его глаз. Он чуть приоткрылся.

– Ммммммм?

Я присел на корточки рядом с кругом:

– Это Гарри Дрезден.

– Дрезден... – пробормотал он, и губы его скривились в слабой улыбке. – Извини, что не встаю. Должно быть, съел что-то не то.

– Разумеется, – согласился я. – Что случилось?

– Я сваял дурака, – сказал он. – Наш гость нападал каждую ночь в одно и то же время. Вот я и поверил, будто он делает это только из-за того, что раньше у него не получается накопить силы.

– Серое Привидение? – предположил я.

Сэр Стюарт хмыкнул:

– Они пришли на закате – прежде, чем я осмелился бы выйти на улицу. Никаких массовок из духов. С ним явилось полдюжины смертных, и они подожгли дом. Мне удалось вывести Мортимера из огня, но они подловили меня в западню на заднем дворе. – Уцелевшая рука указала на круг, в котором он лежал. – А его по команде Серого Привидения увели.

Я нахмурился:

– Эти смертные... Они что, могли слышать Серого?

– Именно, – подтвердил сэр Стюарт.

– Звезды и камни! – выругался я. – Я с трудом нашел двоих на весь Чикаго, способных меня слышать. А у этого шутника таких полдюжины. Откуда?

Сэр Стюарт слабо покачал головой:

– Сам хотел бы знать.

– Мы найдем Морти, – пообещал я ему. – Вот только придумаем, как вас отсюда вытащить, и отправимся на его поиски.

Он в первый раз открыл глаза по-настоящему и посмотрел на меня.

– Нет, – мягко произнес он. – Не выйдет.

– Да бросьте вы, – не сдавался я. – Не говорите ерунды. Мы вас подлатаем.

Сэр Стюарт невесело усмехнулся:

– Нет, чародей. Слишком большая часть меня утеряна. Я продержался столько единственно ради того, чтобы поговорить с тобой.

– А что вы тогда говорили мне насчет мира, который меняется в зависимости от наших ожиданий? Разве это не так?

– До определенной степени, – устало согласился сэр Стюарт. – Я и раньше получал ранения. Небольшие повреждения заживают без особого труда. – Он ткнул пальцем в свое изувеченное тело. – Но это... Прежде чем я успею восстановиться, я сделаюсь таким же, как остальные.

– Остальные?

– Воины, оборонявшие дом Мортимера, – объяснил он. – Они все рано или поздно блекнут. По капле, постепенно, забывают свою смертную жизнь.

Я припомнил бойцов, сражавшихся с вражескими тенями, – суровых и безмолвных, как призраки, явно оторванных от окружающего мира. Они бились истово и отважно. Но готов поспорить, они вряд ли помнили, зачем это делают и с кем дерутся.

Я представил себе сэра Стюарта, превратившегося в одного из них: в полупрозрачный силуэт, уставившийся пустым взглядом неизвестно куда. Навсегда умолкшего...

Я поежился.

Это могло случиться и со мной.

– Слушай меня, сынок, – продолжал сэр Стюарт. – Мы тебе не доверяли. Мы предполагали, что ты замешан в том, что задумало Серое Привидение.

– Черта с два! – возмутился я.

– Ты этого сам знать не можешь, – спокойно возразил сэр Стюарт. – Эта тварь запросто могла бы управлять тобой без твоего ведома. Если уж на то пошло, ты ведешь себя не как нормальный призрак. Она вполне могла создать тебя у себя в духовном мире.

Я насупил, открыл рот, чтобы возразить, но не выдал ни звука. Слишком часто я сталкивался со странными и необычными историями и делал неверные выводы. Когда людям страшно, они редко рассуждают здраво. Большинство ударяются в панику.

– Вы до сих пор так считаете?

– Будь это так, тебе не было бы нужды приходить сюда, – сказал сэр Стюарт. – Самое страшное уже произошло. Будь ты вражьи́м ставленником, ты бы не пришел. Хотя я все еще допускаю, что ты просто дурак.

– Ну спасибо, – буркнул я.

Он смягчил свои слова улыбкой:

– Дурак ты или нет, ты все еще можешь помочь Мортимеру. И это чертовски важно. Без него нашему городу грозит смертельная опасность.

– Угу. Большое облегчение слышать это от вас. А то мы просто так... развлекались.

– Не знаю, какие развлечения ты имел в виду, – вздохнул сэр Стюарт, – но я вот что скажу. Эти тени, что столпились у дома, все до единой – убийцы.

Я изумленно моргнул, потом поспешно обернулся и посмотрел на догоравший дом и огромную толпу окруживших его духов.

– Все до единой, – повторил сэр Стюарт. – Мортимер дал им то, чего им не хватало, чтобы справиться со своим сумасшествием: дом. Если ты не вернешь ему свободу, чтобы он мог и дальше заботиться об этих несчастных душах, они снова начнут убивать. И то, что сами они не совладают с собой, так же верно, как то, что солнце встает по утрам. – Он устало перевел дух и закрыл глаза. – Обезумевшие души последних полсотни лет, разом выплеснувшиеся на улицы... Кровь будет литься рекой.

Несколько секунд я молча смотрел на него.

– Как же мне это сделать? – спросил я.

– Не имею ни малейшего представления, – выдохнул сэр Стюарт.

Уцелевшей рукой он повозился с поясом, снял с него свой чудовищный пистолет и, морщась, подождал немного, словно собирался с силами. Потом слабо кинул его к моим ногам. Пистолет миновал круг, окутавшись облачком искрящейся энергии, и упал на снег, не погрузившись в него. Не пистолет – призрак пистолета.

Я смотрел на это, не веря своим глазам. Дух не может распространять свою энергию за пределы круга – и я не сомневался, что пистолет представляет собой именно сгусток энергии. Если он смог пересечь барьер, значит эта энергия больше не принадлежала сэру Стюарту. То, что он сделал, было сродни тому, как если бы он оторвал и отдал свою собственную руку.

Он вяло махнул рукой в сторону пистолета:

– Возьми.

Я осторожно поднял железяку. Она весила добрую тонну.

– Что мне с ним делать?

– Помоги Мортимеру, – повторил он. Его очертания начали мерцать и бледнеть по краям. – Прости. Что не смог сделать большего. Что не успел научить тебя как следует. – Он снова открыл глаза и подался в мою сторону. – Воспоминания, Дрезден. Это сила. Это оружие. Изготовь из своих воспоминаний оружие против них. – Голос его сорвался, лишившись силы, и глаза закрылись. – Триста лет на страже... но я не оправдал доверия. Исполни то, чего не успел я. Пожалуйста. Помоги Мортимеру.

– Хорошо, – тихо произнес я. – Помогу.

На губах его снова заиграла слабая улыбка, и он кивнул. Потом устало выдохнул воздух. Очертания его померкли еще сильнее, а потом утраченные члены у меня на глазах отросли заново, хотя тело сделалось почти прозрачным.

Спустя полминуты он сел и осмотрелся по сторонам. Взгляд его скользнул по мне, не задержавшись. При виде дымящихся руин он удивленно нахмурился, и лицо его приняло такое же озадаченное выражение, как у большинства стоявших возле дома духов.

В пустых глазах больше не осталось ничего, напоминавшего сэра Стюарта.

Я выругался и опустил голову. Черт, этот парень мне нравился. Так же, как Морти, пусть я и обзывал его всякими обидными словами. То, что с ними произошло, здорово меня бесило. Как и то, в какое положение они меня поставили. Теперь получалось, что отыскать и спасти Морти могу только я один, причем общаться с кем-либо я в его отсутствие почти не имею возможности. И это в то время, когда главный гад, кем бы он там ни оказался, запросто болтал со своими смертными прихвостнями.

Я ни до чего не могу дотрагиваться. Я не могу ничего толком поделать. Магии своей я лишился. А теперь мне надо не только отыскать своего убийцу, но и спасти в придачу Морти Линдквиста.

Потрясающе. Возможно, мне стоит сделать это новым слоганом: «ГАРРИ ДРЕЗДЕН – ЗА ПЕРВЫЕ СУТКИ ПРЕБЫВАНИЯ В МИРЕ МЕРТВЫХ ВЗЯЛСЯ ЗА СТОЛЬКО НЕРАЗРЕШИМЫХ ДЕЛ, СКОЛЬКО НОРМАЛЬНЫМ ЛЮДЯМ И ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ НЕ ВСТРЕТИТЬ».

Снова пошел снег. Рано или поздно он разрушит круг, удерживавший то, что осталось от сэра Стюарта. Хотя я представления не имел, куда тот пойдет, чтобы укрыться от солнца. Возможно, какой-нибудь посмертный инстинкт выживания и поможет ему сделать это. А может, и нет.

Так или иначе, я вряд ли мог что-нибудь поделать, и этот факт я ненавидел со жгучей страстью. Сэр Стюарт и остальные духи отчаянно нуждались в Морти Линдквисте. При жизни я был Гарри Дрезденом, крутым чародеем. Теперь я стал Гарри Дрезденом, бестелесным вестником, уговорщиком и оболъстителем.

Мне отчаянно хотелось разнести что-нибудь к чертовой матери на мелкие кусочки и испепелить их до последнего.

С учетом обстоятельств это представлялось мне не лучшим настроением для ведения цивилизованных дипломатических переговоров.

– А! – произнес кто-то зловещим маслянистым шепотом у меня за спиной. – Она не ошиблась. Этот длинный вернулся-таки.

– Только посмотрите на него, – отозвался другой, нечеловечески пронзительный. – Сколько вкуснятины!

– Но нам приказано...

– «Приказано!» – презрительно перебил третий голос. – Ее здесь нет. Мы разделим его на троих, и никто ничего не узнает.

– Обеими руками «за», – с готовностью поддержал второй голос.

– Согласен, – немного помедлив, произнес первый.

Я оглянулся и увидел три силуэта в темных балахонах, уже знакомых мне по вчерашнему нападению на дом Линдквиста. Лемуры. Одевания их лениво колыхались от дуновения призрачного ветра, словно они плыли не в воздухе, а в воде. Они подобрались ко мне так близко, что я мог разглядеть в тени под капюшонами черты бледных лиц и голодный блеск сверкающих глаз.

– Держи его! – произнес первый лемур.

И трое самых злобных и голодных призраков старого Чикаго устремились на новую жертву.

Глава 16

Лемуры бросились в атаку, и я исчез, взмыв вертикально вверх.

– Эй! – окликнул я, висая в воздухе в сотне футов над их капюшонами. – Неудачное время выбрали, придурки, чтобы связаться со мной!

Головы под капюшонами запрокинулись, чтобы посмотреть вверх, но на фоне темного неба, да еще в снегопад, меня вряд ли можно было увидеть, тогда как их силуэты на белом снегу очерчивались предельно четко.

Я замахнулся кулаком, снова исчез и возник за спиной лемура номер один. Мой кулак угодил ему точнехонько в основание черепа.

– Хрясь! – торжествуя выкрикнул я.

Знаю, в нападении со спины мало чести, зато с точки зрения выведения противника из строя это чертовски эффективно. Лемур сдавленно охнул и полетел в снег – оставшиеся два в панике отпрянули в стороны. Я несколько раз лягнул поверженного парня в шею и голову, дабы он гарантированно попал туда, куда попадают с сотрясением мозга в их потустороннем мире, и все это время бессвязно кричал в ярости.

Мои инстинкты предупредили меня в последнюю долю секунды: я ощутил на затылке холодное дыхание, а в спину толкнула волна пульсирующей призрачной энергии. Я исчез, чтобы возникнуть в пяти футах позади моего предыдущего местоположения, и на этот раз приложил все усилия, чтобы возникнуть лицом в нужную сторону.

На моих глазах один из оставшихся лемуров нанес сокрушительный удар долбаным топором в то место, где только что находился мой череп. Разумеется, врезав в никуда, он потерял равновесие, а я надрал ему задницу – практически в прямом смысле. Чуть откинувшись назад, я представил себе, будто с силой пинаю алюминиевую банку. Пендель вышел что надо, и лемур тоже полетел мордой в снег.

– Кто здесь человек? – проорал я распластанным лемурам пронзительным от злости и возбуждения голосом. – А? Кто здесь человек?

С головы у второго слетел капюшон, под которым обнаружился ничем не примечательный человек среднего возраста; судя по выражению лица, он совершенно не понимал, о чем это я. Что ж, логично: кто знает, сколько десятилетий массовой культуры прошло не замеченными этими лемурами? Возможно, они даже никогда не слышали об Уилле Смите.

– В свое время меня совершенно не понимали, – пожаловался я.

Судя по всему, в том, что касается элементарной математики, я тоже не орел: пока я изображал Уилла Смита, словно ниоткуда возник лемур номер три и огрел меня по башке бейсбольной битой.

Боль была совершенно неопишуемая – на порядок сильнее той реакции на психологическую травму, которой я ожидал. Она сопровождалась чудовищной, олимпийского калибра тошнотой и пятибалльным ураганом замешательства. Я еще успел отстраненно подумать, что это можно уязвить в буквальном смысле слова. Еще секунда-другая ушли у меня на то, чтобы понять, что я плыву, чуть покачиваясь, а мое призрачное тело повернуто под углом примерно сорок пять градусов к земле. А потом в голове моей грянул гром, и ночь прорезал вопль, полный голода и торжества.

На меня навалились лемуры.

Обжигающе ледяные пальцы сомкнулись на мне стальными тисками. Беспощадные, бесцеремонные руки рывком вытянули меня в горизонтальное положение. Все еще дезориентированный, я едва сумел повернуть голову, чтобы посмотреть на третьего лемура.

Ее капюшон тоже свалился. Я увидел женщину непримечательной наружности – не красавицу, не уродину. Вот только глаза у нее были черные, пустые – отвратительно пустые. Долгое мгновение она пристально смотрела на меня, трепеща всем телом в каком-то темном восторге и предвкушении.

А потом медленно зашипела, вонзила пальцы в мякоть моего левого бицепса и оторвала кусок плоти.

Хлынула призрачная – из эктоплазмы – кровь. Моя кровь. Алые капли описывали в воздухе ленивые параболы и застывали на снегу.

Это оказалось больно. Я закричал.

Все трое лемуrow закричали в ответ, словно дожидались, пока я подам голос. Лемур-самка торжествующе подняла в воздух шмат моей плоти, подставила под него раскрытый рот и стиснула в кулаке. Моя кровь окропила ей губы и язык, и она ахнула от наслаждения, прежде чем опустить его в рот. Казалось, она не ела несколько недель.

Глаза ее закатились на лоб, по телу пробежала дрожь.

– О! – выдохнула она. – Боль. Сколько он испытал боли. И злости. И радости. Да, этот пожил.

– Вот, – произнес второй лемур. – Придержи ему ноги. Мой черед.

Самка оскалила на него окровавленные зубы и оторвала от моей руки другой кусок, поменьше. Проглотив его, она навалилась всей тяжестью на мои ноги, пригвоздив их к земле. Второй лемур осмотрел меня, словно выбирая кусок посочнее. Потом оторвал шмат от моего правого бедра.

Так продолжалось несколько минут – все трое по очереди отрывали от меня по куску сочащегося мяса.

Не буду утомлять вас подробностями. Мне и думать об этом не хочется. Они были сильнее меня, ловчее меня и – как показал опыт – опытнее в том, что касалось ближнего боя по правилам духов.

Они меня одолели. Монстры одолели меня. И это было больно.

Так продолжалось до тех пор, пока по снегу не захрустели чьи-то шаги.

Лемуры даже не посмотрели в ту сторону. Я, в общем-то, тоже не очень следил за происходящим из-за сильной боли, однако и не был слишком занят. Я поднял взгляд и увидел одинокую фигуру, бредущую в мою сторону по снегу. Фигура не отличалась особенным ростом, одежду ее составляли белая парка и белые лыжные штаны. Лицо закрывала шапка-балаклава того же белого цвета. В правой руке незнакомец держал большой старомодный фонарь-пржектор – из тех, с пластмассовой ручкой для переноски. Две лампы в нем горели ярким оранжевым светом, озаряя снег.

Я даже захихикал про себя. Живой человек. С каждым шагом его ноги утопали в снегу. Должно быть, он не видел ничего, что творилось перед его носом. Неудивительно, что лемуры не обращали на него внимания.

Однако футах в десяти от меня он застыл как вкопанный.

– Мать честная! – выпалил человек.

Подняв руку, он стянул с себя балаклаву, под которой обнаружился мужчина лет сорока с тонкими, правильными чертами лица. Темные курчавые волосы спутались под капюшоном, на крючковатом носу криво сидели очки, темные глаза под которыми широко раскрылись от потрясения.

– Гарри?

Я уставился на него.

– Баттерс? – отозвался я, захлебываясь кровью.

– Останови их! – прошипел Баттерс. – Спаси его! Я разрешаю тебе выйти для этого!

– Принято, сахиб! – выкрикнул другой голос.

Облачко ярких, как из костра, искр вырвалось из фонаря, увеличилось в размерах и пришло человекоподобные очертания. Испустив львиный рык, оно ринулось на лемуrow.

Двоим хватило сообразительности понять, что им грозит опасность, и они поспешно исчезли. Третья, молодая женщина, слишком увлеклась трапезой и не подняла взгляда, пока не оказалось слишком поздно.

Светящаяся фигура налетела на лемуrow и просто-напросто уничтожила ее. На моих глазах со злобного духа ободрали одежду, кожу и плоть со скоростью и бесцеремонностью пескоструйного аппарата. Спустя какую-то секунду от него не осталось ничего, кроме медленно

расползавшегося в ночном воздухе облачка искрящихся пылинок, среди которых виднелись кое-где граненые прозрачные камешки.

Светящаяся фигура задрала голову и распалась на две части, каждая из которых кометой устремилась в ночное небо. Почти мгновенно грянул взрыв, и сверху на нас полетели, лениво вращаясь в воздухе, клочки второго лемура и просыпался град таких же разноцветных камней.

Тем временем в небе раздался жуткий воющий звук. Я услышал, как захлопали от быстрого движения полы тяжелых балахонов. Вторая светящаяся комета заметалась по небу туда-сюда, явно маневрируя в воздушном бою, а потом лемур с кометой спикировали вниз. Они врезались в землю с грохотом, от которого содрогнулась земля; снег при этом остался нетронутым.

Оранжевые огни снова слились в человекоподобную фигуру, которая тут же оседлала оглушенного лемура. Светящиеся кулаки, как поршни, молотили по голове лемура. Секунд через десять или двенадцать голова духа превратилась в студень из эктоплазмы, а из изуродованного тела полетели все те же причудливые разноцветные кристаллы-воспоминания.

Светящаяся фигура оторвалась от поверженного лемура и медленно, настороженно огляделась по сторонам.

– Какого черта! – выдохнул Баттерс, выпучив глаза. – Я имею в виду, что, черт возьми, это было, приятель?

– Расслабься, сахиб, – произнес молодой мужской голос. Он исходил от этой самой огненной фигуры, которая кланялась и довольно потирала руки от удовольствия. – Это я так, лишний мусор прибрал. Такой сброд населяет все старые города смертных. Одна из разновидностей посмертного состояния, можно сказать.

Я просто молча наблюдал. Ни на что другое меня все равно не хватало.

– Да-да, – кивнул Баттерс. – Но ему-то больше ничего не угрожает?

– Пока, – сказала фигура, – насколько я могу судить, нет.

Хрустя подошвами по снегу, Баттерс подошел ко мне и посмотрел сверху вниз. Этот коротышка принадлежал к ограниченному кругу чикагских патологоанатомов и следователей, занимающихся всякого рода трупами. Несколько лет назад к нему на анализ попали сильно поврежденные пожаром трупы вампиров. Он написал в заключении, что останки, очевидно, не принадлежат людям. За это его на полгода уперли в психиатрическую клинику. С тех пор он относился к своей карьере с осторожностью, – по крайней мере, так было при моей жизни.

– Это действительно он? – настаивал Баттерс.

Светящаяся фигура осмотрела меня невидимыми глазами.

– Не обнаруживаю ничего, что позволило бы заподозрить в нем кого-либо другого, – осторожно ответила она. – Что не совсем то же самое, как если бы я сказал, что это призрак Гарри. Есть в нем что-то... что-то большее, чем в других известных мне призраках.

Баттерс нахмурился:

– Что именно?

– Что-то, – повторила фигура. – Не знаю точно – что. Что-то такое, в чем я не разбираюсь.

– Этот, гм... призрак, – спросил Баттерс. – Он ранен?

– Довольно тяжело, – подтвердила фигура. – Но его легко исцелить – если ты, конечно, этого желаешь.

Баттерс удивленно уставился на нее:

– Чего? Да, да, разумеется, желаю!

– Отлично, сахиб! – гаркнула фигура.

Резко повернувшись, она взмыла в воздух и ловко собрала все парившие в нем камешки. Сдавлив их в кулаке в единый комок, она приземлилась и опустилась на колени рядом со мной.

– Боб, – тихо произнес я.

Боб-череп, мой бывший личный ассистент и советник, помедлил при звуках своего имени. Я снова ощутил на себе его пристальный взгляд, но, если он что-нибудь и разглядел, на его лишенном черт лице ничего не отобразилось.

– Гарри! – произнес он наконец. – Открой рот. Тебе нужно добавить эти воспоминания к своему существу.

– Добавить? Как?

– Съесть, – тоном, не допускающим возражений, ответил Боб. – Рот открой.

Я был слишком усталым и измученным, чтобы спорить, поэтому просто сделал так, как он сказал. Я зажмурился и раскрыл рот, а он сунул туда этот разноцветный комочек. Однако вместо твердых камней в горло мне полилась свежая, прохладная вода. Она смочила мой пересохший язык, и я с жадностью проглотил ее всю до последней капли.

Боль ушла мгновенно. Дурнота и головокружение тоже отпустили, хотя и медленнее. Следом за ними исчезли смятение и усталость, а спустя пару вдохов я уже сидел, ощущая себя примерно таким же целым и невредимым, каким проснулся пару часов назад.

Боб протянул мне руку, и я взялся за нее. Он вздернул меня на ноги с такой легкостью, словно весил я не больше пушинки.

– Что ж, – заметил он. – По крайней мере, на плохую копию ты не похож. Я слегка боялся, что ты окажешься таким съехавшим с катушек подражателем Зимнего Рыцаря с повязкой на глазу и эспаньолкой, если не чем-нибудь хуже.

– Гм, – пробормотал я. – Спасибо.

– De nada², – отозвался Боб.

– Боб, – твердо произнес Баттерс, – ты выполнил свою задачу.

Боб-череп вздохнул и, повернувшись, отвесил Баттерсу галантный поклон, после чего снова превратился в облачко оранжевых искр, потянувшееся в направлении потухшего фонаря. Теперь я разглядел, что ни лампочек, ни батареек в фонаре не имелось, а вместо них в корпусе был закреплен череп давным-давно умершего чародея, превращенный в прибежище бессмертного духа.

– Слушай, Боб, – спохватился я. – Не мог бы ты передавать Баттерсу то, что я говорю?

– В этом нет нужды, босс... бывший, – жизнерадостно ответил Боб. – С учетом того факта, что Баттерс на порядок способнее по части магической теории, чем ты.

– Чего? – Я недоуменно свел брови.

– О, магических способностей у него ни на грош, – заверил меня Боб. – Зато у него достаточно мозгов, чего о тебе можно было сказать далеко не всегда.

– Боб! – укоризненным тоном произнес Баттерс, пошарил в кармане парки и извлек оттуда маленький старый транзисторный приемник. – Вот, Гарри, видите? Я попросил Боба порыться в ваших записях по делу о Кошмаре. Боб говорил, вы изобрели радио, чтобы общаться с духами. Так что...

Я удержался от того, чтобы врезать себе кулаком по лбу, но это стоило мне больших усилий.

– Так что вам не составило особого труда соорудить переговорное устройство. Все, чего вам для этого не хватало, – это старого транзистора.

Баттерс выслушал меня, склонившись ухом к приемнику, и кивнул:

– Я сразу же объяснил принцип действия Молли, и она собрала эту штуку за какой-то час. – Он помахал в воздухе фонарем с черепом. – А еще я вижу духов благодаря свету, испускаемому Бобом. Вот и вас я теперь могу и видеть, и слышать. Привет!

Я смотрел на коротышку и не знал, смеяться мне или плакать.

– Баттерс, вы... вы... сами во всем этом разобрались?

² Не за что (*исп.*).

– Ну... нет. Я хочу сказать, у меня имелся наставник.

Он еще раз многозначительно покачал в воздухе фонарем.

– Эй! Не заставляй меня блевать, – предостерег его Боб. – Тебе не понравится, если меня стошнит.

– Цыц, Боб! – произнесли мы с Баттерсом абсолютно в унисон.

Мы с ним переглянулись. Он инстинктивно прижал фонарь к себе жестом собственника.

– Вам не стоит здесь оставаться, скоро все чиновники сюда понаедут, – заметил я.

– Вот и мне так кажется, – согласился Баттерс. – Поедете со мной?

– Разумеется, – кивнул я. – А куда?

– В штаб, – ответил он.

Из противоположного кармана Баттерса послышались шипение и треск, – оказалось, там у него лежала рация дальнего действия. Он достал ее, взглянул на маленький экранчик и нажал на кнопку.

– Глаза на связи, – произнес он в микрофон.

– На месте его старого дома ничего, – послышался усталый голос Мёрфи. – Что у вас, Глаза?

– Вот он стоит прямо передо мной, и мы беседуем, – сказал Баттерс не без гордости.

Ему это шло.

– Отлично, Глаза. – В голосе Мёрфи слышалось неподдельное облегчение. – Пошлю вам подкрепление. Увозите его оттуда немедленно.

– Принято, – отозвался Баттерс. – Конец связи.

Он убрал рацию обратно в карман, улыбаясь сам себе.

– «Глаза»? – удивился я.

– Это Дэниел вроде как дал мне это прозвище, – объяснил он. – Они поручили наблюдение мне, а он не понимал, почему именно очкарику – типу с четырьмя глазами. Прозвище прилипло, вот и стало позывным.

– Если не считать того, что глаз у нас шесть, – заметил Боб-череп. – Я все пытаюсь уговорить его, чтобы он и мне очки купил... тогда их станет восемь. Как у паука.

Я кивнул, и тут до меня дошло.

– Вы все еще работаете в морге?

Баттерс улыбнулся:

– Наши переговоры может подслушать уйма народа. Мёрфи не разрешает мне отзываться своим именем.

– Мёрфи знает, что говорит, – согласился я.

– Не то слово, – кивнул Баттерс.

– Она отдала вам Боба?

– Да. Вы же считались погибшим, и все такое. Она хотела использовать его знания.

– Да нет, я не обижаюсь, – заверил я его, хотя на деле это меня немного задевало. – Я сам оставил такие вещи на ее разумение.

– Ну да, очень разумно. Кстати, о ее разумении – поехали-ка со мной.

– Легко, – сказал я и пристроился следом за ним. – Куда конкретно мы едем?

– В Пещеру летучих мышей. В штаб.

– Чей штаб?

Он удивленно уставился на меня:

– Альянса, само собой. Чикагского альянса.

Я заломил бровь:

– Какого такого Чикагского альянса?

– Того, что он организовал, чтобы защитить город от фоморов, – ответил Баттерс.

– «Он»? – не понял я. – От фоморов? Кто «он»? Или что?

– Ох, Гарри, извините. – Баттерс прикусил губу и сокрушенно опустил взгляд. – Я думал, вы знаете... Марконе. Барон Джон Марконе.

Глава 17

Пистолет Стью я нашел там, где обронил его во время драки. А потом поспешил за Баттерсом к его машине – старому «плимуту-роудраннеру». Тот выглядел едва ли не хуже моего «фольксвагена-жука», каким я видел его в последний раз. Царапины и вмятины покрывали весь стальной кузов – некоторые из них подозрительно смахивали на те, что остаются от длинных ногтей, – но мотор урчал успокаивающе ровно. На номерном знаке значилось: «МИМИП».

– Я вроде как сменил свою старую машину, – объяснил Баттерс, когда я забрался в салон прямо сквозь дверцу.

Я не стал жаловаться на связанные с этим неприятные ощущения. Не при Баттерсе. Это лишило бы меня всего призрачного великолепия.

– На другую старую, – хмыкнул я.

Голос мой звучал из приемника, который Баттерс вставил в зажим, прикрепленный к автомобильному солнцезащитному козырьку.

– Сталь нравится мне больше стеклопластика, – пояснил Баттерс. – Фоморы явно состоят в некотором родстве с фэйри. Ни те ни другие не любят прикосновения железа.

Череп с устроившимся в нем Бобом покоился в самодельном контейнере на приборной панели «роудраннера», покачиваясь на ходу машины, как кукла-дезодорант.

– Там среди них произошло много скрещиваний, – сообщил Боб. – С давних, очень давних времен. Еще до войн сидхе.

Я удивленно повел бровью:

– Я мало что слышал об этом.

– Всякие безумные штуки, – с энтузиазмом пустился в объяснения Боб. – Еще до моего времени, но я слышал много разного. Даоин-Сидхе, Туата, Тилвит-Тег, Шен... Эпические союзы, эпические измены, эпические битвы, эпические свадьбы, эпический секс...

– Эпический секс? – переспросил я. – По каким именно стандартам секс считается эпическим?

– ...И тонны смертных простаков вроде тебя, которых использовали в качестве пешек, – радостно продолжал Боб, не обращая внимания на мой вопрос. – Слов не хватает, чтобы описать все это. Это как если бы «Властелин Колец» и «Элен и ребята» родили ребенка от Халка Хогана и электронной игры «Ударь крота».

Баттерс прыснул от такого образа.

Впрочем, адские погремушки, кто бы не прыснул на его месте?

– В любом случае, – выдал Баттерс, немного придя в себя, – в венах фоморов довольно много крови фэйри. Поэтому, когда я еду куда-то, я предпочитаю делать это защищенным доброй детройтской сталью.

– Мёрфи говорила что-то о фоморах вчера вечером, – вспомнил я. – Я так понимаю, они нагрянули к нам в город?

Лицо у Баттерса сделалось чуть отстраненным.

– Еще как! Я совсем с ног сбился. – Он набрал в грудь воздуха. – Э-э-э... Послушайте, дружище, это правда вы?

– То, что от меня осталось, – устало ответил я. – Угу.

Он кивнул:

– Эм... У нас проблема. С Молли.

– Я видел.

– Ничего вы не видели, – возразил он. – Я слышал, Мёрфи говорила вам о том, что та слегка съехала с катушек, но на деле все серьезнее.

– Насколько серьезнее? – спросил я.

– Семнадцать убитых за последние три месяца, – ровным голосом ответил он.

Пару кварталов мы ехали молча.

– Кто? – спросил я, прервав молчание.

– Подонки, – прямо ответил он. – Коп, возможно изнасиловавший проститутку. Мелкая преступная шушера. Ворье. Она даже не особенно скрывается. Превратилась в такого Темного Рыцаря. Все свидетели описывают высокую женщину в нескольких слоях рванины. Уже через две недели газеты обозвали ее Леди-Оборванкой. Называют ее и всякими другими именами – потехи ради, чтобы показать, что им не страшно, но...

– В этом городе много кого убивают, – заметил я. – Вовсе не обязательно это Молли.

– Гарри, – Батчерс затормозил перед светофором и посмотрел на меня в упор, – я обследовал двенадцать жертв. Все погибли по-разному, но у каждого во рту я обнаружил клочок ткани.

– И что? – спросил я.

– Я сравнил эти клочки. Это та же ткань, из которой сшита одежда, что была на вас в Чичен-Ице. Несколько ее образцов фигурировали в материалах обследования места... места вашего убийства. Кто-то проник туда, не замеченный никем, даже камерами слежения, и похитил их.

Перед глазами с пугающей ясностью возникла картина. Безмолвные каменные зиккураты в ночи. Шипение и скрежет нечеловеческих голосов. Отвратительный запах вампиров – словно запах рептилий. Моя фея-крестная – я не шучу: моя крестная действительно фея, и с ней лучше не связываться – превратила мою одежду в доспехи, возможно спасавшие мне жизнь несколько раз за ту ночь, тогда как я сам этого даже не заметил. Когда они снова превратились в плащ, куртку и джинсы, от них остались жалкие изодранные лохмотья.

Очень в моем духе.

Кто-то, имеющий непосредственное отношение к моей смерти, убивал людей в Чикаго. Могла ли это быть моя ученица?

Если верить практически всем моим знакомым женщинам, она была ко мне равнодушна. Я не отвечал ей взаимностью. Конечно, Молли хороша собой, умна, сообразительна, отважна, изобретательна. Однако я знаком с ней еще с тех пор, когда она носила лифчик всего лишь из чистой формальности, – я работал тогда с ее отцом, одним из немногих людей на свете, к которым питаю неподдельное уважение.

В Молли присутствовало темное начало. Я заглядывал ей в душу. Я видел это не в одном из ее потенциальных будущих. Я ощущал это в ее магии, когда она – из лучших побуждений – колдовала с хрупкими людскими сознаниями.

Но хотя она зубами и когтями дралась в Чичен-Ице бок о бок с нами... Она не убийца. Не Молли.

Так ли?

В определенных условиях, при определенных обстоятельствах людей можно довести до крайностей. Я сам пожертвовал своей душой и будущим ради спасения своей дочери.

А я ведь был учителем Молли. Наставником. Образцом для подражания.

Могла ли моя смерть толкнуть ее на крайние меры, как толкнула на них меня возможная потеря дочери? Отринула ли она все, чему я пытался ее обучить, ради того, чтобы использовать свою силу без всяких ограничений?

«А почему бы ей этого не сделать, тупица? – услышал я у себя в мыслях собственный голос. – Не ты ли показал ей, как это делается? А ведь она всегда была способной ученицей».

Хуже того, для чародея Молли отличалась особой восприимчивостью – столь остры были ее сверхъестественные чувства, что вихри магических энергий или эмоций, которыми неизбежно сопровождаются смертельно опасные ситуации, причиняли ей боль, психическую и физическую. А ведь я даже не задумывался об этом, когда потащил ее с собой в Чичен-Ицу на самую опасную, кровавую и смертоносную затею из всех, в которых мне довелось участвовать.

Могла ли боль от участия в такой битве сотворить что-то с моей ученицей? Не оставило ли это у нее незаживающих ментальных шрамов, подобно тому физическому шраму, который остался у нее от пулевого ранения? Мать-перемать, да для этого достаточно войны и без всяких сверхъестественных штук, а ведь в Чичен-Ице хватало в достатке и того и другого. В таких условиях трудно не рехнуться, хотя мне это, как ни странно, в основном удалось.

Я не хотел признавать это и даже думать об этом, но не мог и отрицать, что, возможно, моей ученице повезло меньше, чем мне.

– Эй! – негромко окликнул меня Баттерс. – Гарри! С вами все в порядке?

– Хм... – ответил я. – С учетом обстоятельств ответ в любом случае выйдет субъективным.

Он кивнул:

– Никто не хотел оказаться тем, кому придется посвящать вас в подробности. Но Мёрфи практически уверена. Она говорит, что если бы работала до сих пор копом, то старалась бы найти достаточно улику, чтобы упрятать виновного за решетку.

– Угу, – тихо пробормотал я. – Я понимаю, что она имеет в виду. – Я сглотнул. – Тогда почему она этого не сделала?

– Нам нужна Молли, – признался Баттерс. – От нее зависит, будем ли мы жить долго и счастливо или все сгинем после первых же двух стычек с фоморами.

Я устало потер глаза.

– Ладно. Это... Над этим я подумаю. Но это не значит, что я поверил. Нет, пока сам с ней обо всем не поговорю. Не посмотрю собственными глазами на ее реакцию.

– Хорошо, – мягко произнес Баттерс.

Я внимательно на него посмотрел:

– Мёрфи не хотела, чтобы вы мне это рассказывали?

Он пожал плечами:

– Мёрфи сейчас порой не та, какой была раньше. То, чем она занимается... сильно на ней сказывается. Она становится все более замкнутой и настороженной.

– Могу себе представить.

Баттерс кивнул:

– Но я-то... Я всегда был из тех, кто доверяет интуиции. И мне кажется, вам нужно все это знать.

– Спасибо, – сказал я. – Но у нас есть и другие проблемы, да?

Усталое, озабоченное лицо его вдруг осветилось улыбкой.

– Конечно есть. Гарри Дрезден вернулся. Что это?

Я положил в объемистый карман плаща пистолет сэра Стюарта.

– Пушка, – ответил я. – Мне тут ее доверили...

– Ого! – сказал он слегка небрежным тоном, стараясь не выказывать беспокойства. – А в меня она, случайно, не выстрелит?

Я с улыбкой помотал головой:

– Нет. Опасна только для призраков. Если мне вообще удастся привести ее в действие.

Снег прекратился, и Баттерс выключил дворники.

– Каково это?

– Что именно?

– Быть... это... ну, вы понимаете.

– Мертвым?

Он передернул плечом, пряча неловкость:

– Призраком.

Я подумал немного, прежде чем ответить:

– Все, что у меня болело все время, теперь в норме. Не испытываю ни голода, ни жажды. Во всех остальных отношениях это примерно так же, как при жизни... за исключением того, что моя магия исчезла. И еще, видите ли, почти никто меня не видит и не слышит.

– Так... Значит, мир не меняется? – спросил он.

Я поежился:

– Нет. Он битком набит всякой странной жутью. Вы не поверите, сколько духов и призраков шатается сейчас по городу.

Говоря это, я повернул голову и увидел пару духов, скользивших над тротуаром. Я нахмурился:

– Включая кого-то вроде тебя, Боб.

Боб-череп фыркнул:

– Я не смертный. У меня нет души. Единственное, что может ожидать меня, когда я перестану существовать, – это энтропия. Я не могу оставить после себя призрака.

– Тогда как получилось, что я видел парящий в воздухе череп с синими глазами, помогавший штурмовать дом Морти Линдквиста вчера вечером?

Череп удивленно уставился на меня:

– Ты уверен?

Я фыркнул.

– Вряд ли в наших краях таких много, – ответил я. – Что тебе известно?

– Я должен это обдумать, – бросил он, и оранжевый свет в его глазах померк.

Мы с Баттерсом уставились на череп.

– Ха! – заметил Баттерс. – Никогда еще не видел, чтобы он так просто затыкался.

Я только хмыкнул. Затем тихо признался:

– Я вчера перепугался до чертиков, увидев синеглазый череп. Решил, что с Бобом что-то случилось.

– С ним все в порядке, – сказал Баттерс. – Лучший сосед по комнате, какого можно пожелать.

– Я рад, что вы заботитесь о нем. Одному ему пришлось бы туго.

– Но ведь это не имеет особого значения.

– Что именно?

– Если по городу разгуливает Плохой Боб, – ответил он. – Я имею в виду... Это же будет еще один зануда вроде этого? Только в черной шляпе?

Оранжевые огни мгновенно ожили.

– Эй! – возмутился Боб.

– Баттерс... Боб жутко силен, – осторожно сказал я. – Знание – сила, приятель. А уж знаний у Боба более чем достаточно. Когда я по неосторожности щелкнул его переключателем на режим черной шляпы несколько лет назад, он в первую же минуту едва меня не убил.

Баттерс потрясенно заморгал. Несколько секунд он порывался сказать что-то, но поперхнулся, да и потом голос его звучал довольно жалко.

– О... – пробормотал он, осторожно косясь на Боба.

– Я не люблю раздувать из мухи слона, сахиб, – беззаботно заметил Боб. – Право, не в моем характере творить что-то в этом роде.

Я кивнул:

– Его создали помощником и наставником. Было бы непрофессионально использовать его для других целей.

– Чего сахиб и не делает, – подчеркнул Боб. – Скажем честно, в силу полного невежества, но не делает.

– О... – повторил Баттерс. – А как... как мне быть уверенным, что я не переключу его на эту самую черную шляпу?

– А у тебя и не получится, – сообщил Боб. – Гарри приказал мне забыть эту часть меня и никогда больше не вытаскивать на поверхность. Вот я оторвал ее и выбросил.

Тут настала моя очередь изумленно моргать.

– Ты... чего?

– Эй! – обиделся Боб. – Ты же сам сказал, чтобы я никогда больше не вытаскивал ее. И подчеркнул еще: никогда. Пока я оставался при тебе, проблем с этим возникнуть не могло. Но следующий, к кому я попал бы, мог приказать мне и это... Мало ли чего могло бы случиться! Вот я и сделал так, чтобы это никогда не повторилось. Можно подумать, есть из-за чего поднимать шум, Дрезден. Ой, порой ты хуже девчонки.

Я снова заморгал:

– А?

– Мама звонит мне дважды в неделю, – пояснил Баттерс. – А он подслушивает.

– Знаешь, сахиб, а она права, – как ни в чем не бывало сообщил Боб. – Стоит тебе сделать что-нибудь с прической и придется получше, и ты стопудово найдешь себе женщину. Ты же доктор, в конце концов. Какая женщина не мечтает выйти замуж за доктора?

– Мне кажется или у него сейчас произношение действительно слегка идишем отдает? – спросил я у Баттерса.

– Я слушаю это дважды в неделю, Боб! – проворчал Баттерс. – А теперь и ты туда же?

– Должен же кто-то напоминать, – возразил Боб. – Я имею в виду, посмотри, что у тебя с волосами.

Баттерс заскрежетал зубами.

– Так вот, Гарри... – начал Боб.

– Знаю, – перебил я его. – Серое Привидение, должно быть, и есть та часть тебя, которую ты отрезал.

– Верно, – подтвердил он. – Схватываешь на лету.

– Можно сказать, это твой отпрыск.

Боб содрогнулся, из-за чего контейнер, где он сидел, закачался сильнее.

– Если рассматривать это с точки зрения крайне ограниченной логики смертного, можно сказать и так.

– Значит, это часть тебя, но не весь ты. И силы у нее в таком случае меньше.

Светящиеся глаза Боба задумчиво прищурились.

– Возможно, но... любое целое существо совершенно не обязательно равно сумме отдельных его частей. Взять хотя бы тебя. В мозговом отделении у тебя не то чтобы избыток лошадиных сил, и все же ты ухитряешься докопаться до сути быстрее, чем большинство остальных.

Я смерил череп строгим взглядом:

– Так сильнее он тебя или нет?

– Не знаю, – признался Боб. – Я не знаю, что ему известно. Не знаю, на что он способен. Собственно, в этом и заключался смысл ампутации. Там, где он когда-то находился, сейчас просто большая дыра.

– Насколько большая?

Боб закатиł глаза:

– Тебе как указать, в архаических мерах? Или в метрических?

– Приблизительно.

– Эм... Возможно, знания, накопленные за сотню лет.

– Черт... – тихо произнес я.

Насколько мне известно, Боб когда-то принадлежал некроманту по имени Кеммлер.

Кеммлер объявил Белому Совету настоящую войну. Он объявлял войну дважды. На протяжении двух этих войн его убивали семь раз, но окончательно убили только при седьмой попытке. До сих пор известный как самый могущественный чародей-рenegат второго тысячелетия, Кеммлер в какой-то момент раздобыл себе череп, населенный духом разума, который служил ему помощником.

В конце концов, когда Кеммлера ликвидировали окончательно, череп оказался в руках Стража по имени Джастин Дю Морне – тот просто-напросто похитил его с места преступления. Это был тот самый Джастин, который усыновил меня и обучал, чтобы превратить в монстра, но в конце концов решил, что я недостаточно податлив, и попытался меня убить. Правда, все пошло не так, как он задумал. Вместо этого я убил его и сжег дом вместе с его трупом. И я забрал тот самый череп, спрятав его от Стражей и прочих, и дал ему имя Боб.

– А это плохо? – спросил Баттерс.

– Некоторое время черепом владел один нехороший тип, – ответил я. – Чернокнижник крупного калибра. Значит, воспоминания, утраченные Бобом, возможно, содержат в себе все, чему он научился за то время, что служил ассистентом у парня, который считался сильнейшим чародеем планеты – настолько сильным, что открыто противостоял Белому Совету на протяжении нескольких десятилетий.

– Это значит... что он многому там научился.

– Возможно, – жизнерадостно подтвердил Боб. – Но все это, скорее всего, ограничено всякими там разрушительными, отравляющими и прочими опасными вещами. Ничего важного.

– Это «ничего важного»? – пискнул Баттерс.

– Разрушать просто, – наставительно произнес Боб. – Черт, да все, что нужно сделать, чтобы уничтожить что-либо, – это подождать. Вот созидание – это да. Это сложно.

– Скажи, Боб, ты был бы готов сразиться с Плохим Бобом?

Взгляд Боба беспокойно метнулся из стороны в сторону.

– Я бы... я бы предпочел не делать этого. Нет, правда, не надо. Ты не представляешь. Тот «я» был совсем психом. Энергичным. К тому же натренированным.

Я вздохнул:

– Что ж, еще один повод для беспокойства. И потом, я все еще ни черта не знаю о моем убийстве.

Баттерс остановил «роудраннер» и вытянул ручной тормоз.

– Вы не знаете, – сказал он. – Зато мы знаем. Все, приехали. Вылезаем.

Глава 18

Стиснув зубы, я выбрался из машины Баттерса и остановился, чтобы оглядеться по сторонам. Снега за день напало много, и сугробы по сторонам улицы казались увеличенным подобием снежных крепостей, которые каждый год вырастают на заднем дворе у Карпентеров. Они искажали очертания всего, что только можно, и все же что-то казалось знакомым.

Я остановился и целых полминуты медленно поворачивался вокруг своей оси. Я заметил две тени, легко скользившие над снегом, – волков. Теперь мне стало понятно замечание Мёрфи насчет теней в подкрепление. Один из волков нырнул в темноту между двумя странно знакомыми соснами, и тут я понял, где мы находимся. Баттерс к этому времени вынул Боба из дорожного контейнера и снова нес его в старом фонаре. Он осветил им по сторонам и увидел меня.

– Гарри? – спросил он.

– Это же мой дом, – проговорил я. – Точнее... место, где был мой дом.

Здесь многое изменилось.

На месте старого доходного дома – моего дома – выросло новое здание высотой в четыре этажа и странной кубической формы. Фасад выступал вперед, к улице, сильнее прежнего дома, оставив палисадник глубиной всего в один мой хороший шаг.

Я подошел ближе, желая потрогать стену, и моя рука утонула в ней. Руку щипало, но ощущение не изменилось, когда я сунул руку еще глубже. Это оказалась не облицовка, а настоящий камень. Я не шучу. Настоящий, черт его подери, камень. Базальт, должно быть... не знаю, я не каменщик. Темно-серый, с прожилками и вкраплениями зеленого и серебряного, хотя разглядеть их я мог, только почти уткнувшись в стену носом.

Окна были узкие, дюймов девять шириной, и утопленные глубоко в стену. Снаружи они защищались стальными решетками. Такие же решетки я разглядел и с внутренней их стороны. Обрез крыши ошетинился зубцами – самыми что ни на есть настоящими машикулями. А в качестве изюминки этого шедевра зодчества по углам и центру фасада примостились горгульи, начинавшиеся на уровне второго этажа и тянувшиеся все более уродливыми изваяниями до самой крыши.

Кто-то превратил руины моего дома в чертову крепость!

Над тем, что служило, видимо, главным входом, висела вывеска. Она гласила просто и безыскусно: «ОБЩЕСТВО СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО».

Баттерс проследил за моим взглядом.

– А, – сказал он. – Ну да. Мы назвали его так, потому что, если мы ничего не предпримем, будущее у этого города окажется незавидное. Лично я предлагал «Отряд светлого будущего», но меня не поддержали.

– Адские погремушки! – пробормотал я, делая в уме приблизительный подсчет. Чтобы построить что-то на руинах доходного дома, работы должны были начаться чуть ли не в тот же день, как меня убили. Строить из натурального камня дорого, и это требует больше времени. Размерами дом не уступал хорошему замку. На его строительство обычно уходят многие месяцы. В этом случае строители уложились в шесть. А может, и меньше – с учетом погоды. – Да этот дом безумных бабок стоит.

– А то! – подтвердил Баттерс, направляясь к дверям. – Ничего, пошатаетесь здесь немного – привыкнете. Как все мы.

Он набрал код на пульте у двери. Кнопки негромко щелкали под его пальцами, что напомнило мне механическую пишущую машинку. Потом он снова сунул руку в карман и принялся ждать.

Спустя секунду из потрескивающего динамика послышался сочный бас с заметным иностранным акцентом:

– Кого еще принесло?

– Баттерс, – отозвался он. – С тенью Дрездена. Привет, Свен.

В динамике послышался рокот.

– Вальдо! – Так он произнес «Уолдо». – Ночь опасна. Наткнешься как-нибудь на лису, и она тебя съест.

Из динамика грянул многоголосый хохот, – судя по всему, вход охраняли несколько человек.

Баттерс не засмеялся, но ухмылку сдержать не сумел:

– Что ж, тогда я застряну у нее в глотке, пока ты не оторвешь от стула свою моржовую задницу и не придешь ко мне на помощь, Свен.

В динамике заржали еще громче, и голос, задышавшийся от смеха, произнес что-то на языке, которого я не знал, – судя по всему, одном из североевропейских. Замок щелкнул, и Баттерс открыл дверь. Я хотел последовать за ним внутрь, но вовремя спохватился: следовало

проверить вход. Я вытянул вперед руку. Рука углубилась в проем дюймов на двенадцать, а потом наткнулась на что-то, не уступающее твердостью кирпичной кладке.

– Э-э-э... Баттерс, – проговорил я.

Он хлопнул себя по лбу:

– Ах да, извините. Заходите, пожалуйста.

Невидимая стена исчезла, и я покачал головой:

– Надо же, порог. Здесь что, живут?

– Довольно много народа, – подтвердил Баттерс, пропуская меня в вестибюль. – Довольно много паранетчиков ночуют здесь, когда приезжают к нам в город, да и местные иногда проводят тут несколько дней, когда им некуда укрыться. Венаторы, когда приезжают к нам по делам. И так далее в этом роде.

Я испытал приступ злости, лишенной логики, но от этого не менее жгучей.

– Мой дом... это сверхъестественная ночлежка?

– И арсенал! И тюрьма! – с энтузиазмом добавил Боб.

Оказывается, призраки могут брызгать слюной от возмущения.

– Тюрьма?!

– И детский сад! – продолжал Боб.

Я застыл как вкопанный и воздел руки:

– Детский сад? Детский сад?!

– У людей есть дети, дружище, а ты не знал? А еще им надо ходить на работу, – терпеливо пояснил Баттерс. – Фоморы не гнушаются использовать детей, чтобы добиваться своего. Вот дети из группы риска и приходят сюда по рабочим дням. А ты, Боб, заткнись. И вы, Гарри, не кипятитесь. Это место приносит пользу людям.

Я повернулся к Баттерсу и внимательно на него посмотрел. Коротышка мало напоминал того застенчивого, неуверенного в себе человека, каким он был при нашем знакомстве несколько лет назад. Тот Баттерс ни за что не позволил бы себе обратиться ко мне таким тоном.

А может, он остался прежним. Баттерс и раньше держался своего до последнего, даже если это стоило ему работы и свободы, – за это его еще и упрятали в дурдом. Он человек принципа.

К тому же, возможно, он говорил правду. Это больше не мой дом.

Миновав негромко жужжавшую рамку металлодетектора, мы прошли мимо поста охраны. Там дежурили четверо самых здоровенных и грозных мужчин, каких мне приходилось видеть. Одеты они были в кожаные байкерские прикиды, а на поясе у каждого висел меч. Мощные мышцы рельефно очерчивались даже сквозь одежду, а одинаковые – словно форменные – светлые глаза спокойно, но пристально отсканировали нас.

– Эйнхерии, – тихо пояснил Баттерс. – Воины Вальхаллы, если не врут.

– Не врут, – подтвердил я. – Где вы их откопали?

– Марконе. Они дорого ему обходятся.

– Снова он...

Баттерс пожал плечами:

– Я тоже не люблю этого типа, Гарри. Но он достаточно умен, чтобы понимать: если фоморы установят контроль над городом, от него избавятся походя.

– Слишком просто, – буркнул я. – Слишком легко. Он ведет с вами какую-то игру.

Мы миновали еще дверь, поднялись по лестнице и оказались на втором этаже.

Почти весь этаж занимало одно большое помещение, практически лишенное перегородок, – спортзал среднего размера, к которому примыкали раздевалки и душевые. На боксерском ринге Мёрфи, в уличной одежде, стояла перед типом, явно унаследовавшим генетический набор носорога, причем всего несколько поколений назад. Он был огромным и мускулистым, с черными волосами и бородой, заплетенными в длинные косички. Всю одежду его составляли

поношенные джинсы. Торс порос густой черной шерстью. Не как у оборотня или циркового уродца, нет. На грани приличия, но не более. Ни дать ни взять этакий шерстяной верзила.

Баттерс застыл, наблюдая.

Несколько секунд Мёрфи немигающим взглядом смотрела на громилу в упор; поза ее оставалась спокойной, расслабленной. Он тоже смотрел на нее, глаза его ничего не выражали. Потом оба сорвались с места.

Мне трудно сказать, кто пошевелился первым, но кулак Мёрфи устремился к паху верзиле. Он повел бедром, отражая удар, а когда восстановил равновесие, нога его, продолжив движение, описала в воздухе дугу и задела подбородок Мёрфи. Та полетела на пол.

Верзила не колебался ни секунды. Он шагнул к ней стремительно – с учетом его комплекции – и замахнулся ногой, целя в висок.

Мёрфи перекатилась по полу, увернувшись от удара, но противник последовал за ней, и ей пришлось катиться дальше в попытках избежать его ножищи, лупившей с силой кузнечного молота. Она докатилась до края ринга и резко сменила направление вращения, устремившись теперь ему навстречу.

Избежав очередного удара, Мёрфи захватила его колено обеими ногами и, изогнувшись всем телом, опрокинула на пол. Верзила рухнул как дерево – громко и основательно. Канаты продолжали еще некоторое время вибрировать.

Мёрфи поднялась на четвереньки, подалась чуть вбок и выбросила ногу, целясь верзиле в висок. Тот увернулся, однако она сменила направление удара, и пятка ее опустилась сверху вниз, с силой молота ударив по руке, на которую верзила опирался всей своей тяжестью. Хрустнули кости.

Верзила взвыл, вскочил на ноги и принялся молотить ее кулачищами. Мёрфи уворачивалась и уклонялась от удара за ударом, а в какой-то момент сделала неожиданный пируэт и врезала пяткой верзиле в солнечное сплетение.

Удар пошатнул его и заставил отступить на шаг, но Мёрфи преследовала своего противника слишком тесно, слишком безрассудно. Клубок оправился от удара почти мгновенно, отразил еще один удар и перехватил ее руку. А потом резко повернулся и швырнул ее поверх канатов прямо в стену. Врезавшись в стенку, Мёрфи вскрикнула и мешком повалилась на пол.

– Убью! – прорычал я, стиснув кулаки, и ринулся вперед.

Только сделав три или четыре шага, я сообразил, что не могу причинить этому типу никакого вреда. Не смогу ударить. Или повергнуть магическим огнем. Или послать прогуляться в иную реальность. Черт возьми, я даже не мог подкрасться к нему и крикнуть в ухо: «Бу!»

– Гарри, стойте! – шипел Баттерс. – Все в порядке.

Медленно, но уверенно Мёрфи поднялась на ноги. Верзила тем временем подошел к канатам, придерживая правую руку левой. Мёрфи стряхнула пыль с одежды и повернулась к нему. Ее голубые глаза оставались спокойными, как арктический ледник, губы изогнулись в легкой улыбке. На нижней губе, рассеченной ударом, выступила свежая кровь. Она вытерла кровь рукавом, не отводя взгляда от верзилы.

– Три? – спросила она.

– Все четыре, – отозвался тот, приподняв правую руку в знак подтверждения. – Чем я теперь меч держать буду? Хорошо. Когда бы так не жаждала ты крови, могла бы и выиграть поединок.

Мёрфи фыркнула:

– Ты просто отведал плохого меда, Скальди Скъельдсон.

Верзила не удержался от улыбки:

– Завтра на мечях?

Мёрфи кивнула. Еще секунду-другую оба молча смотрели друг на друга, словно ожидая атаки и опасаясь повернуться спиной к противнику. Потом, без всякого предварительного

знака или сигнала, одновременно кивнули друг другу и, расслабившись, повернулись в разные стороны.

– Баттерс! – пророкотал Скальди. Если у него действительно были сломаны пальцы, это явно не причиняло ему видимого беспокойства. – Когда ты наконец выйдешь на ринг, чтобы попробовать силы, как подобает мужчине?

– Как только достану себе действующий световой меч, – с готовностью отозвался Баттерс.

Скальди расплылся в ухмылке. Коротышка-патологоанатом повернулся к Мёрфи и кивнул:

– Мы могли бы переговорить в комнате для совещаний?

– Конечно, – кивнула она в ответ, вернулась к рингу и легонько стукнулась кулаками – левыми – со Скальди.

Потом вывела нас с Баттерсом из спортзала, спустилась по другой лестнице, зашла в длинную, узкую комнату и заперла за нами дверь. Баттерс поставил фонарь с Бобом на стол. Глаза у черепа снова вспыхнули оранжевым светом, и по реакции Мёрфи я понял, что она увидела в их свете меня.

Она чуть напряженно застыла, глядя в мою сторону, и в глазах ее появились внезапная усталость и боль. Она сделала глубокий вдох и на миг зажмурилась. Потом медленными, продуманными движениями сняла куртку.

– Привет, Гарри, – сказала она.

– Привет, Мёрф, – отозвался я, дождавшись, пока Баттерс поставит на стол свой транзистор.

Под курткой у нее обнаружилась другая: тонкая, легкая – я видел такие на каскадерах, когда расследовал одно из первых своих дел. Выходит, ее тренировка с жестким контактом была не настолько опасна, какой казалась со стороны. Ясное дело, синяков она получила достаточно, но удар о стену вряд ли сломал бы ей спину. Череп – возможно, но не спину.

– Ты в порядке?

Она повела плечом и поморщилась:

– Заживет.

– Гляди, напорешься в городе на такого верзилу, – прогудел я голосом кинозлодея. – И кто начистит ему ряшку?

Глаза ее вспыхнули, и она смерила меня хмурым взглядом:

– Скажи, Дрезден: я когда-либо дралась с кем-нибудь, равным мне по росту и силе?

– Хм...

– Если хочешь драться со злобными лосями...

– С лосем, – поправил ее Баттерс как бы невзначай. – С несколькими даже вам не совладать.

– Гориллы, – продолжала Мёрфи, не обращая на него внимания. – Лучший способ тренироваться для драки с лосями – это тренироваться на чуть менее злобных гориллах. Скальди на две сотни фунтов тяжелее меня, почти на два фута выше, и боевой практики у него два тысячелетия...

– Меньше, – заметил Баттерс. – Чуть больше полутора.

Мёрфи выдохнула, явно взывая к своему терпению, и добавила:

– Полторы тысячи лет опыта в том, чтобы ломать хребты мелким занудам-докторишкам, помешанным на точности.

Баттерс расплылся в довольной ухмылке.

– Мне никогда его не побить, Гарри. Никогда. Но не в этом дело. – Она отвернулась и продолжала чуть тише: – А дело в том, что мир добрее не становится. Девушкам приходится самим о себе заботиться.

Выражение ее лица... Один только взгляд на него причинял боль. Да и слышать ее слова было все равно что лежать под ножом, заживо срезающим тебе кожу полоска за полоской. Я ничего не сказал. Старался не показывать вида. Скажи я, что Мёрфи не хватает моей защиты, и это оскорбило бы ее, а если бы ей показалось, что я терзаюсь виной за то, что не могу ее защитить, помочь ей, она разозлилась бы не на шутку.

Поймите меня правильно. Я вовсе не считаю Мёрфи принцессой из замка. Просто вышло так, что ей одной пришлось противостоять силам, которые относятся к ней с тем же пренебрежением, как, скажем, накатывающее цунами, извержение вулкана или землетрясение. Жизнь – штука драгоценная, но хрупкая и мимолетная, а жизнь Мёрфи была для меня ценнее большинства других.

– Ладно, Гарри, – спохватилась Мёрфи. – С чего начнем?

Я ощущал себя неловко, стоя там, в то время как они с Баттерсом сидели за столом, но подвинуть стул все равно не мог.

– Эм... Может, начнем с того, что тебе известно о том, как меня... застрелили?

Она кивнула, и лицо ее сразу сделалось профессионально бесстрастным, отстраненным, как у полицейского при исполнении.

– Говоря официально, знаем мы не слишком много. Я приехала забрать тебя и обнаружила кровь и одну пулевую пробоину. Этого не хватало даже на то, чтобы заявить об убийстве. Поскольку жер... Поскольку ты находился на катере, а тот не стоял неподвижно, определить точное направление, откуда был сделан выстрел, не представлялось возможным. Вероятно, с крыши ближайшего к порту здания. Траектория пули отклонилась при прохождении через твое тело, и отметины, оставленные ею на стенах рубки, расположены асимметрично. Однако эксперты по баллистике считают, что это было что-то между пулей двести двадцать третьего винтовочного калибра и соответственно триста тридцать восьмого винтовочного калибра, причем второй вариант вероятнее.

– Никогда не разбирался в нарезном оружии. Что это значит?

– Это означает снайпера, вооруженного карабином, – пояснил Баттерс. – Не обязательно армейским. Продается довольно много охотничьих ружей таких калибров.

– Пули мы так и не нашли, – продолжала Мёрфи. Она сделала глубокий вдох. – Как и тела. Я заметил, что и Мёрфи, и Баттерс очень пристально смотрят на меня.

– Э-э-э, – произнес я. – Я... вроде как прошел всю эту штуку с туннелем и светом в конце – которая, кстати, полная чушь. – Я прикусил губу, едва не проболтавшись о ее отце. – Эм... Меня послали сюда распутать убийство. Что в некотором роде подразумевает смерть. И мне сказали, что тело отсутствует, так что...

Мёрфи опустила взгляд и кивнула.

– М-да, – проговорил Баттерс, нахмурившись. – Зачем посылать вас обратно?

Я пожал плечами:

– Сказали, то, что будет дальше, не для нытиков и бесхребетных.

Мёрфи фыркнула:

– Сказано совершенно в духе моего отца.

– Угу, – отозвался я. – Хм.

Баттерс удивленно изогнул бровь. Взгляд его темных глаз метался между мной и Мёрфи, и на лице появилось задумчивое выражение.

– Так или иначе, – продолжил я, – это все, что вам известно официально. Итак... что еще вы знаете?

– Я знаю, что это не Марконе, – сообщила Мёрфи. – У всех его мокрушников стопроцентное алиби, причем не липовое – мы проверили. И у него самого, и у Гард, и у Хендрикса. Я знаю, из какого здания, судя по всему, стреляли, – не самый простой выстрел.

– Четыреста пятьдесят ярдов, – добавил Баттерс. – Из чего следует, что это был, возможно, профессиональный стрелок.

– Есть любители, умеющие стрелять не хуже, – заметила Мёрфи.

– Как правило, они не стреляют с крыш по своим соотечественникам-американцам, – возразил Баттерс. – Слушайте, если мы допустим, что это любитель, мы можем подозревать почти всех и каждого. Но если мы будем исходить из того, что это профессионал – что куда более вероятно, – у нас есть возможность вычислить его, а потом и выйти на того, на кого он работает.

– Допускать мы можем что угодно, – сказала Мёрфи. – У меня уже нет прежнего доступа к информации. Нам надо бы изучить записи с камер наблюдения и все такое, а я больше не могу до этого добраться.

– Твой шурин может, – предложил я. – Дик может.

– Ричард, – поправила она меня. – Он терпеть не может этого сокращения.

– Что еще за Дик? – поинтересовался Баттерс, глядя то на нее, то на меня.

– Ее шурин, – ответил я.

– Мой бывший муж, – произнесла она одновременно со мной.

Брови Баттерса поползли еще выше на лоб, и он покачал головой:

– Ох уж эти католики!

Мёрфи смерила его убийственным взглядом:

– Ричард живет по инструкции. Гражданским он не станет помогать.

– Ну же, Мёрф, – не сдавался я. – Ты же была за ним замужем. Наверняка у тебя есть на него какой-нибудь компромат.

Она покачала головой:

– Быть задницей не преступление, Гарри. Иначе я бы его на всю жизнь за решетку закатала.

Баттерс осторожно кашлянул:

– Мы могли бы попросить...

– Нет, – произнесли мы с Мёрфи в унисон и продолжили, перекрикивая друг друга:

– День, когда я обращусь к этому подонку за помощью, станет днем, когда я...

– ...говорила вам уже и еще скажу: только того, что он рассудителен, еще недостаточно, чтобы...

– ...убийца, наркоторговец и сутенер, и то, что коррумпированные чикагские власти не могут посадить его, еще не значит...

– ...могли бы лучше подумать, прежде чем предлагать, – договорила Мёрфи.

Баттерс поднял руки, сдаваясь:

– Ладно-ладно. Я тоже против. Никакой помощи от Марконе. – Он помолчал и обвел комнату взглядом, словно видел ее впервые. – Потому что это стало бы... беспрецедентным.

– Уолдо, – произнесла Мёрфи, угрожающе вскинув брови.

Он снова поднял руки:

– Дядя. Не до конца понимаю вашу логику, но ладно.

– Думаешь, за этим стоял Марконе, Гарри? – спросила Мёрфи.

Я пожал плечами:

– В нашу последнюю встречу он сказал, что ему нет нужды убивать меня. Что я убью себя без всякой помощи с его стороны.

Мёрфи нахмурилась. При этом она потревожила разбитую губу и поморщилась, отчего та заболела еще сильнее, судя по тому, что снова начала кровоточить.

– Черт! Ну что ж. Это можно понимать по-разному, ты не считаешь?

– Как, например?

Мёрфи посмотрела на меня:

– Например, Марконе знал о том, что должно произойти, поэтому и сказал, что ему не нужно тебя убивать. Сам он этого не делал, но был в курсе.

Я хмыкнул. Марконе заправлял Чикаго, как собственным клубом. У него имелись легионы служащих, союзников и мелкой сошки на побегушках. Его информированность о происходящем в городе не была сверхъестественной – нет, она была еще круче. Его отличали логика поступков, острый ум и готовность к кризису, равной которой я не встречал больше ни у кого. Если у бойскаутов имелся какой-то эквивалент ситхов, Марконе наверняка стал бы одним из них.

Если бы в городе появился какой-нибудь специалист по мокрым делам, Марконе с высокой степенью вероятности узнал бы об этом. От него и от его подпольной сети информаторов ускользало немного.

– Черт! – повторила Мёрфи, явно пришедшая к тем же выводам, что и я. – Теперь точно придется поговорить с этим говнюком. – Она достала маленький блокнот и черкнула в нем несколько строк. – Баттерс, вы говорили, дом Линдквиста горел?

– Сгорел до основания, – подтвердил Баттерс.

Я кивнул:

– Если верить околачивающимся вокруг призракам, там появлялось само Серое Привидение... Я не рассказывал вам про Серое Привидение?

– Мистер Линдквист ввел нас в курс дела после того, как обстрел закончился, – сказал Баттерс.

– О, хорошо. Как бы то ни было, оно появилось в сопровождении нескольких смертных и похитило его. Мы должны его вернуть.

Мёрфи кивнула, продолжая писать в блокноте:

– Что произойдет, если мы этого не сделаем?

– Кучка призраков, представляющих собой нечто вроде серийных убийц, начнут бродить по Чикаго, стремясь устроить кровавую забаву. Подобные призраки могут проявляться в реальности – превращаться в нечто, близкое к материальному, Мёрф. Становиться такими, каким был Кошмар. Люди пострадают. Много людей.

Губы Мёрфи сжались в жесткую линию. Она записала еще что-то в блокнот:

– Сейчас рассортируем все по порядку. Что-нибудь еще?

– Я нашел шайку, обстрелявшую твой дом вчера вечером, – сообщил я.

Кончик ее карандаша сломался о блокнот. Мёрфи посмотрела на меня, и глаза ее сделались совсем ледяными, бешеными.

– Да? – произнесла она очень тихим голосом.

– Угу, – кивнул я и помолчал немного, обдумывая, как много я могу сказать: разбудить гнев Мёрфи не так-то просто. – Не думаю, что они вас больше побеспокоят.

– Почему? – спросила она полицейским тоном. – Ты убил их?

Она произнесла этот вопрос как-то слишком настойчиво. Черт! Мёрфи явно готова отправиться за этими парнями, стоит ей только узнать, где они находятся.

Я покосился на Баттерса, имевшего вид человека, который сидит рядом со снаряженной взрывчаткой.

– Нет, – произнес я, осторожно выбирая слова. Если Мёрфи и впрямь готова была взорваться, мне не хотелось бы, чтобы она расправилась с Фитцем и его незадачливой командой в лучших традициях викингов. – Но у них нет тех ресурсов, что имелись вчера. Не думаю, чтобы они кому-нибудь угрожали в ближайшем будущем.

– Это твое профессиональное мнение, да?

– Да.

С минуту она молча смотрела на меня.

– Эбби стояла на заднем дворе, когда началась атака. Она получила пулю в живот. Недостаточно быстро упала. До сих пор неизвестно, выживет она или нет.

Я вспомнил пухлую, жизнерадостную женщину и поперхнулся:

– Я... я не знал, Мёрф. Мне очень жаль.

Она продолжала говорить, словно я не произнес ничего:

– В соседнем доме жил пенсионер. Каждое лето он угощал меня помидорами со своего огорода. Ему повезло меньше, чем Эбби. Пуля попала ему в шею, когда он спал. Он проснулся в ужасе и смахнул трубку телефона на пол, прежде чем истек кровью.

Адские погрешности! Это придавало всему совсем другой оттенок. Я надеялся на спокойную, вразумительную беседу с Мёрфи. Но если пролилась кровь, если погибли люди... Я хорошо знал Мёрфи. Вне зависимости от того, работала она в полиции или нет, она не пойдет на попятный.

– Где они? – спросила она.

– Сейчас не время вышибать двери, – сказал я. – Пожалуйста, выслушай меня.

Рука ее сжалась в кулак, но она совладала с гневом, сделала глубокий вдох и кивнула:

– Рассказывай.

Я рассказал ей про Фитца и его команду. Я рассказал ей про Аристида.

– Я заметила, Гарри, – произнесла она, – что ты не сказал мне, где они находятся.

– Угу, – согласился я. – Я, гм... Я вроде как сказал парню, что помогу ему. Что ты ему можешь.

Мёрфи сощурилась:

– Что ты сделал?

– Они совсем дети, Мёрф. И по уши вляпались. Им нужна помощь.

– Они убили как минимум одного человека, а может, и двух, – возразила Мёрфи. – В этом городе еще действуют законы, Дрезден.

– Пошли туда копов, и все обернется скверно. Я не знаю, насколько силен их босс, но, даже если ему не из чего стрелять, для полиции он обернется кошмаром – и для ОСП тоже.

Мёрфи нахмурилась:

– Ты в этом уверен?

– Типы вроде него используют страх и насилие в качестве бытовых инструментов. Он изувечит копа не задумываясь.

Мёрфи кивнула:

– Тогда с ним разберусь я.

– Мёрф, я знаю, ты умеешь постоять за себя, но...

– Дрезден, со времени твоей... твоего исчезновения я разобралась с двумя типами, которых даже Карлос назвал почти созревшими для вмешательства в их деятельность Совета чернокнижников. И с несколькими обладателями магических способностей пожиже. Фоморы используют их как младших офицеров. Я знаю, что делаю.

– Ты убила их, – тихо произнес я. – Ты это имеешь в виду?

Она отвела взгляд.

– Когда имеешь дело с кем-то настолько сильным, – сказала она, помолчав немного, – тебе не остается выбора. Попробуй захватить их живьем – и у них будет достаточно времени, чтобы убить тебя.

Я поморщился от сочувствия к ней. Пусть она больше не работала в полиции, но сердце ее оставалось там же – там, где закон. Она верила в него, искренне верила в то, что закон призван служить людям Чикаго и защищать их. Когда она была копом, в ее обязанности всегда входило следить за тем, чтобы законы служили этой цели, и прилагала к этому все свои усилия.

Ей нравилось служить своему городу в условиях верховенства закона, а это означало, что свою работу должны исполнить судьи и присяжные, прежде чем за дело может взяться

палач. Если Мёрфи отошла от этой веры, какой бы необходимой и практичной та ни казалась ей раньше, сколько бы жизнью она ни помогла спасти...

Баттерс говорил, что она испытывает стресс. Теперь я понимал природу этого стресса: чувство вины. Он беспрестанно терзал ее, ранил по живому.

– Они все убийцы, – продолжала Мёрфи, хотя не думаю, что она обращалась ко мне. – Убийцы и похитители людей. И закон на них не распространяется. Кто-то должен что-то делать.

– Да, – кивнул я. – Кто-то всегда делает.

– Суть в том, что единственный способ справиться с такими проблемами – это ударить по ним всеми наличными силами, и ударить немедленно. Пока эти наводящие заклятия уроды не успели укорениться и искалечить людские умы так, чтобы те их защищали, или напасть на тебя или на дорогих тебе людей. – Она посмотрела на меня в упор. – Мне нужен адрес.

– Не нужен, – возразил я. – Я сам приведу к тебе этих детей. Стоит отнять их у Аристиды, и он останется беспомощным, уязвимым. Тогда ты сможешь помочь Фитцу и его команде.

– Фитц и его команда, – ровным голосом произнесла Мёрфи, – убийцы.

– Но...

– Нет, Гарри. И не вешай мне на уши лапшу насчет того, что они не нарочно. Они открыли огонь из огнестрельного оружия в жилом квартале. В глазах правосудия, да и по самой элементарной логике попытки выставить это несчастным случаем по меньшей мере неубедительны. Они знали, что может случиться. Их побуждения при этом роли не играют.

– Я понимаю, – вздохнул я. – Но эти дети не испорченные. Просто напуганные. Страх заставил их сделать неправильный выбор.

– Твое описание подходит к большинству членов чикагских уличных банд, Гарри. Они вступают в банды не потому, что они испорченные дети. Они делают это потому, что боятся. Им хочется принадлежать к чему-то. Хочется защиты. – Она тряхнула головой. – То, что они все поначалу были хорошими детьми, ничего не значит. Жизнь меняет их. Они становятся совсем другими.

– Что ты намерена делать?

– Привести отряд в их убежище. Разобраться с заклинателем. Мы приложим все усилия, чтобы остальные не пострадали.

– Ты собираешься открыть огонь из огнестрельного оружия у них в доме. Может, ты и не хочешь, чтобы дети пострадали, но ты знаешь, что такое возможно. Если все закончится их телами на полу, твои благие намерения не будут играть никакой роли. Ты это мне хочешь сказать?

Глаза ее вдруг вспыхнули гневом.

– Тебя здесь не было последние полгода. Ты не знаешь, на что это все похоже. Ты...

Она крепко сжала губы. А потом посмотрела на меня в упор. В ожидании.

– Нет, – сказал я очень тихо.

Она несколько раз покачала головой:

– Настоящий Дрезден не колебался бы.

– У настоящего Дрездена не было бы шанса увидеть их. Поговорить с ними. Он просто ринулся бы в бой очертя голову.

Она резко захлопнула блокнот и встала:

– В таком случае повестка дня исчерпана. Обсуждать больше нечего.

И вышла, не говоря больше ни слова, ровным, решительным шагом.

Баттерс встал и взял со стола Боба маленький транзистор:

– Я, эм... я обычно иду с ней, когда она что-то затевает. Чтобы доработать детали. Извините.

– Конечно, – тихо сказал я. – Спасибо за помощь, Баттерс.

– Всегда пожалуйста, – кивнул он.

– И тебе тоже, Боб.
– De nada, – отозвался череп.
Баттерс поспешил к двери.
Я остался один.

Глава 19

Несколько минут я стоял, ничего не делая. Даже не дышал.

Не делать ничего трудно. Стоит вам остаться без дел, и ваша голова начинает все обдумывать. В ней всплывают темные, безрадостные мысли. Вы начинаете думать о смысле вашей жизни. А если вы призрак, то начинаете думать о смысле вашей смерти.

Совесть и чувство вины медленно пожирала Мёрфи изнутри. Я знал ее давно. Знал, о чем она думает. Знал, что ей дорого. Знал, как больно ей приходится. Я не сомневался в правильности своих предположений.

Но я знал также, что эта женщина ни за что не убьет другого человека, пусть даже окончательно и бесповоротно съехавшего с катушек, если только это не будет абсолютно необходимо. Любому разумному человеку вообще нелегко убивать – но Мёрфи противостояла этому демону долго, очень долго. Ясное дело, моя смерть причинила ей боль – и, поверьте, мысль о том, что я никак не могу этого изменить, сильно расстраивала меня. Но почему совесть начала глотать ее именно сейчас? Для чего разыгрывать из себя дамочку, когда я всего-то попросил раздобыть немного информации у ее бывшего мужа? Ведь если женщине что-то нужно, ее не остановят даже кирпичные стены.

А еще я заметил, что, когда мы говорили о выстреле, которым меня убили, о возможном расположении стрелявшего, о круге подозреваемых, Мёрфи могла бы сообщить гораздо больше. Могла, но не сообщила.

Она ни разу, ни словом не упомянула Кинкейда.

Кинкейд – не совсем человек, наемник – работал на самую страшную девочку из всех, что обитают на нашей зеленой планете. Прожив несколько столетий, он стал уникальным бойцом. Каким-то образом ему удалось преодолеть негативные стороны функционирования человеческой нервной системы – по крайней мере, в том, что касалось стрельбы в совершенно неблагоприятных условиях.

И именно он сказал мне, что, если ему понадобится меня убить, он выстрелит с расстояния по меньшей мере в полмили из крупнокалиберной винтовки.

Мёрфи не хуже меня понимала, что мнение убийцы с многовековым стажем было бы неопределимо в расследовании. Я сам не стал этого предлагать, поскольку Мёрфи с ним вроде как встречалась некоторое время и до сих пор оставалась не совсем к нему равнодушна. Вот мне и показалось, что пусть лучше она сама поднимет этот вопрос.

Но она этого не сделала.

Ни разу не упомянула его имени.

Она вообще провела наше совещание слишком быстро и готова была поцапаться со мной по любому поводу. Весь этот спор насчет Фитца и его команды, похоже, являлся лишь дымовой завесой.

Оставалось только понять, ради кого все это разыгрывалось. Ради меня, чтобы потенциально безумный призрак не отправился мстить направо и налево? Или она делала это ради себя самой, поскольку отказывалась сопоставить свой образ Кинкейда с тем безликим снайпером, который меня убил?

Похоже, что так. То, что она понимала сердцем, заставляло ее разум лихорадочно искать менее болезненную правду.

Мои выводы основывались на знании человеческой природы вообще и личности Мёрфи в частности, а еще на интуиции, – в конце концов, я всю жизнь доверял своим инстинктам.

Мне казалось, они не ошибались и сейчас.

Я прокрутил в голове возможные варианты. Представил себе Мёрфи в первые дни после моего убийства – разбитую, раздираемую эмоциями. Мы так и не узнали, сможем ли мы с ней быть вместе. Несколько раз нам что-то мешало. Я понимал: когда пройдет достаточно времени, чтобы ее гнев утих, его место займет скорбь. Я представил ее спустя месяц: уволенную из полиции, с личной жизнью, пущенной под откос...

Слух о моей смерти наверняка разлетелся быстро – не только среди чародеев Белого Совета, но и среди оставшихся вампирских коллегий, среди членов Паранета и вообще всех, имеющих отношение к сверхъестественному миру.

Кинкейд, вероятно, узнал об этом спустя день или два. Стоило кому-либо написать обо мне хоть строчку в рапорте, Архив, сверхъестественный хранитель всех письменно запечатленных знаний, обитавший в теле девочки по имени Ива, узнал бы об этом. А я был, возможно, единственным в мире человеком, которого она считала своим другом. Сколько ей сейчас? Двадцать? Тринадцать?

Весть о моей смерти, наверное, стала для Ивы ударом.

Кинкейд, должно быть, отправился к Мёрфи утешить ее в меру сил. Не с кружкой горячего шоколада и теплым пледом – нет, совсем по-другому. Скорее он принес пару бутылок виски и компакт-диск с какой-нибудь сексуальной музыкой.

«Особенно если он в это время находился в Чикаго», – нашептывала у меня в голове темная, вредная часть моего сознания.

Я представил, как Мёрфи ищет утешения там, где возможно, и нежно прощается с ним, когда он уходит, – а потом на протяжении нескольких следующих недель медленно сопоставляет факты и делает выводы. Все время повторяет себе, что она, возможно, ошибается. Что все не так, как кажется.

Досада. Боль. Отрицание. Черт, этого более чем достаточно, чтобы довести до иступления кого угодно. Привести в гнев, который она, должно быть, носила в себе как медленно растущую опухоль, давившую все тяжелее и тяжелее. Такая штука запросто может любого довести до смертоубийства, даже если в нем нет необходимости.

А эта смерть, в свою очередь, заставит испытывать еще больше вины, больше разочарования, что разбудит еще больше гнева, который подтолкнет к новому насилию, к новому чувству вины... получается настоящий замкнутый круг.

Мёрфи не хотела получать материалы съемок с камер наблюдения аэропорта и вокзалов, поскольку не хотела узнать, что мужчина, с которым она спала, убил одного из ее друзей. Подобравшись к осознанию этой вероятности, она отреагировала гневом и попытками оттолкнуть источники света, способные высветить то, чего она не желала видеть.

Возможно, она даже не осознавала этой борьбы, происходящей у нее в голове. Когда ты разбит горем, в голову так и лезет всякая лишняя логика чушь.

Работа детектива не всегда связана с логикой – особенно когда имеешь дело с людьми. Люди склонны совершать самые нелепые и нелогичные поступки по самым непостижимым причинам. У меня отсутствовали логические причины подозревать Кинкейда. Но эта гипотеза помогала собрать воедино кучу деталей мозаики. И если она верна, это объясняло многое.

Не более чем гипотеза. Пока. Но и этого хватало, чтобы мне захотелось нарыть больше улики там, где я в другом случае их не искал бы.

Только как? Как я мог начинать копать под Джаредда Кинкейда, Адского Пса, ставшего Иве почти родным отцом, – делая это без помощи Мёрфи? Более того, мне пришлось бы делать это без ее ведома, а по отношению к другу такое выглядит не сказать чтобы красиво. Ох! Пожалуй, лучше заняться пока текущими неотложными проблемами.

Мне нужно было найти Морти, который для Мёрфи в списке актуальных вопросов занимал явно не первое место.

Мне нужно было помочь Фитцу и его бестолковым несовершеннолетним приятелям.

А более всего мне не хватало помощи кого-то, кому я мог бы доверять.

Я сделал глубокий вдох и кивнул.

А потом, пройдя сквозь наружную стену Общества светлого будущего, отправился на поиски своей ученицы. Пока ночь не стала еще темнее.

Глава 20

Я всегда считал себя одиночкой.

Не таким одиночкой, как Байрон, – несчастным и романтичным. А скорее таким, которого не слишком огорчит перспектива провести выходной день, ни с кем не общаясь, а валяясь на диване с хорошей книгой. Не то чтобы я не любил людей или что-то в этом роде. Мне нравится общение, нравится проводить время с друзьями. Но есть ведь и другая сторона. Мне всегда казалось, что я вполне доволен жизнью и без них.

Я шагал по улицам города с населением почти в три миллиона человек, и меня впервые ничто не связывало с кем-либо из них. Я не мог с ними разговаривать. Я не мог прикоснуться к ним. Я не мог ввязаться в спор из-за места на стоянке или сделать неприличный жест в сторону неосторожного водителя, не уступившему мне дорогу на перекрестке. Я не мог ничего купить в каком-нибудь магазинчике, вежливо поболтав при этом с кассиром. Не мог взять в руки газету. Не мог посоветовать хорошую книгу кому-то, роющемуся на книжном развале.

Три миллиона душ жили своей жизнью, а я был один.

Теперь я понимал капитана Мёрфи с его теневым Чикаго. Настоящий город уже начинал казаться мне своей призрачной версией. Каким этот город станет для меня со временем? Темным? Пустым? Бессмысленным и слегка угрожающим? А ведь я провел в нем чуть больше дня.

Каким стану я сам, пробыв здесь год? Десять лет? Сто?

Я начинал понимать, почему так много призраков кажутся парой соломинок картофеля фри из «Хэппи мил».

А еще я начинал думать, что сэр Стюарт и Морти, возможно, не так уж и ошибались на мой счет. Что, если я и впрямь сбрендивший дух, каким они меня считали? Не настоящий Гарри Дрезден, а всего лишь его мертвый образ, занимающийся тем, чем всегда занимаются психи: попытками помочь друзьям и прищучить нехорошего парня.

Я не ощущал себя сбрендившим духом, но, если подумать, и не должен был. С чего бы? Сумасшедшие редко понимают, что они сошли с ума. Наверное, безумным им представляется весь остальной мир. Видит бог, мне он всегда казался слегка безумным. Или не слегка. Каким же способом я могу проверить, такой ли я, каким меня считают сэр Стюарт и Морти, или все-таки нет?

Более того, Морти, чтоб его, всегда считался экспертом по призракам. Я и сам не совсем уж профан в этой области, но Морти – настоящий профессионал. При обычных обстоятельствах по техническим вопросам, касающимся теней и духов, я всегда высоко ценил его мнение – чуть выше, чем свое собственное. Морти никогда не отличался образцовыми силой и отвагой, зато был умен и достаточно стоек – иначе вряд ли выжил бы после стольких лет профессиональной деятельности, оказавшейся на поверку куда опаснее, чем мне казалось.

Мать-перемать! Все шло к тому, что, пока я спасал Чикаго от тварей, о существовании которых никто не знал, Морти спасал меня от тварей, о наличии которых я сам не подозревал. Забавный мир, правда?

Я остановился как вкопанный и тряхнул головой, словно пытаюсь вытряхнуть попавшую в глаза воду.

– Дрезден, отложил бы ты свой личный экзистенциальный кризис на потом. Нехорошие парни явно усердно трудятся и тебя ждать не будут. Давай шевели задницей.

Что ж, хороший совет.

Один вопрос: как?

В нормальной ситуации я бы выследил Молли с помощью нехитрого тауматургического заклятия, которым пользовался тысячу раз. После ее незапланированного путешествия в Арктик-Тор, что в Феерии, я всегда держал под рукой более или менее свежесрезанную прядь ее волос – так, на всякий случай. А в последний год я обнаружил, что могу отслеживать энергетические поля, которые она использовала в первых своих самостоятельных магических опытах. Подобно волосам, они отличались неповторимым, присущим только ей характером. Как автограф. Я не сомневался, что при необходимости отыщу ее без особого труда. Черт, если уж на то пошло, мы с ней провели столько времени вместе, что она стала для меня почти что членом семьи. Как правило, я мог чисто интуитивно определить ее присутствие – разумеется, кроме тех случаев, когда она сознательно от меня пряталась.

Но все это, само собой, происходило, пока я обладал магией. Теперь же она исчезла.

Что, если подумать, тоже говорило в пользу теории Стюарта и Морти и против моей. Невозможно отнять магию у человека. Магия – если она, конечно, у кого-то имеется – становится неотъемлемой частью личности. От нее можно отказаться, если как следует постараться, но избавиться от нее совсем нельзя. Если мой призрак действительно являлся мной, ему полагалось бы обладать магической силой – как, скажем, призраку этого мерзавца Леонида Кравоса.

Верно?

А может, и нет. Может, я делал слишком много допущений, даже не подвергая их сомнению. Например, я исходил из того, что материя осязаема, тогда как для призрака это не так. Что я могу замерзнуть, хотя это тоже не так. Что силы гравитации действуют и на меня... и так далее.

Возможно, точно так же я заблуждался и насчет магии. И верно, ведь удалось же мне выстроить вполне крепкое защитное поле во время первого нападения на дом Морти, когда я делил тело с эктомантом. Уже одно это могло доказать, что мои способности все еще при мне, а не пропали бесследно.

Оставалось только понять, как мне получить к ним доступ.

Память – это сила.

Я порылся в кармане плаща и достал тяжелый пистолет, который дал мне сэр Стюарт. Я не специалист по оружию, снаряжаемому черным порохом, но даже моих познаний хватило, чтобы проверить, не осталось ли пороха на полке. Только после этого я перевернул пистолет дулом вниз и как следует встряхнул. Мне пришлось несколько раз с силой хлопнуть по стволу рукой, чтобы вытряхнуть на ладонь круглую пулю, пыжи и порох.

Круглая пуля сияла, как только что отлитая. При более близком рассмотрении тонкие завитки на поверхности металла сложились в бесхитростную пасторальную сцену: дом в колониальном стиле, стоящий на небольшом зеленом лугу в окружении яблонь, большой ухоженный огород, пастбище, усеянное белыми овцами. Пока я вглядывался в изображение, оно ожило. Ветер шевелил зелень на грядках. На фоне темно-зеленой листвы светлели зреющие яблоки. Ягнята резвились, носясь вокруг взрослых овец, – просто так, от избытка энергии. Дверь дома отворилась, и высокая стройная женщина с волосами темнее воронова крыла вышла на крыльцо, ведя за собой стайку ребятишек и явно раздавая им указания.

При виде этой картины на меня накатила волна эмоций. В первую очередь гордость – не за то, что у меня такой красивый дом, а за то, что дом был красив, потому что принадлежал мне, потому что я выстроил его таким. С этим смешивались глубокое, как океан, чувство любви к женщине и ее детям, необузданное счастье от возможности их видеть – и приятное, острое желание, направленное на ту, которую я совсем скоро смогу обнять...

Я вдруг почувствовал, что вторгся в чужие, глубоко личные воспоминания. Я закрыл глаза и отвернулся.

Воспоминания, сообразил я. Это все из воспоминаний сэра Стюарта. Именно их он использовал против привидений при нашей первой встрече. Оружием для него стали не воспоминания о войне или разрушении, а те, что он ставил дороже всего, – те, за которые он готов был сражаться.

Вот почему он использовал в бою тот топор, этот пистолет. Никто не мешал ему воссоздать намного более совершенное оружие, но в своих воспоминаниях он пользовался именно таким, поэтому оно и стало источником его силы, воплощением его стремления изменить окружающее.

Они олицетворяли самого сэра Стюарта. В них заключалась его магия. Воспоминания равнялись силе.

Некоторое время я еще сомневался, что все так просто. Однако изрядная часть магии и впрямь сравнительно проста – только не путайте простоту с легкостью.

Выяснить я это мог только одним способом.

Первое в моей жизни заклятие, которое сотворилось у меня на тех давних школьных соревнованиях, вышло случайно, по совпадению. Его и магией-то можно назвать лишь с натяжкой. Первое заклятие, которое я сложил сознательно, целенаправленно, вызвало к жизни огонь.

Этому меня научил Джастин Дю Морне.

Я вспомнил тот вечер.

– Я не понимаю, – жаловался я, растирая виски, в которых пульсировала боль. – Если не получилось в прошлые пятьдесят раз, с чего бы ему получиться сейчас?

– Сорок шесть раз, – поправил меня Джастин, как всегда спокойно.

Он говорил с легким акцентом, но я никак не мог уловить, каким именно. По телевизору я такого не слышал. У самого Джастина телевизора не было. Мне приходилось каждый пятничный вечер удирать в магазин электроники, располагавшийся в торговом центре, чтобы посмотреть очередную серию «Рыцаря дорог», – я очень боялся упустить сюжетную нить.

– Гарри, – произнес Джастин.

– Ладно, – вздохнул я. – У меня голова болит.

– Это вполне естественно. Ты прокладываешь в своем сознании новые тропы. Будь добр, еще раз.

– А могу я прокладывать тропы где-нибудь в другом месте?

Джастин посмотрел на меня из-за своего рабочего стола.

Мы сидели у него в кабинете, как он называл одну из гостевых спален в небольшом доме примерно в двадцати милях от Де-Мойна. Как почти всегда, одежду его составляли черные брюки и серая рубашка. Бороду свою он подстригал довольно коротко, безукоризненно ровно. Руки его с очень длинными, изящными пальцами могли сжиматься в твердые как камень кулаки. Ростом он был выше меня – как и большинство взрослых в то время – и никогда не обзывал меня обидными словами, даже когда приходил в ярость. Этим он отличался от остальных приемных родителей, у которых мне довелось пожить.

Если я доводил Джастина до гнева, он вместо «будь добр» переходил к кулакам. Он никогда не бил меня с криком, никогда не тряс за ворот или за волосы, как поступали другие мои опекуны. Когда он меня бил, это каждый раз случалось молниеносно и очень точно, а затем все прекращалось. Как тогда, когда Брюс Ли на экране бьет врага. Только Джастин никогда не издавал при этом дурацких воплей.

Я отвернулся от Джастина, низко опустил голову, а потом посмотрел на потухший камин. Я сидел перед ним, скрестив ноги. В камине лежали шалашиком дрова и хворост. Оттуда исхо-

дил легкий запах дыма; подложенная под хворост мятая газета чуть потемнела в одном углу, но загораться упрямо не желала.

Краем глаза я видел, что Джастин снова углубился в свою книгу.

– Еще раз, будь добр.

Я вздохнул, закрыл глаза и попробовал сосредоточиться. Начинать надо с дыхания – оно должно быть ровным, размеренным. Потом, расслабившись, надо накапливать энергию. Джастин учил меня представлять в уме светящийся шар на уровне солнечного сплетения, разгорающийся все ярче и ярче, но это все ерунда. Вот когда это делал Серебряный Самурай, энергия сгушалась у него вокруг рук и глаз. Зеленый Фонарь накапливает ее в кольце. У Стального Кулака светятся кулаки – вот круто! Кажется, у Железного Человека что-то светится в груди, но он вроде как один такой, и у него все равно нет сверхсилы.

Я представил, как энергия накапливается у меня вокруг правой руки. Пусть будет там.

Я представил, как она разгорается ярче и ярче, как руку мою окутывает алая аура – словно у Стального Кулака. Я ощутил, как энергия покалывает кожу невидимыми булавками, заставляя волоски на руке встать дыбом. И когда я почувствовал, что готов, я подался вперед, сунул руку в камин и произнес как можно четче:

– Sejet!

И, говоря это, щелкнул кремнем зажигалки «Бик», которую прятал в правой руке. Огонек немедленно воспламенил газету.

– Погаси, – произнес Джастин почти над самым моим ухом.

Я дернулся и от изумления уронил зажигалку. Сердце заколотилось с частотой миллиард ударов в минуту.

Его пальцы сжались в кулак.

– Я не люблю повторять.

Я слотнул, полез рукой в камин и вытащил газету из-под дров. Я немного обжегся, но не так сильно, чтобы плакать или что-то в этом роде. С горящими от стыда щеками я потушил огонь руками.

– Дай мне зажигалку, – все тем же спокойным тоном произнес Джастин.

Я прикусил губу, но послушался.

Он взял зажигалку и несколько раз подбросил на ладони. На губах его играла легкая улыбка.

– Гарри, полагаю, такая изобретательность сослужит тебе хорошую службу, когда ты вырастешь. – Улыбка исчезла. – Но ты пока не вырос, мальчик мой. Ты ученик. Такие штуки сейчас не пройдут. Никак.

Он сжал кулак.

– Sejet! – прошипел он.

Рука его взорвалась, превратившись в шар ало-голубого пламени, по сравнению с которым энергия Стального Кулака показалась бы бледной подделкой. Я поперхнулся, уставившись на это. Сердце забило даже еще быстрее.

Джастин повертел рукой в воздухе, давая мне хорошенько убедиться, что это не иллюзия, – вся рука по локоть окуталась огнем.

Но не обгорала.

Джастин поднес руку к самому моему лицу – так близко, что жар едва не обжигал мне нос, но сам не морщился, и кожа его оставалась нетронутой.

– Если ты выберешь этот путь, рано или поздно у тебя получится, – спокойно произнес он. – Умение владеть стихиями. И, что более важно, умение владеть собой.

– Э-э-э... – подал я голос. – Что?

– Люди по природе своей слабы, парень, – продолжал он все тем же ровным голосом. – Эта слабость проявляется множеством способов. Например, сейчас ты хочешь закончить урок

и убежать на улицу. Даже зная, что полученные знания могут оказаться жизненно важными. И все равно тебе хочется сначала играть и только потом учиться.

Он вдруг разжал ладонь и уронил зажигалку мне на колени.

Я отпрянул, когда она коснулась моей ноги, и вскрикнул от неожиданности. Но красная пластмассовая зажигалка просто лежала на полу; огонь ее не повредил. Я осторожно коснулся ее кончиком пальца – она ни капельки не нагрелась.

– Вот сейчас, в эту минуту, – продолжал Джастин, – ты делаешь выбор. Наверное, он кажется тебе не таким уж важным и критическим, но в долгосрочной перспективе может стать именно таким. Ты выбираешь, быть ли тебе хозяином собственной судьбы, обладающим способностью творить из мира то, что пожелаешь, или ты просто пощелкаешь зажигалкой и останешься прежним. Непримечательным. Самодовольным. – Губы его скривились, и голос сделался едким: – Посредственным. Посредственность – страшная штука, Гарри.

Моя рука зависла над зажигалкой, но я не подобрал ее с пола. Я подумал над его словами.

– Вы хотите сказать, что, если у меня не получится, вы... отошлете меня обратно?

– Успех или неудача заклятия роли не играет, – ответил он. – Важно другое – победит или потерпит поражение твоя воля. Твое стремление преодолеть человеческую слабость. Твоя готовность работать. Учиться. Лентяев и прогульщиков я здесь не потерплю, парень. – Он сел на пол рядом со мной и кивнул в сторону камина. – Будь добр, еще раз.

Мгновение я смотрел на него, потом опустил взгляд на свою руку, на брошенную зажигалку.

Никто и никогда еще не говорил мне, что я особенный. Но Джастин сказал. Никто и никогда вообще не тратил на меня столько времени. Никто. Только Джастин.

Я подумал о том, что снова вернусь в государственные заведения – приюты, интернаты, детские дома. И вдруг мне по-настоящему захотелось, чтобы у меня получилось. Мне хотелось этого больше, чем ужинать, даже больше, чем посмотреть «Рыцаря дорог». Мне захотелось, чтобы Джастин гордился мной.

Я оставил зажигалку лежать на полу и сосредоточился на дыхании.

Я снова выстроил заклинание – медленно, очень медленно, сосредоточившись на нем сильнее, чем на чем-либо, что я когда-либо делал в жизни. А мне было почти тринадцать, так что это не совсем пустые слова.

Энергия сгущалась до тех пор, пока мне не начало казаться, будто у меня в животе разожгли костер, а потом я выплеснул ее через пустую, вытянутую перед собой руку.

– *Flickum bicus!* – произнес я вместо положенного египетского слова.

И оставшийся под дровами хворост занялся ярким огнем. Мне казалось, я в жизни еще не видел ничего прекраснее.

Я обмяк и едва не упал, хотя и так уже сидел на полу. На меня вдруг накатила болезненная волна слабости и голода, как однажды, еще в бытность мою воспитанником детдома, всех нас, сирот, повезли в аквапарк. Мне хотелось съесть ведро макарон с сыром и провалиться в сон.

Сильная рука с длинными тонкими пальцами поймала меня за плечо, не позволив упасть. Я поднял взгляд и увидел в темных глазах Джастина мерцающее тепло, которое не являлось лишь отражением разгоравшегося огня в камине.

– *Flickum bicus?* – спросил он.

Я кивнул и почувствовал, что снова заливаюсь краской:

– Ну да. Вы же сами сказали... про посредственность.

Он откинул голову назад и расхохотался. Потом взъерошил мне волосы рукой:

– Молодчина, Гарри. Молодчина!

Грудь мою распирало так сильно, что, казалось, я сейчас взлечу и ударюсь о потолок.

Джастин поднял палец, словно вспомнил о чем-то, подошел к столу и вернулся со свертком из коричневой бумаги. Он протянул его мне.

– Что это? – удивился я.

– Возьми, это твое, – ответил он. – Ты ведь выполнил урок.

Я озадаченно моргнул и разорвал пакет. Внутри обнаружилась бейсбольная перчатка «Уилсон».

Я смотрел на нее, не веря своим глазам. Никто еще не дарил мне подарка – ни предназначенного лично мне, ни просто какой-то случайной посылки с табличкой «МАЛЬЧИКУ», одной из тех, что благотворительные организации на Рождество передают в детдома. И это была классная перчатка. У Джорджа Бретта была похожая. Совсем еще маленьким я с отцом ходил на два матча «Канзас-сити ройялс», и это было потрясающе. Как и Бретт.

– Спасибо, – пробормотал я.

О, да ну же. Я готов был плакать, как девчонка. Я иногда веду себя так по-дурацки...

Джастин достал мячик, совершенно новый, белоснежный, и с улыбкой подбросил его в воздух.

– Хочешь, можем сходить опробовать.

Я чувствовал себя очень уставшим и голодным, но я же получил в подарок новенькую перчатку! Я несколько раз потыкал в нее рукой, пока не понял, какой палец куда совать.

– Ага! – сказал я, поднимаясь с некоторым трудом. – Давайте!

Джастин подбросил мяч еще пару раз и улыбнулся в ответ:

– Отлично. Когда с делами покончено, я думаю, бейсбол будет подходящей наградой.

Следом за ним я вышел из дому. Плевать, что я устал. Я почти летел.

Я открыл глаза. Я стоял на каком-то чикагском тротуаре, бестелесный и невидимый. Я повернул правую руку ладонью вверх и с надеждой сосредоточил на ней все свои мысли. На ней – и на воспоминании о той минуте торжества и радости.

– *Flickum bicus*, – прошептал я.

Огонь оказался таким же прекрасным, каким мне запомнился.

Глава 21

Пару часов я потратил на то, чтобы придумать, как мне сложить более или менее надежное поисковое заклятие. Несколько воспоминаний, способных напитать заклятие энергией, я нашел без труда; гораздо сложнее оказалось понять, каким именно образом установить связь с Молли. Обыкновенно я использую для тауматургии проверенные традиционные методы: прядь волос, свежую каплю крови, обрезки ногтей и так далее. Сейчас они бы мне не помогли. Даже будь они у меня, я все равно не смог бы их потрогать.

Поэтому, вместо того чтобы устанавливать контакт с Молли с помощью физических фрагментов ее тела, я попробовал использовать свои воспоминания о ней. Это подействовало – вроде как. Первое заклятие привело меня к гостинице, в которой когда-то устраивался фестиваль ужасиков под названием «Сплеттеркон!». Теперь здание стояло пустое, заброшенное. Наверное, иски, поданные к владельцам гостиницы после смерти нескольких человек в результате нападений фобофагов³, довели ее до банкротства. Я наскоро обыскал дом, уже почти не морщась при прохождении стен и перегородок. За исключением нескольких бродяг, вломившихся в пустующий дом и устроивших в нем временное жилище, я не нашел никого.

Я обдумал свои действия. Воспоминание, которое я использовал, застряло у меня в голове по ряду причин – в первую очередь потому, что Молли бывала в этом здании. Должно быть, это и сбило заклятие. Слишком уж в моем воспоминании Молли была связана с этим местом.

³ *Фобофаги* – существа, питающиеся страхом. Дрезден впервые столкнулся с ними в романе «Доказательства вины».

Я попробовал еще раз, но теперь отбросил антураж и поместил Молли на пустом черном фоне. Вторая попытка привела меня к полицейскому участку, куда я ездил однажды вносить залог за Моллиного приятеля. Я сразу сообразил, что меня вновь постигла неудача, но на всякий случай проверил. Молли здесь не оказалось.

– Ладно, умник, – сказал я себе. – Что, если образы-воспоминания, которые ты использовал, просто устарели? Ты устанавливаешь связь воспоминания-личности с воспоминанием-местом. Значит, если ты хочешь выяснить, где она сейчас, ты должен представить ее такой, какая она сейчас. Верно?

– Теоретически да, – ответил я сам себе.

– Отлично. Вот и проверь эту теорию.

Ну да. Обсуждение проблемы с самим собой – не лучший способ сравнивать альтернативные точки зрения.

– Если подумать, разговоры с самим собой часто считаются признаком психического расстройства, – заметил я вслух.

Что не слишком ободряло.

Я отбросил эту не самую приятную мысль и принялся складывать заклятие еще раз. Теперь я постарался представить себе Молли не из моих прошлых воспоминаний, а такую, какой она запомнилась мне после нашей последней встречи. Я представил ее в поношенной одежде и лохмотьях, какой она приходила к Мёрфи.

Превратить воспоминание в образ, способный поддержать необходимую для заклятия энергию, вовсе не так просто, как если бы вы закрыли глаза и принялись воображать всякое. Вам необходимо воссоздать в памяти образ с максимальной, даже педантичной точностью, добавляя деталь за деталью до тех пор, пока он не возникнет у вас в мозгу как настоящий. Для этого требуется уйма опыта и энергии – вот почему люди, занимающиеся магией, обычно используют для этой цели реквизит. Он может выполнять функцию якоря, избавляя автора заклятия от необходимости создавать в уме не одно, а несколько ментальных построений, а также поддерживая их все в состоянии предельной концентрации.

Я учился магии в самом сложном ее варианте – пользуясь исключительно собственной головой. Только когда я доказал, что в состоянии делать это без всякого реквизита, Джастин рассказал мне, что того же самого можно добиться гораздо проще. На протяжении многих лет я как минимум раз в сезон упражнялся в сложных тауматургических заклятиях без реквизита, развивая концентрацию и воображение. И, как выяснилось, очень кстати. Заниматься магией, будучи призраком, оказывается, можно только так.

Я порылся в памяти в поисках образа, отображающего Молли для поискового заклятия. Накануне у Мёрфи я в основном следил за событиями, уделяя меньше внимания тому, в каком виде пребывает Молли. Я видел, конечно, что она испытывает сильный стресс, но только теперь, воссоздавая ее в памяти, пришел в ужас от того, насколько изможденной и уставшей она выглядела. Молли всегда принадлежала к тем молодым людям, которые почти светятся крепким здоровьем. Полгода самостоятельной жизни превратили ее в подобие беглянки из концлагеря – исхудавшей, озлобленной, побитой, если не сломленной.

Я принялся дополнять этот образ деталями. Я представил себе ее жизнерадостный и добродушный характер, чувство вины, которое она все еще иногда испытывала из-за боли, что причинила своим друзьям в те дни, предшествовавшие моему согласию взять ее в ученицы. Я подумал о ее ответственном, почти дотошном отношении к занятиям, так сильно отличающемся от моего собственного. О ее прилежании и время от времени проявляемом высокомерии, которое присуще почти каждому начинающему чародею, пока он не набьет достаточно шишек. Я подумал о главной движущей силе в ее жизни – глубокой и неизменной любви к своей семье – и добавил к этому то чувство опустошенности, которое она, должно быть, испытывает, живя в разлуке с ними. Страстная, прекрасная, опасная Молли.

Удерживая в голове образ моей ученицы, я сконцентрировал волю и подключил к этому воспоминание об одном из самых эффективных своих поисковых заклятий. Я почувствовал, как складывается его структура, как оно наполняется энергией, слегка модифицировал его, а потом, пробормотав слово заклинания, высвободил эту энергию.

Сила заклятия подхватила меня и начала настойчиво поворачивать вокруг оси. Я вытянул перед собой левую руку с выставленным указательным пальцем и продолжал вращаться. Всякий раз, когда я поворачивался лицом к востоку, невидимая сила тянула палец магнитом в ту сторону. Через несколько секунд я остановился, миновав эту точку на несколько градусов, а потом крутанулся в противоположную сторону. Мой указательный палец показывал точно в центр города.

– На-кась выкуси, – буркнул я и последовал за заклятием искать Молли.

Я включил свой режим исчезания и понесся по городу большими скачками, по несколько сотен ярдов сразу. Дважды я задерживался, чтобы повторить заклятие и скорректировать направление движения, хотя к третьему разу начал ощущать себя человеком-флюгером. По мере приближения к центру города мне приходилось останавливаться все чаще, чтобы не сбиться с верного курса. В конце концов дорога привела меня к Петле, где дома растут так высоко, что улицы превращаются в глубокие овраги или, точнее, рукотворные каньоны из стали, стекла и камня.

Я не слишком удивился, когда заклятие привело меня на нижние улицы. Некоторые улицы в центре Чикаго имеют два или даже три уровня. Одна – вроде как парадная – наверху, а остальные прямо под ней. У многих зданий и входы расположены на двух уровнях; то же самое относится и к парковкам. Это удваивает количество возможных доступов в здания.

А еще здесь полно пустых пространств, псевдопереулков, переходов и туннелей, пробираться по которым можно только ползком. Тут и там темнеют в ожидании перестройки и новой жизни пустующие помещения полуподвалов и подвалов. Сюда могут открываться аварийные выходы из туннелей метро, и здесь же находятся несколько входов в безумный, смертельно опасный лабиринт, что расположен под городом и известен как Нижний город, Подземье или даже Преисподняя.

Чикагская полиция регулярно патрулирует эти нижние улицы. Здесь же разгуливают в темноте всякие твари, просочившиеся из Подземья. На этих улицах даже имеется автомобильное движение, хотя мостовая зачастую отделена от тротуара всего лишь полосой выцветшей краски.

В общем, это не то место, куда человек в здравом уме отправится ради приятной прогулки.

Я нашел Молли в одном из узких переулков. Снег, падавший сквозь расположенную в двадцати футах над головой вентиляционную решетку, припорошил землю. Моя ученица была одета в те же лохмотья, что и накануне, и стояла, прижимая руки к животу и дрожа от холода. На щеке багровела свежая ссадина. Молли тяжело дышала.

– Еще раз, – произнес холодный, спокойный женский голос.

Источник его находился где-то дальше по переулку, вне моего поля зрения.

– Я уст-т-тала, – сказала Молли. – Я н-не ела п-полтора дня.

– Бедняжка. Не сомневаюсь, смерть отнесется к тебе с пониманием и согласится компенсировать тебе это время.

Послышался резкий шипящий звук, и Молли выбросила вперед левую руку с растопыренными пальцами. Она выкрикнула слова заклинания, и от ее пальцев разбежалось искрящееся полотно защитной энергии.

Способности к оборонительной магии у Молли отсутствуют почти начисто, но этот щит, наверное, получился лучшим из всех, какие Кузнечнику удавались на моей памяти.

Вращающийся белый шар ударил в защитное поле. Ему полагалось бы отскочить или разбиться о щит, но вместо этого он пролетел дальше, едва изменив направление. Шар угодил Молли в левое плечо и взорвался тучей сверкающих, как алмазы, ледяных осколков. Молли издала короткий, резкий стон боли и пошатнулась.

– Сосредоточься, – произнес спокойный женский голос. – Используй боль. Выстраивай щит из своей воли. Ты должна знать, что он тебя защитит. Еще раз.

Молли смотрела на говорившую, стиснув зубы. Но вместо того чтобы спорить, она снова подняла левую руку, и почти сразу же в нее полетел очередной ледяной шар. Этот тоже пробил защитное поле, но траектория его полета изменилась заметнее, чем в прошлый раз. Он пролетел мимо Молли, только чуть задев ее рукав.

Она ахнула и, задыхаясь, припала на колено. Магия выматывает силы любого, кто ею занимается, а недостаточно подготовленных она утомляет еще быстрее.

Я поехал, глядя на Молли в таком состоянии. Я знал, каково ей сейчас. Когда Джастин начал учить меня создавать оборонительные щиты, он бросал в меня бейсбольные мячи изо всех сил. Если щит не выдерживал, мячик врезался в меня на скорости больше восьмидесяти миль в час. Джастин говорил, что боль – отличный стимул и что это упражнение – лучший способ преуспеть.

Когда я сам начал учить Молли тому же, я не использовал ничего тверже рыхлых снежков и гнилых фруктов.

– Что ж, на сегодня достаточно, – произнес женский голос. – Завтра попробуем с ножами.

Молли вздрогнула и опустила взгляд.

Говорившая медленно вышла из переулка и остановилась рядом с моей ученицей.

Это была моя фея-крестная. Леанансидхе.

Леа была немислимо прекрасна, но ее красота – жесткая, голодная, опасная – всегда напоминала мне красоту охотящейся кошки. Высокая, бледная, с волосами цвета осенних листьев на закате. Чуть заостренные кончики ушей, возможно, она подправила сама с целью оправдать ожидания смертных. На ней было длинное платье из зеленого шелка, явно не по сезону и не по погоде. Впрочем, как одна из самых могущественных сидхе Зимней династии, она вряд ли вообще замечала холод.

Она протянула руку и коснулась кончиками пальцев Моллиных волос.

– Зачем? – едва слышно спросила Молли. – Зачем вы делаете это со мной?

– Долг, детка, – отвечала Леа. – Исполнение обязательств, дело чести.

– Вы обещали это Гарри?

– Отнюдь, детка. Не я. Не я, но моя Королева в силу древних законов и обычаев имеет свои обязательства по отношению к нему. Она повелела мне продолжать твоё обучение искусству, а боль – идеальное средство обучения.

– Гарри в это не верил, – возразила Молли ломким голосом. – Он никогда не причинял мне боли.

Леанансидхе наклонилась и схватила мою ученицу за подбородок, резко подняв ее лицо, чтобы та посмотрела в ее зеленые нечеловеческие глаза.

– Значит, он ввел тебя в серьезное заблуждение, детка, – ответила она, чеканя каждое слово. – Он лишил тебя наследия, ради которого жил и страдал. Я обучаю тебя не узлы вязать и не пирожки печь. Я готовлю тебя к бою, чтобы ты вышла из него живой.

– Я знаю, что такое бой, – возразила Молли.

– Да. И вышла из него раненой. Простым смертным солдатом, – с презрением в голосе добавила Леа. – Ты едва не умерла, что стало бы ужасным унижением для твоего наставника и, следовательно, для моей королевы.

– Какое это имеет значение для Мэб? – с горечью проговорила Молли. – Он мертв.

Леа вздохнула:

– Почему смертных всегда так волнуют мелкие частности? В конце концов, это становится утомительным.

– Я не понимаю, – призналась Молли.

– Твой наставник принес присягу верности моей королеве. Такие клятвы не даются просто так – они накладывают взаимные обязательства на обе стороны. Незначительные обстоятельства не освобождают ни одну из них от своих обязательств.

– Его смерть – незначительное обстоятельство?

– Если на то пошло, – невозмутимо ответила Леа, – разумеется, незначительное. Все вы смертны. Даже у чародея жизнь коротка, ничтожно коротка, с точки зрения бессмертного. Точно так же помощь королевы тем, кого ее вассал знал при жизни, является совершенно незначительным обстоятельством. Проживи ты еще триста лет, для Королевы Воздуха и Тьмы это будет не больше чем затянувшееся время года.

Молли закрыла глаза:

– Он заставил ее пообещать заботиться обо мне?

Леа повернулась к ней, явно озадаченная:

– Нет, конечно нет, детка. Он принес ей присягу верности. Она одна из сидхе. Клятва связывает ее так же крепко, как и его. Так же как тогда, когда я, – Леа вздрогнула, – была не в состоянии исполнять свои обязанности по отношению к молодому Дрездену, их исполняла Мэб до тех пор, пока я не смогла делать это сама. Вот и сейчас она делает то же самое по отношению к тебе – используя для этого меня.

Молли провела рукой по глазам. Потом тряхнула головой и медленно поднялась на ноги.

– А он знал? Я имею в виду... Он знал, что Мэб сделает это?

– Я мог бы об этом подумать, – тихо сказал я. – Если бы у меня было время подумать об этом хотя бы пару минут, я бы это сообразил...

Но ни та ни другая меня не слышали.

– Я хорошо знала мальчика, – ответила Леа. – Лучше, чем ему казалось. Не одну ночь я следила за ним, охраняла его, а он об этом и не догадывался. Но ни в разум его, ни в сердце я доступа не имела.

Молли медленно кивнула. Долгое мгновение она молча смотрела на Леа. Моя крестная молча наблюдала за ней.

– Его тень в городе, – сказала Молли. – Ищет того, кто его убил.

Красно-золотые брови Леа взметнулись вверх. Я редко видел, чтобы она так откровенно выдавала свою реакцию на что-либо.

– Это... представляется маловероятным.

Молли пожала плечами:

– Я использовала Зрение. Это его призрак, никаких сомнений. Подделка бы от меня не укрылась.

– Спустя шесть месяцев после смерти? – пробормотала Леанансидхе. – Тени редко встают по истечении времени года, в которое они созданы, а его убили прошлой осенью... – Глаза ее сощурились. – Любопытно... – Она склонила голову набок, глядя на Молли. – Как ты себя чувствуешь?

Молли поморгала: этого вопроса она явно не ожидала.

– Мне нужно свернуться в клубок и поспать неделю без перерыва. Я умираю с голоду. Я замерзла. Мне кажется, я простудилась. Все болит. Я бы... – Молли осеклась и уставилась на Леа. – А почему вы спрашиваете?

Вместо ответа сидхе лишь улыбнулась.

Послышались шаги – тяжелые, торопливые, – и в дальнем конце переулочка показалась небольшая толпа. Она состояла из угрожающего вида мужчин, вооруженных кто огнестрельным оружием, кто клинком, топором или палицей. Объединял их только цвет одежды – чер-

ный; казалось, все они прибрахлились в одном магазине. А еще – все до одного щеголяли в водолазках. Жутковатое зрелище.

– Прислужники, – прошипела Молли. – Как они нашли меня здесь?

– Это я подсказала им, где искать, – невозмутимо сказала Леа.

Молли вихрем повернулась в ее сторону:

– Вы... что?

– Я не делилась твоим местоположением с самими фоморами, детка. Только с некоторыми из их сторожевых псов. Они полагают, что если отловят тебя и выдадут фоморам, то получат почет и славу. И я не дала им времени, чтобы связаться со своими хозяевами, так что никаких инструкций они не получали. – Она улыбнулась, продемонстрировав небольшие острые клыки. – Страшная порой это вещь – инициатива низшего звена.

Молли с отвращением сморщила нос:

– Поверить не могу.

Два десятка вооруженных громил продолжали приближаться с неспешностью профессионалов, которые не суетятся, сохраняя ровное расстояние. Все испепеляли Молли злобными взглядами.

Леа улыбалась, сделавшись практически незаметной:

– Отличное упражнение, детка. – Она исчезла окончательно – в лучших традициях Чеширского Кота, только вместо улыбки за ней остался голос: – Посмотрим-ка, чему ты научилась.

Глава 22

– Чему я научилась... – чуть слышно буркнула Молли. – Ладно, если повезет, рано или поздно я покажу тебе, сучка костлявая, чему я научилась.

А потом сосредоточилась на неприятеле, сделала глубокий вдох, в точности как я учил ее бороться со стрессом, и полностью успокоилась. Потом медленно, шаг за шагом, начала отступать. Грамотный ход. Повернись она и пусться в бегство – это спровоцировало бы немедленную погоню. Вместо этого парни в водолазках сохраняли профессиональное спокойствие, неспешно надвигаясь на нее массой мышц и оружия. Все, чтобы убить одну изможденную девушку.

Черта с два! Ничего такого с моей ученицей произойти не должно.

Я еще не пробовал в своем новом состоянии заниматься боевой магией, но решил, что принцип вряд ли отличается от того, что я делал только что с тауматургией. Поэтому я воскресил в памяти особо мощное заклятие – когда я вышвырнул обезумевшего луп-гару сквозь стену одного здания, а в придачу еще и сквозь весь дом, стоявший через улицу. А потом отбросил все детали, кроме самого потока энергии, и исчез, чтобы возникнуть перед наступавшими прислужниками.

– Fuego! – рявкнул я.

Шквал огня и голой кинетической энергии вырвался из моей правой руки, ударил в первый ряд вражеского строя с силой разогнавшегося локомотива...

...и прокатился дальше, не оказав на них совершенно никакого воздействия. Даже одежду не потрепал.

– Ох, да ну же! – взвыл я. – Это несправедливо!

Я все еще не мог коснуться их, не мог помочь.

Молли противостояла им в одиночку.

Она продолжала пятиться до тех пор, пока не миновала переулок и не оказалась на маленькой парковке, окруженной бетонными стенами и открытой сверху. Там стояло с полдюжины машин и мотоцикл, а еще высились два больших сугроба. Две двери в бетонных стенах

запирались на магнитные замки и открывались картой, – наверное, через них попадали на стоянку владельцы машин. Четвертый проем вел на соседнюю улицу, где на стенах играли желтые отсветы фонарей.

Молли вышла на середину стоянки, огляделась и кивнула.

– Ну что, ребята! – громко произнесла она. – Я вижу, шансы на то, что мы обсудим это за чашкой кофе у «Денни», малы? Жаль, а то жрать жуть как хочется.

Один из «водолазок» – предположительно вожак – выступил вперед:

– Подчинись воле наших господ, и боль твоя будет недолгой.

– Ага, – удовлетворенно кивнула Молли, подвигала шеей, будто ей жал шарф, и насмешливо бросила говорившему: – Ах ты, моя черничка...

«Водолазка» склонил голову набок, недоуменно нахмурившись.

Молли послала ему воздушный поцелуй.

Порыв ветра, налетевший с соседней улицы, взметнул полы ее длинного пальто, разворошил лохмотья, затрепетавшие, как флаги, – и тут она взорвалась.

Все произошло так быстро, что я даже не сразу понял, что происходит, а тем более не ожидал того, что случилось потом. Там, где только что стояла моя ученица, возникло с полдюжины одинаковых высоких фигур в лохмотьях, которые тут же разбежались кто куда.

Одна Молли бросилась в сторону, выставив перед собой обе руки с зажатými в них кольцами 1911 года, и их «бам-бам-бам» звучало в ушах хорошо знакомой музыкой. Другая прокатилась по площадке колесом и исчезла за припаркованной машиной. Еще две зеркальным отражением друг друга разбежались к дверям, вставили карты в слоты замков и шмыгнули внутрь зданий. Пятая Молли нырнула за сугроб и почти сразу же появилась обратно с дробовиком, из которого открыла по «водолазкам» огонь. Шестая подбежала к стоявшему на стоянке мотоциклу, подняла его с такой легкостью, словно это пластиковая игрушка, и швырнула в наступающих.

Я стоял разинув рот. Само собой, я знал, что девчонка сильна по части наведения иллюзий, но... адские погрешности! Возможно, мне удалось бы навести одну иллюзию из тех, что наводила сейчас Молли. Однажды я справился с сотворением двух, несмотря на многие опасные отвлекающие факторы. Она только что проделала это с шестью. Одновременно. И в придачу экспромтом, без подготовки.

У меня похолодело в желудке.

«Водолазки» тоже явно растерялись. Те, у кого были пистолеты, открыли ответный огонь, и все рассыпались в поисках укрытия. Мотоцикл, пролетев сквозь их ряды, не нанес вреда никому, хотя грохот от его падения прозвучал столь убедительно, что я даже ушам не поверил. Стволы рывкнули несколько раз, а потом все иллюзорные Молли попрятались за сугробы и машины.

Я стиснул зубы:

– Ты ведь не деревенщина какая, Дрезден. У тебя есть пропуск за кулисы.

Я наклонил голову, коснулся пальцами лба и otvorил Зрение.

Все окружающее разом сменило цвет – из зимнего черно-белого оно превратилось в буйную композицию ярких акварельных пятен. Кляксы магии в воздухе отмечали следы Моллиных заклятий – она высвободила уйму энергии в считанные секунды, причем проделала это на грани измождения. Я слишком хорошо знаю, что это такое, по собственному опыту, поэтому понимал, что вижу перед собой.

Теперь я ясно различал иллюзии, – собственно, именно по этой причине чародеи Белого Совета не придают большого значения иллюзионной магии. Она напрочь лишена смысла против любого, обладающего Зрением, что можно сказать и по-другому: против любого члена Совета.

Но против этой шайки хипстеров – или эмо... или как еще назвать этих лузеров? – действовала, и очень даже неплохо.

Укрывшись за почти идеальной завесой, Молли стояла совершенно неподвижно, практически на том же месте, что и в начале конфликта. Она развела руки в стороны, и пальцы ее чуть шевелились, но лицо оставалось застывшим, абсолютно бесстрастным, с устремленным в пространство взглядом. Она словно вела кукольное представление, только ее марионетками были иллюзии, танцующие на ниточках ее воли и мысли.

Иллюзорные версии Молли виделись мне теперь чуть прозрачными и зернистыми, как в кино времен моего детства. Мотоцикл все это время оставался на месте: по воздуху летела иллюзия, а настоящий прятался за наскоро наведенной завесой.

«Водолазки», однако, явно не собирались отступать перед полудюжиной молодых женщин, даже если те вдруг появились из ниоткуда, хорошо вооруженные и, по-видимому, обладающие сверхчеловеческой силой. По короткой команде вожака они пятерка за пятеркой перебежали от машины к машине, от сугроба к сугробу, двигаясь с легкой, гибкой грацией, какую обычно видишь у олимпийских чемпионов или в кино о боевых искусствах. Да и та пугающая целеустремленность, с которой они это делали, выдавала в них закаленных ветеранов. Эти люди явно знали главное правило войны: убей первым, если не хочешь, чтобы убили тебя.

Стоит хотя бы одному из них приблизиться к Молли, и все кончится.

Я подумал о том, каково это было бы – увидеть смерть ученицы с открытым Зрением, и едва не пошатнулся. Случись такое, и я никогда уже не отделаюсь от этого ужаса. Это не оставило бы от меня ничего. Только чувство вины. И гнева.

Я поспешно убрал Зрение.

– Должно быть, это трудно, – произнесла моя крестная, неожиданно оказавшись рядом со мной, – наблюдать за чем-то подобным, не в силах повлиять на результат.

– Ай, черт! – выпалил я, подпрыгнув от неожиданности. – Звезды и камни, Леа, – пробормотал я сквозь зубы, придя немного в себя, – так вы меня видите?

– Ну разумеется, сэр Рыцарь, – отозвалась она, сверкнув зелеными глазами. – Как бы я смогла исполнять свой долг – следить за духовным ростом и развитием моего крестника, – не будь я в состоянии видеть и слышать духов вроде тебя?

– Но вы ведь всего пару минут назад узнали, что я здесь. Или не так?

Она рассмеялась – совершенно искренне, но звук все равно получился довольно злоеущий.

– Я вижу, твоя способность схватывать очевидное осталась весьма реальной – даже при том что о тебе самом этого не скажешь.

Стена сине-зеленого огня высотой футов семь вдруг выросла и разбежалась в обе стороны, перегородив стоянку примерно посередине между всеми Молли и «водолазками». Огонь издавал жуткий визг, и в его языках плясали и корчились чудовищные рожи.

Я пораженно моргнул. Что за черт?

Такому я девочку не учил.

Леа прищелкнула языком, наблюдая за представлением:

– Она не без способностей, но полна юношеских страстей. Она стремится к развязке, не выстроив ничего похожего на должное напряжение, что помогло бы чему-то столь... явному и откровенному... действовать эффективно.

Я не до конца понял, что моя крестная имеет в виду, но решил, что сейчас неудачный момент просить у нее объяснений...

А впрочем, почему?

Если подумать, что еще я мог сделать?

– Что вы хотите этим сказать? – спросил я как можно более вежливо. Мне почти удалось не скрежетать при этом зубами.

– Такое... – она брезгливо скривила губы, – открытое и вульгарное зрелище, как эта стена огня, достойно лишь пугать детишек или появляться в кинолентах Голливуда. Будучи грамотно выстроенными в удачный момент, они способны на короткое время напугать неприятеля, но во всем остальном бесполезны. И, само собой, выдают неважный вкус. – Она неодобрительно покачала головой. – Настоящий ужас куда тоньше и изощреннее.

Я смерил крестную пристальным взглядом:

– Что?

– От завес немного толка, если на земле лежит снег, – пояснила она. – Следы, видишь ли. Скрыть такое количество индивидуальных вторжений в ландшафт довольно трудно. Поэтому, чтобы выжить, она должна выбрать другой способ.

– Остановите это. Вы же дождетесь, пока ее убьют! – возмутился я.

– О детка, – с улыбкой отвечала Леанансидхе, – я занимаюсь этим очень, очень давно. Любое обучение включает в себя элементы риска.

– Угу, – кивнул я. – И посмотрите, что произошло с вашим последним учеником.

Глаза ее блеснули.

– Да. Из какого-то перепуганного ребенка он за считанные годы превратился в оружие, начисто сокрушившее одну из влиятельнейших мировых сил. Благодаря моему ученику от Красной Коллегии остались одни руины. И отчасти это моя рука вылепила его.

Я стиснул зубы еще крепче:

– И вы хотите проделать то же самое с Молли?

– Не исключено. У нее талант к версимиломании.

– Верси... чему?

– К наведению иллюзий, – объяснила Леа. – У нее есть талант, но ее непонимание того, что значит по-настоящему наводить ужас, вызывает у меня отчаяние.

– Так вот чему она у вас учится? Страху?

– В том числе.

– Вы не учите ее, крестная. Учителя так не делают.

– Что есть педагогика, если не искусство растить и вскармливать силу? – отозвалась Леа. – Смертные любят трепаться о редких приступах озарения, о даре познания, но полагают, будто педагогика – такое же ремесло, как кузнечное дело, целительство или потчевание ложью с экрана телевизора. Но это не так. Это посадка ростков силы в новое поколение, и не меньше. Для нее – как и для тебя – занятия требуют реального риска. Если хочешь добиться успеха, конечно.

– Я не позволю вам превратить ее в оружие, крестная.

Леа выгнула дугой ало-золотую бровь и снова блеснула зубами:

– Тебе стоило подумать об этом при жизни, детка. Скажи, что именно ты сделаешь, чтобы помешать мне?

Я стиснул в бессилии кулаки.

Тем временем огненная стена смутила «водолазок» – но не остановила совсем. Возможно, ей просто не хватало высоты. На моих глазах трое из них подступили к стене. Двое сцепили руки, а третий с разбега встал ногой в получившийся замок, и первые двое подкинули его вверх и вперед. Он взмыл в воздух на два десятка футов и перелетел через огонь.

В верхней точке параболы он сделал сальто, приземлился и застыл, пригнувшись, с мачете в правой руке и пистолетом в левой. Он спокойно выпустил две пули в ту Молли, что пала из дробовика, и еще две – в другую, с пистолетами. Не успело стихнуть эхо выстрелов, как рядом с ним приземлился, перемахнув через стену, второй «водолазка», в котором я узнал вожака. Никакого оружия у него в руках я не увидел, но на его поясе висело несколько морских раковин, что наводило на мысль об опасном снаряжении, учитывая, к какого рода магии

имели отношение их хозяева-фоморы. Он так и остался пристально оглядываться по сторонам, пригнувшись, в то время как его партнер прикрывал его.

Молли-с-Дробовиком медленно осела на землю, так и продолжая рыться в кармане в поисках патронов. Тонкий слой снега под ней мгновенно покраснел от крови. Голова Молли-с-Двумя-Пистолетами дернулась назад, во лбу ее появилась темная дырка, и она тряпичной куклой повалилась в снег. Молли-Швырявшаяся-Мотоциклом вскрикнула и подхватила выпавшие из рук двойняшки пистолеты.

«Водолазка»-прикрытие вскинул пистолет, но вожак остановил его резким взмахом руки, и тот опустил оружие. Оба просто стояли, ничего не делая. Тем временем вооружившаяся Молли нацелила пистолеты и открыла огонь. Пули взбили два или три облачка снега, но ни одна из них так и не попала в цель.

Вожак кивнул сам себе и улыбнулся.

Дело дрянь. Он все понял. Одно дело – организованный отряд нехороших парней. Хуже, гораздо хуже организованный отряд нехороших парней, возглавляемый кем-то, способным сохранять в разгар боя хладнокровие и наблюдательность.

– А, сомнение, – пробормотала Леа. – Стоит только возникнуть подозрению, что здесь имеет место иллюзия, и продолжать уже нет особого смысла.

– Остановите их, – настаивал я. – Крестная, прошу вас. Остановите это.

Она повернулась и удивленно заморгала, глядя на меня:

– С чего бы это?

Вожак всмотрелся в снег, и я увидел, как его глаза проследили цепочку следов, оставленных Молли в самом начале конфликта. Потом он зашарил взглядом по сторонам, и я буквально увидел мысли, роящиеся у него в голове. Линия чуть припорошенных снегом, неровных – Молли пятилась задом – следов внезапно завершалась двумя совершенно четкими отпечатками рубчатых подошв. Единственная находившаяся в поле зрения Молли оказалась иллюзией, следовательно настоящая Молли не могла не находиться где-то рядом, поддерживая оставшиеся иллюзии вокруг него. Где она могла стоять?

Самым логичным местом для поиска казались, естественно, два последних отпечатка на снегу.

Вожак не спеша снял с пояса одну из ракушек, прошептал что-то, едва не касаясь ее губами, и отточенным движением, без видимого усилия подкинул в воздух. Раковина описала в воздухе дугу и упала в снег в паре дюймов от невидимых ног моей ученицы.

– Эх! – с сожалением вздохнула Леа. – Жаль. У нее был неплохой потенциал.

Я испепелил свою крестную самым свирепым взглядом и ринулся вперед.

Раковина начала излучать неприятный свет, желтый, как моча.

С Морти у меня получилось. Возможно, получится снова.

Я налетел на Молли, сосредоточил все свои мысли на том, как ее защитить, и почувствовал, как проникаю в нее весь, сливаясь с ней от ног до макушки (что, вообще-то, кажется бессмыслицей, с учетом того, что я намного выше ее, – вот вам еще один пример, что законы физики не обязательно применимы к духам).

Я вдруг ощутил себя безмерно утомленным, испуганным и одновременно эйфорически возбужденным. Я ощутил, как пляшут на нитях моей воли разнообразные иллюзии, требующие полной сосредоточенности. Ноги болели от напряжения и усталости. Ребра болели. Болели лицо и плечо.

А потом я понял, что задыхаюсь, и задался вопросом: что со мной, черт подери, происходит?

«Это я, детка, – подумал я как можно громче. – Не сопротивляйся мне».

Не знаю, что именно должно было произойти с ракушкой, но времени выяснять у меня не оставалось. Я поднял левую руку и направил в нее всю свою волю.

– Defendarius, – пробормотал я.

Вокруг нас с Молли вдруг засиял шар голубой энергии.

Ракушка светилась все ярче и наконец вспухла шаром ослепительного белого огня, ярким, как микроскопический атомный взрыв. Он ударил по нашему голубому шару с силой биты, лупящей по бейсбольному мячу. Голубой шар отлетел в воздух – вместе с нами, разумеется. Растопырив руки и ноги, я изо всех сил пытался удержать защитное поле. В отсутствие моего любимого браслета-оберега я не знал, как долго мне удастся это делать.

Шар врезался в машину и отлетел от нее в стену дома. При этом мы кувыркались как безумные, однако наши растопыренные руки-ноги не дали нам размозжить нашу общую голову о стенки шара. В конце концов мы откатились в угол стоянки, и, оглядевшись, я осознал, что иллюзии Молли исчезли. По моей вине. Защитное поле отрезало от них Молли, лишив возможности поддерживать их своей энергией.

Я поднял взгляд, увидел, что «водолазки» всей толпой приближаются к нам, и убрал поле, приземлившись на четвереньки. Сосредоточившись еще раз, я взмахнул рукой слева направо, пробормотал заклинание, и между нами и нехорошими парнями снова встала стена голубого огня.

Один из них презрительно фыркнул и спокойно шагнул в огонь.

Как я, кажется, уже говорил, я не слишком силен по части наведения иллюзий.

Зато по части огня я силен.

«Водолазка» даже не вскрикнул. Просто не успел. Когда огонь по-настоящему силен, вы не чувствуете жара. Ваши нервы сгорают, и все, что вы чувствуете, – это отсутствие сигнала от них. Вам становится холодно.

Он умер в огне, и он умер, замерзая. Головешка, выпавшая из огня назад в толпу, мало напоминала человека.

Что ж, это наконец привлекло их внимание.

Я стоял, удерживая остальных «водолазок» огнем. Жар растопил снег на асфальте, потом и сам асфальт начал пузыриться и плавиться, превратившись в полосу раскаленного битума. Такие фокусы требуют тяжелой работы, но чего-чего, а этого я никогда не боялся.

«Гарри, мне не хватает пространства», – услышал я мысль Молли, едва различимую из-за моей концентрации, которую я сохранял для поддержания огня.

Я стиснул зубы. Это было все равно что пытаться удержать до ужаса тяжелую дверь, на которую с другой стороны навалилось полдюжины людей. Я почувствовал нечто странное, что не смог распознать, но отмел непривычное ощущение в сторону, как и нараставшую усталость. Я не мог отвлекаться на мелочи – без полной концентрации мне не удалось бы удерживать «водолазок» подальше от Молли.

Нехорошие парни снова удивили меня. Они явно знали, что мало-мальски серьезные магические усилия не могут поддерживаться долго. Они не стали рисковать, посылая людей в огонь. Вместо этого они поступили мудро.

Они просто ждали.

Огонь полыхал еще минуту, потом еще одну, а когда заклятие начало слабеть, мое внимание привлекло еще кое-что.

Мигающие синие огни на соседней улице.

Взвизгнув тормозами, у въезда на стоянку остановилась патрульная полицейская машина, и двое копов – обоих я уже встречал прежде – выскочили из нее и, светя перед собой фонариками, зашагали в нашу сторону. Им хватило полсекунды, чтобы понять, что здесь происходит что-то странное, и к фонарикам мгновенно прибавились револьверы.

Прежде чем «водолазки» успели обратить оружие на полицейских, те уже укрылись за своей машиной. Я отчетливо слышал, как один из них вызывает по трещащей помехами радиации

подкрепление, группу быстрого реагирования и пожарных. Голос его звенел от напряжения и страха.

Я сообразил, что хихикаю, пусть и немного истерично. Я ухмыльнулся жожаку.

– Ну что, засранцы? – пропел я, немилосердно фальшивя. – Что дальше?

Молли тоже рассмеялась, из-за чего моя напряженность немного ослабла.

Еще несколько секунд жожак смотрел на меня без всякого выражения. Затем перевел взгляд на огонь, на булькающий битум и на полицейских. Потом поморщился и махнул рукой. Двигаясь очень слаженно, «водолазки» быстро отступили назад в переулок, из которого появились.

Только убедившись, что они ушли и не вернутся, я убрал огонь и осел на землю. С минуту я сидел так, ослепленный дискомфортом и усталостью, – похоже, я подозрительно быстро привык к их отсутствию. В нос били непривычный зимой запах горячего асфальта и примешивающаяся к нему вонь горелого «водолазки».

Я вздрогнул. Потом собрал остаток сил и выбрался из пространства, которое делил с Молли. Боль и усталость снова исчезли. Как и запахи.

Кузнечик зашарила взглядом по сторонам, заметив перемену.

– Подождите, Гарри, – сказала она, сунув руку в карман. Достала оттуда маленький серебряный камертон и стукнула им о землю. – С помощью этого я смогу слышать вас.

– Правда?

– Да без проблем, – ответила она. Язык ее чуть заплетался от усталости. – И видеть, если смотреть под нужным углом. И его удобнее таскать с собой, чем банку заговоренного вазелина.

– Давай-ка убираться отсюда, – предложил я. – Пока копы не набежали. Они давно уже мечтают запрятать тебя за решетку.

Молли мотнула головой.

– Детка, я понимаю, ты устала. Но надо уходить.

– Нет, – сказала она. – Нет никаких копов.

Я удивленно нахмурился:

– Что?

– Их и не было.

Я непонимающе моргнул, потом посмотрел на пустующий въезд на стоянку и невольно расплылся в улыбке:

– Это просто еще одна иллюзия. И «водолазки» купились на нее, потому что думали, что ты уже выдохлась с первыми шоу.

– Отлично, – промурлыкала Леа, снова возникнув рядом со мной.

Я дернулся. Еще раз. Черт! Терпеть не могу все эти внезапные появления.

– Нестандартная, но эффективная импровизация, мисс Карпентер, – продолжала она. – Особенно учитывая уровень сложности отвлекающих факторов и информированности неприятеля.

– Ага, я прямо рок-звезда! – устало выдохнула Молли. – Урок окончен?

Леанансидхе с улыбкой переводила взгляд с меня на Молли и обратно:

– Разумеется. Оба урока.

Глава 23

Вот вам доказательство, что ни возраст, ни опыт, ни мудрость – ни даже смерть – не могут стать гарантией от надувательства со стороны фэйри.

– Вы подставили ее, – гневно осведомился я, – чтобы проверить меня? В качестве урока для меня?

– Разумеется, нет, детка, – промурлыкала Леа. – В первую очередь это упражнение для нее.

Молли едва заметно улыбнулась:

– О да. Я чувствую себя гораздо более продвинутой после того, как меня едва не испепелили.

– Ты поняла, что твое выживание зависит пока от других, – ответила моя крестная; голос ее сделался резче. – Без помощи духа моего крестника ты была бы уже мертва.

– Что-то в этом роде могут сказать довольно много людей, – возразила Молли. – Принадлежать к их числу не стыдно.

Леа переводила взгляд с нее на меня и обратно.

– Дети! – фыркнула она. – Так много эмоций, так мало благодарности. Ладно, представлю вам самим обдумать ценность того, что я преподавала вам обоим нынче.

– Подождите-ка! – вмешался я. – Вы еще не уходите.

Леа смерила меня невозмутимым взглядом:

– Неужели?

– Нет. Сначала вы дадите Молли денег.

– С чего бы это?

– С того, что она голодна, устала, пережила ваш урок и ей необходимо поесть.

Леа царственно повела плечом:

– Какое мне до этого дело?

Я нахмурился:

– Если вы ее наставница, на протяжении образовательного процесса вы отвечаете и за ее физическое состояние. Тем более если вы замещаете в этом качестве меня – а я бы первым делом позаботился о том, чтобы накормить ее. Если же вы этого не сделаете, значит вы не преуспеете в исполнении этого долга.

Леанансидхе закатила глаза:

– Выходит, ты это время выбрал, чтобы придерживаться протокола, да, детка?

– Выходит, что так, – согласился я. – Не разыгрывайте дешевку. Гоните монету.

Ее зеленые глаза опасно сощурились.

– Мне не нравится твой тон, детка.

– Я сыт по горло вашими запугиваниями, – отозвался я, хотя голос мой прозвучал неожиданно спокойно и даже вразумительно, а не вызывающе. – Вы связаны обязательствами. Я просто предлагаю исполнять их должным образом. Платите.

Леанансидхе повернулась ко мне, и взгляд ее вспыхнул – то ли от злости, то ли от удовольствия. А может, и того и другого.

Молли заказала яичницу с ветчиной. И горячий шоколад.

Я сидел напротив нее, облокотившись на стол и опустив подбородок на руки. Руки не проваливались сквозь стол, потому что я так решил. На столе между нами стоял ее камертон, от которого исходило чуть слышное жужжание. Она сказала, что может меня видеть, если только я не буду смещаться слишком далеко вправо или влево.

Молли набросилась на еду с аппетитом голодного волка.

– Разве не ты всегда пыталась приучить меня к здоровому питанию? – поинтересовался я.

– Да идите вы! – откликнулась она с набитым ртом. – Там же долбаный ледниковый период. В топку нужно все время забрасывать жиры, белки и углеводы, чтобы температуру поддерживать.

– А знаешь, есть ведь еще способ ее поддерживать. Не торчать на улице.

Она фыркнула и некоторое время не обращала на меня внимания, целиком занявшись пищей. Я смотрел на нее со странным чувством. Я ведь довольно давно ее не видел. Приятно было наблюдать, как она утоляет голод благодаря тому, что сделал для нее я.

Наверное, духи тоже испытывают радость от мелких побед. Как и все остальные.

Я подождал, пока опустела тарелка.

– Итак. Зачем тебе понадобилось разыгрывать Офелию перед Мёрфи и компанией?

Она застыла, потом принялась вяло возить по тарелке вилкой.

– Это не... – Она медленно вздохнула и начала беспокойно шарить взглядом по залу. – Есть причина, и не одна.

– Я весь внимание, – напомнил я.

– Хорошо... Почему разыгрывать? – Она подцепила вилкой пару луковых колечек и сунула в рот. – Вот посмотрите на меня. Сiju здесь и разговариваю со своим мертвым наставником. И половина ресторана уже обращает на это внимание.

Я огляделся по сторонам. Действительно, на нее уже начинали оглядываться.

– Да. Правда, народу здесь немного.

Она хрипловато усмехнулась:

– Что ж, спасибо на этом. – Она поднесла чашку шоколада к губам и подержала так, с наслаждением вдыхая поднимающийся пар. – Ладно. Вы наконец-то во мне побывали. По правилам игры мне полагалось бы предложить вам сигарету.

Я поперхнулся и прочистил горло:

– Хм... Все было совсем не так, детка.

– Разумеется, не так, – кивнула Молли. Голос ее звучал резковато. – И не было никогда. Для вас.

Я помассировал затылок.

– Молли, когда мы с тобой познакомились...

– ...мне еще не нужен был лифчик, – договорила она.

– Дело также в твоём отце, – возразил я. – Майкл...

– Это дядя, которого у вас никогда не было. – Голос ее звучал спокойно, но я-то видел, что она готова сорваться. – Вы всегда искали его одобрения. Потому что он хороший, и если он отзывается о вас хорошо, значит вы еще не конченный человек.

Я насупился.

– Я этого не говорил, – заметил я.

Она посмотрела на меня сквозь завитки пара от чашки.

– Но все равно это так. Я еще лет в семнадцать это вычислила. Вы боялись, что если дотронетесь до меня, то лишитесь его уважения. И превратитесь из-за этого в какое-то чудовище.

– Я боялся, что лишусь своего уважения, – возразил я. – И не в чудовище, Молли. Просто в задницу.

– Пока я была ребенком, – продолжала она совсем тихо, – вы были правы. Но мне-то уже за двадцать, Гарри. Я не маленькая.

– Только не напоминай мне... – Я спохватился. – Так, анекдот бородатый. – Я взглянул на нематериального себя. – Однако с учетом всех обстоятельств...

Она сдула пар и сделала медленный глоток.

– Немного неуместно. Даже если бы вы были еще живы.

– Так даже забавнее, – возразил я.

– Это не вам видеть, как вся ваша семья стареет и умирает, Гарри. – Она произнесла это спокойно, констатируя факт. – Не только родители. Братья, сестры. Все. Другие чародеи начнут испытывать ко мне хоть какое-то уважение примерно тогда, когда Хоуп и маленький Гарри умрут от старости.

– Может, тебе повезет и тебя убьют раньше.

Она пожала плечами:

– Леа делает в этом направлении все, что в ее силах. Что будет, то будет. Пока в этом остается хоть какой-то смысл, такая смерть меня не пугает.

Я поежился – в основном оттого, что она говорила об этом так спокойно.

– А как насчет того, что после?

– Все умирают, Гарри, – возразила она. – Так что нет смысла ныть по этому поводу.

Я выждал несколько секунд.

– Самое время, – сказал я, – поговорить о том, что ты делаешь со своей жизнью. Это действительно важно.

Она запрокинула голову и издала утробный смешок. Это прозвучало совершенно естественно, но вот расширенные глаза и чуть застывшая улыбка выдавали напряжение.

– Ну да, конечно. – Она тряхнула головой и пристально на меня посмотрела. – Скажите, а вы всегда так делаете? Бросаете огонь таким образом?

Я непонимающе моргнул и попытался переключить передачи у себя в голове. Мне это удавалось явно хуже, чем ей. Кто-нибудь бестактный или бесцеремонный мог бы заметить, что Молли это проще вследствие отсутствия в голове означенных передач.

– Эм... Это ты о потасовке с фоморами?

– Они не фоморы, – поправила меня Молли. – Это смертные, слегка измененные фоморами. Их называют...

– Водолазками, – предположил я.

Она выгнула бровь:

– Вы с Мёрфи оба такие. Нет, их зовут прислужниками. Фоморы используют их тут и там. И вживляют им разные штуки. Жабры, дополнительные мышцы, ультразвуковые сенсоры, глаза ночного видения...

Я даже присвистнул:

– В общем, развлечения на любой вкус?

Она кивнула:

– Все эти странности превращаются в студень, стоит им умереть. Полиция называет их нестойкими.

Я тоже кивнул, стараясь поддерживать ни к чему не обязывающую болтовню:

– И много их здесь умирает?

– Это же Чикаго. Здесь все время кто-то умирает. И видели бы вы, Гарри, что творят эти... эти звери. Похищают людей прямо из постелей. Хватают детей, ожидающих школьного автобуса. Мучают людей до смерти – так, ради развлечения.

Голос ее дрогнул. Не то чтобы слишком драматично. Просто едва заметно сменил тональность, и паузы между предложениями сделались чуть напряженнее.

– И ты не можешь стоять, ничего не предпринимая, – кивнул я.

– Нет, – согласилась она. – Иначе все они начнут являться тебе во снах. Ну и...

– Ну?

Молли молчала. Я не торопил. Минут пять прошло, прежде чем она закрыла глаза и собралась с духом.

– Это просто, – прошептала она. – Это не должно быть так просто.

С формальной точки зрения сердца у меня больше не было. Поэтому оно никак не могло дернуться. Или разбиться.

Но смогло ведь.

– Первый подкупал копа. Золотыми монетами. Стоял со спортивной сумкой, в которой лежала связанная девочка, и платил копу, чтобы тот смотрел в другую сторону. – Она судорожно сглотнула. – Господи, вот бы мне быть такой, как вы... Такой же сильной. Вот из вас

энергия бьет, как из пожарного гидранта. А я так... водяной пистолетик. Даже не большой, а из самых маленьких. – Она открыла глаза и посмотрела на меня в упор. – Но и этого хватило. Они даже не поняли, что я стояла рядом.

– Молли, – мягко произнес я, – что ты сделала?

– Всего-то иллюзию. Простенькую. Сделала так, чтобы кошель с золотом выглядел в глазах копа как пистолет. Коп выхватил свой и застрелил его. А прислужник успел еще прожить достаточно, чтобы сломать полицейскому шею. – Она помахала в воздухе двумя пальцами. – Дуплетом. И всего лишь простенькая иллюзия.

Я поперхнулся. Хотел что-то сказать, но не смог.

Голос ее звучал все громче:

– Были и другие подобные случаи. Господи, да они сами облегчали мне задачу. Достаточно выбрать нужный момент и чуть подтолкнуть. Зеленый сигнал светофора вместо красного. Вложить нож в чью-то руку. Или надеть обручальное кольцо на палец. Или капнуть кровью на воротник. Они звери. Они сами друг друга поразывают. Как звери.

– Молли, – мягко произнес я.

– Я начала оставлять на них обрывки лохмотьев, – продолжала она. – Поначалу это причиняло боль. Я имею в виду, прикасаться к такому... опыту. Это все еще больно. Но это мой долг. Вы же не знаете, Гарри, что вы сделали для этого города.

– О чем это ты?

– Вы даже не представляете, сколько всяких тварей носа сюда раньше не казали, потому что боялись.

– Боялись? Чего?

Она посмотрела на меня так, словно сердце ее вот-вот разорвется:

– Да вас же, Гарри. Вы могли отыскать в этом городе все что угодно, только не замечали тени, которую сами отбрасывали. – Глаза ее наполнились слезами, и она раздраженно смахнула их рукой. – Всякий раз, как вы бросали кому-то вызов, всякий раз, когда вы одерживали верх над теми, кого теоретически не могли победить, ваше имя делалось все заметнее. И вашего имени боялись. Охотились в других городах – в тех, которые не защищал сумасшедший чародей Гарри Дрезден. Боялись вас.

До меня наконец дошло.

– Леди-Оборванка...

– Иногда это я, – кивнула Молли. – Иногда Леа. Она как ребенок, дорвавшийся до игрушек, когда выпадает ее черед. Я тоже создаю себе имя. Что-то такое, чего будут бояться. Я не могу делать то, что делали вы, Гарри. – Ее покрасневшие голубые глаза вдруг вспыхнули опасным, смертоносным огнем, и она стукнула по столу кулаком, подавшись ближе ко мне. – Но одно я могу. Я могу их убивать. Могу сделать так, чтобы эти отморозки меня боялись.

Она смотрела на меня, тяжело дыша. Потом медленно обвела взглядом помещение.

Все взгляды до одного были обращены на Молли. Официантка застыла с широко раскрытыми глазами, прижав к уху мобильник.

Несколько мгновений Молли молча смотрела на них.

– Господи! – произнесла она наконец. – Да у вас, люди, все в порядке. Вы даже не замечаете, если кто из них подберется к вам вплотную, чтобы вырвать из черепа все мысли до одной.

Она встала и забрала со стола свой камертон, оставив вместо него кучку мятых купюр. Потом ткнула пальцем в официантку:

– Положите телефон. А то чаевых не получите.

Телефон выпал у той из рук и с грохотом шмякнулся на пол.

– Видите? – Молли оглянулась в моем направлении. – Вот это я и делаю. И неплохо получается.

Я сидел оглушенный, не в состоянии придумать ничего, чем мог бы помочь или хотя бы утешить Молли.

Я смотрел вслед своей сумасшедшей ученице, выходявшей из безмолвного ресторана в морозную ночь.

Глава 24

Я брел по темным улицам, размышляя. Или, по крайней мере, пытаюсь размышлять.

При жизни, когда мне нужно было что-нибудь обдумать, я обычно шел прогуляться. Хорошо, когда тело испытывает здоровую физическую усталость: всякие умственные проблемы кажутся куда менее значимыми. Тела я, правда, лишился, но все равно не знал способа лучше, чтобы справиться с нараставшими, как снежный ком, проблемами.

Поэтому я шел, бесшумный и невидимый, и, опустив голову, лихорадочно размышлял.

Один-единственный факт жег меня, слепил мне глаза с яркостью огня, обжигавшего всех, кто меня окружал.

Под занавес, в самый важный момент я все профукал.

Я вырос сиротой – об отце у меня остались только обрывочные, неясные воспоминания. Мое детство вышло таким... никому не пожелаешь. По жизни мне попадались не лучшие люди. Худшим из всех стал Джастин. Настоящее чудовище.

Когда мне исполнилось шестнадцать или семнадцать, а боль от его предательства еще не прошла, когда я не сомневался, что ничего похожего на дом, друзей и семью у меня никогда не будет, я дал себе обещание: ни за что не позволю своему ребенку расти так, как довелось мне – по разным домам и семьям, легкой, беззащитной жертвой, без уверенности в себе и в завтрашнем дне.

Никогда. Ни за что.

Когда Сьюзен попросила меня помочь ей спасти Мэгги, я не колебался ни секунды. Эта девочка – моя дочь, и то, что я не знал о ней прежде, что никогда ее не видел, не меняло ровным счетом ничего. Она была плоть от плоти моей, кровь от крови, и она нуждалась в моей помощи. Ради этого можно и умереть.

Конец фильма.

Возможно, чтобы поступать так, у меня имелись веские причины. Возможно, я действовал с самыми благими намерениями.

Однако одних намерений, какими бы благими они ни представлялись, все же недостаточно. Намерения могут завести тебя туда, где, хочешь не хочешь, придется сделать выбор.

Именно выбор и имеет значение.

Ради возвращения дочери я переступил черту. Не просто переступил – перепрыгнул на всем скаку. Я заключил сделку с Королевой Воздуха и Тьмы, пообещав Мэб свою волю, всего себя в обмен на возможность бросить вызов Красному Королю и его жуткой коллегии. Глупый поступок.

Понятное дело, в тот момент у меня имелись оправдания. Меня прижали спиной к стене. Точнее говоря, мою спину об эту стену сломали. Всех, кто мог мне помочь, всех моих трюков и арсенала не хватало, чтобы справиться с этой задачей. Мой дом уничтожили. И мою машину. Я не мог даже стоять и передвигаться, не говоря уже о том, чтобы драться. И мне противостояла такая сила, что даже Белый Совет чародеев страшился выступить против нее.

В тот жуткий час я предпочел продать душу. А после этого повел ближайших своих друзей и союзников на совершенно безнадежное, самоубийственное – в этом не сомневался даже я сам – дело. Я знал, что такая битва не может не оставить жестокого шрама на психике Молли и что, даже если она уцелеет, прежней ей уже никогда не стать. Я рискнул двумя из трех бесценных мечей Креста, вверенных моему попечению. Я отправил их на бой, отчетливо осозна-

вая, что, случись мне проиграть, едва ли не самые могущественные орудия добра попадут в руки врага.

И когда я увидел, что чудовищный кровавый ритуал, замысленный Красным Королем с целью уничтожить меня, можно обернуть против самой Красной Коллегии, я без малейших колебаний воспользовался этим.

Я зарезал Сьюзен Родригес на каменном алтаре Чичен-Ицы и стер Красную Коллегию с лица земли. Я спас свою дочку.

И создал идеальную ситуацию для хаоса, захлестнувшего весь сверхъестественный мир. Конечно, внезапное исчезновение Красной Коллегии очистило мир от нескольких тысяч монстров, но в результате уже десятки тысяч других монстров получили возможность выйти на сцену, чтобы заполнить созданный мной вакуум. Меня пробрала дрожь при мысли, сколько чужих дочерей пострадало и погибло в результате.

И – прости меня, Господи! – я бы пошел на это снова. Зная, что это неправильно. Что это неблагородно. Что это жестоко. Я провел с моей дочерью меньше трех часов, но, если от этого зависела бы ее безопасность, я бы пошел на такое еще раз.

Как знать, может, Белому Совету стоит принять и Восьмой закон магии – закон непреднамеренных последствий?

Как измерить ценность одной жизни относительно другой? Можно ли уравновесить тысячи смертей одной-единственной? Даже если Мэб не хватило времени полностью подчинить меня, откуда мне знать, не изменило ли меня одно то, что я пересек черту? Не превратило ли это меня во что-то чудовищное?

Я вдруг понял, что стою на мосту Мичиган-авеню над рекой Чикаго. Ночь казалась светлой от выпавшего снега. Только вода подо мной темнела черной полосой, шепчущей тенью, этикие Стикс и Лета в одном флаконе.

Я оглянулся на окружавшие меня небоскребы. Эн-би-си. «Трамп». «Шератон». Они возвышались в ночи безукоризненно правильными кристаллами. В окнах мерцали золотые огоньки.

Я отвернулся от них и стал смотреть на Петлю, на так хорошо знакомый мне городской пейзаж. Движение на Мичиган-авеню ненадолго стихло. Горели фонари, мигал светофор. Свежий снег припорошил все, перекрасив обыкновенно грязно-бурый город в стерильно-белый цвет.

Господи, как красив мой город!

Чикаго. Безумный, жестокий, порочный, дышащий жизнью, артистичный, благородный, жесткий, великолепный. Полный жажды наживы, надежды, ненависти, страсти, волнения, боли и счастья. Воздух поет от криков и смеха, автомобильных гудков и сердитых возгласов, музыки и выстрелов. Это невозможный город, вечно воюющий сам с собой, в котором прекрасное и ужасное смешиваются, чтобы породить что-то другое, ужасное и прекрасное, но ни на что не похожее.

Всю свою взрослую жизнь я провел здесь. Сражался и истекал кровью, чтобы защитить его жителей от угрозы, которую те считали исключительно плодом воображения.

А теперь – из-за того, что я совершил, – город сошел с ума. Фоморы, «водолазки»... Взбунтовавшиеся призраки-уроды. Сбившиеся перепуганными стадами члены сверхъестественного сообщества.

Я не желал, что так случилось, но это не имело значения. Это я сделал выбор.

Значит, все это лежало на моей совести.

Я смотрел вниз, на черный покой реки. Никто, понял я, не мешает мне прыгнуть туда, вниз. Водяной поток разрушает сверхъестественные энергии, рассеивает их.

А я состоял сейчас исключительно из энергии.

Черная, негромко шепчущая вода могла смыть все.

Стикс. Лета. Забвение.

Моя ученица ранена в самую душу и озлоблена. Мои друзья ведут войну, терзающую их души и умы. Единственный, кто, как я не сомневался, мог бы мне помочь, похищен, и я мало что могу с этим поделаться. Адские погремушки, да я едва нашел кого-то, кто хотя бы может со мной говорить.

Что я вообще могу?

Что можно сделать, чтобы помочь тем, кого ты так подвел? Как все исправить? Чем искупить все зло, которого ты вовсе не желал?

Я даже не заметил, как упал на колени. Воспоминания, вызванные моими размышлениями, захлестывали меня с головой, почти такие же острые и реальные, как сама жизнь. Эти воспоминания тянули за собой другие, нарастая, как горный обвал. Моя жизнь с Чикаго накрыла меня, сокрушала, плющила меня до слез.

А потом все стихло.

Это далось мне нелегко. Громадная, медленная инерция противилась моим мыслям. И все же я поднялся на ноги.

Я отвернулся от реки.

Город не сводился к стали, бетону и стеклу. Как не сводился к гостиницам, офисным зданиям и барам, библиотекам и концертным залам. К моим машине и полуподвальной квартире.

Это был дом.

Мой дом.

Милый дом, Чикаго.

Люди, что жили здесь, были моей семьей. Им угрожала опасность, отчасти и по моей вине. Что ж, значит, все становилось предельно просто.

Плевать, что я мертв. Плевать, что от меня осталась буквальная тень настоящего меня. И плевать, что мой убийца все еще разгуливает по городу, не говоря уже о туманных пророчествах капитана Мёрфи.

Моя работа осталась прежней. Когда в городе выходят на охоту демоны и прочие порождения ночи, я – тот, кто с этим разбирается.

– Пора за дело, – прошептал я сам себе.

А потом сжал руки в кулаки, выпрямился и исчез.

Глава 25

Я опоздал на встречу с Фитцем минут на десять, но он все еще ждал, шатаясь вдоль витрины ближнего магазина; невинности в нем было не больше, чем у единственного ребенка, стоящего рядом со свежесмытым пятном. На плече у него висела здоровенная, явно пустая спортивная сумка. С таким же успехом он мог бы щеголять в черной маске с пришипленным к сумке долларовым значком.

Я возник рядом с ним.

– Какой спокойный у тебя вид, – заметил я. – Бьюсь об заклад, любой коп, что случится здесь, попросил бы тебя поучить его самообладанию.

Фитц дернулся, явно подавив стремление пуститься наутек. Потом повернулся и сплюнул на землю.

– Ты опоздал, Харви.

– Забыл часы завести, – пояснил я.

– А я уж думал, это у меня утром крыша съехала. – Фитц огляделся по сторонам. – Эх, если бы все было так просто.

– А кому сейчас легко? – поддакнул я.

– Значит, ты все-таки есть?

– Есть.

Фитц кивнул:

– Ты говорил, что сможешь. Ты это серьезно?

– Да, – подтвердил я.

Порыв ветра сбил его кучерявую рыжую шевелюру набок. В сочетании с кривоватой ухмылкой это идеально ложилось в образ.

– Отлично. Тогда помогай.

– Ладно, – сказал я. – Поверни налево и иди в ту сторону.

Фитц упер руку в бок:

– Ты же собирался помочь мне с пушками.

– Я этого не говорил, – возразил я. – Тебе нужна помощь, парень, а не железки. Ружья тебе не помогут. – Я подождал, пока он откроет рот, и только тогда перебил его: – Кроме того. Если не будешь меня слушаться, мне придется шепнуть Мёрфи, где прячетесь вы с корешами.

– Ох! – поперхнулся он. – Да ты... ты... сукин сын!

– Прошу прощения?

– Иди в задницу.

– Тебе нужна помощь. Я могу помочь. Но бесплатных завтраков не будет, парень, – произнес я ровным, бесстрастным голосом. – Да ты и сам это понимаешь.

– Поцелуй меня в задницу! – огрызнулся он, поворачиваясь, чтобы уходить.

– Валяй, иди, – сказал я. – Если хочешь лишиться последнего шанса выдернуть свою команду из-под лысого.

Он застыл как вкопанный.

– Куда ты пойдешь? Обрато к лысому? Он убьет тебя за то, что вернулся без оружия. А потом дом захватят Мёрфи со своей командой и Леди-Оборванка. Лысый, скорее всего, слиняет, кинув твоих корешей, после чего проделает все то же самое с какой-нибудь другой детской шайкой.

Фитц повернул голову в мою сторону. Взгляд его горел ненавистью, но он слушал.

– Подумай, парень. Совсем не обязательно заканчивать все так. Поработай со мной, и все будет замечательно.

Ясное дело, я врал. Меньше всего мне хотелось выкладывать Мёрфи такую мишень, тем более при ее нынешних настроениях. И ведь я действительно хотел помочь этому мальчишке – но мне в свое время пришлось побывать в его шкуре. В спасителя на белом коне он бы не поверил. В его мире никто не дает никому ничего задаром – кроме разве что боли. Лучшее, на что можно надеяться, – это обмен, да и то чаще всего тебя надуют. Мне же нужна была его помощь. И получить ее я мог, подбросив какую-нибудь знакомую ему проблему.

– Я не чудовище, Фитц. Честно говоря, мне нет дела до тебя и твоих корешей или до того, что с вами случится. Но я полагаю, ты мог бы помочь мне, а в обмен на твою помощь я готов помочь тебе.

Юнец поморщился и низко опустил голову:

– Выбора особого у меня нет.

– Выбор есть всегда, – спокойно ответил я. – Но у тебя он сейчас довольно ограничен. Так ты в игре?

– Ладно, – буркнул Фитц. – Идет. Попробую.

– Отлично. Тогда поворачивай налево и иди туда. Нам нужно кое-что обсудить.

Он сунул руки в карманы и понуро двинулся в указанном направлении.

– Я даже не знаю, кто ты, черт подери, такой!

– Меня зовут Гарри Дрезден, – представился я.

Фитц споткнулся.

– Мать честная! – выпалил он. – Это... тот самый Гарри Дрезден? Который чародей?

– Первый и единственный.

Он пришел в себя, тряхнул головой и зашагал дальше.

– Я слышал, вас убили.

– Ну... вообще-то, да, – согласился я. – Но я отношусь к этому спокойно.

– Еще говорят, вы псих.

– Что, правда?

Фитц кивнул:

– А еще... – Он нахмурился. Я буквально видел, как вращаются у него в голове шестеренки. – Еще говорят, вы помогаете людям.

– И что?

– Так что из этого правда?

– Что-то одно точно правда, Фитц, – сказал я. – Ты ведь знаешь, болтовня недорого стоит.

Есть только один способ узнать правду.

Фитц склонил голову набок, потом кивнул:

– Ладно. Хорошо. Куда мы идем?

– В гости к старому другу.

Мы свернули на улицу, идущую вдоль северной границы Саутсайда. Я бы не назвал этот квартал трущобным, – в конце концов, трущобы, как правило, полны жизни. Есть в Чикаго места безумно красивые, есть и такие, по которым словно прошелся апокалипсис. Этот квартал при виде приближающегося апокалипсиса только сплюнул бы и задрал нос выше. На сколько хватало глаз, не было видно ни одного остекленного окна – лишь глухие ставни, чаще всего защищенные железными решетками. Или зияющие проемы.

Палисадники перед входом в дома огораживались высокими оградами с колючей проволокой поверху. Пробриться через такие можно только с помощью автогена. Именно автогеном взрезали как минимум одну ограду в поле зрения. Уличные фонари тоже защищались стальными решетками, хотя ни один из них не горел. Даже самая прочная решетка не защитит от дробовика.

Все более или менее ровные поверхности были покрыты граффити. Кажется, это сейчас называется уличным искусством. Я-то считал, искусство создает красоту. Эти надписи обозначали границы территории – примерно так же, как помечают деревья или столбы собаки. Мне приходилось видеть красивые примеры неформального искусства, но тут такими и не пахло. Где-то ухал включенный на полную громкость сабвуфер, и эхо разносилось по всему кварталу, из-за чего снег, казалось, утрамбовывался еще плотнее.

В поле зрения не было заметно ни души. Ни единой. Даже с учетом позднего часа – для Чикаго это редкость.

Фитц огляделся по сторонам и, похоже, пришел к тем же заключениям, что и я при первом моем посещении этих мест: явное запустение, похожие на блокпосты дома, незаконно громкая музыка, которую никто даже не пытается прекратить...

– Это чужая территория, – заявил он, резко останавливаясь. – Я один и без оружия. Я туда не пойду.

– Повелители Зла, – сказал я. – Или они заправляли здесь несколько лет назад. Банда у них крепкая, серьезная, так что, думаю, они все еще здесь.

– Тем более не пойду, – сообщил Фитц.

– Давай же, Фитц. Не такие они и страшные. Для банды, я имею в виду. Если они кого-то убивают, у них почти всегда есть на то веские причины. И они поддерживают на этой улице мир – по крайней мере, если ты не слишком запаздываешь с платежами.

– Угу. Тошнит от такого мира.

Я пожал плечами, хотя он этого и не видел.

– Полиция если и приезжает сюда по вызову, то лишь после того, как все произошло. Поэтому по поводу неприятностей здешним жителям проще и спокойнее обращаться к члену банды, нежели к полицейскому.

– Вы что, поклонник банды?

– Нет. Вовсе нет. Банды опасны. Они правят, опираясь на грубую силу и страх. Но они, по крайней мере, не прикидываются никем другим.

Фитц поморщился, покосившись на свои пустые руки.

– Пожалуй, – пробормотал он, – не мне здесь бросать камни.

– А если бы и бросил, ничего бы не разбил, – заметил я. – Пойми, парень, от тебя мертвого мне никакой пользы. Мы не пойдем вглубь квартала. Первый дом справа. Если ты просто дойдешь до калитки, ты не пересечешь ничьей границы.

Фитц нахмурился:

– Тот, с железными ставнями?

– Угу. Помнишь, что нужно сказать?

– Да, я помню сценарий, – угрюмо буркнул Фитц. – Давайте уже с этим покончим.

– В дверь стучать я не могу.

Он насупился еще сильнее и шагнул вперед.

Крыльцо, к которому он подошел, принадлежало дому, в котором раньше размещались четыре небольших заведения. Клиника, адвокатская контора, продуктовая лавка. Все давным-давно закрылись и зияли теперь выбитыми дверьми и окнами. Остался лишь четвертый владелец. На прикрывавших дверь стальных жалюзи красовалось единственное изображение, которое я назвал бы произведением искусства: большой, почти в натуральную величину, портрет довольно приземистого ангела в перепачканной, изорванной у подола тоге. Его всклокоченная шевелюра не могла скрыть намечающуюся лысину. В одной руке ангел держал пончик, в другой – нацеленный на зрителя обреза.

– Ха! – заметил я. – Надо же какие новшества!

Фитц с опаской косился на изображение:

– Так что это за место?

– Детективное агентство, – объяснил я. – Бюро расследований «Бродячий ангел».

– Оно вроде как закрыто, – заметил Фитц.

– У Ника нет денег на отдельную квартиру, – сказал я. – Он спит здесь. Иногда выпивает. Может, тебе придется постучать погромче.

Фитц еще раз оглянулся на соседние дома, потом на дверь:

– Угу. Круто.

Он постучал по жалюзи.

Ничего не произошло.

Он постучал еще, громче и дольше. С тем же результатом.

– Как следует, парень.

Он свирепо оглянулся в мою сторону, но принялся равномерно, изо всех сил барабанить по рольставню.

Минут через пять из маленького, почти незаметного динамика рядом с дверью послышался шелчок.

– Чего еще? – произнес севший от очевидного злоупотребления алкоголем голос.

– Эм... – замялся Фитц. – Скажите, вы Ник Крисчен?

– А кому он вдруг понадобился?

– Меня зовут Фитц, – представился мой спутник. Голос его звучал выше обыкновенного, из-за чего говоривший казался на несколько лет моложе. – Гарри Дрезден сказал, что я могу, если что, обратиться к вам.

Последовало долгое молчание.

- Дрездена больше нет, – наконец тяжело произнес голос Ника.
- Поэтому я и здесь, – ответил Фитц. – Мне больше некуда идти.
- Черт! – раздраженно проворчал Ник. – Это он велел тебе так сказать, да?

Фитц выглядел слегка озадаченным:

- Ну... вообще-то, да.
- Стар я стал для таких фокусов, – буркнул Ник.

Несколько раз щелкнул замок, и рольставень с громким протяжным скрежетом уполз вверх.

Ник Крисчен мало изменился со времени нашей последней встречи. Роста он невысокого, с брюшком, лет ему сильно за пятьдесят, но внимательный, живой взгляд темных глаз, кажется, схватывает абсолютно все. Лысина его, правда, заметно увеличилась. И пузо. Он щеголял в боксерских шортах и белой майке; в правой руке он держал бейсбольную битку. Ежась от холода, Ник свирепо оглядел Фитца:

– Ладно, парень. Заходи, не стой на морозе. И держи руки на виду, если не хочешь, чтобы я тебе мозги вышиб.

Держа руки ладонями вперед перед собой, Фитц вошел. Я шагнул за ним. У дома, конечно, имелся порог, но чертовски слабый – не стена, а так, тюлевая занавеска. Должно быть, это из-за совмещения работы с домашним бытом, решил я. Преодоление его не потребовало с моей стороны особых усилий.

– Вот так, – кивнул Ник. – Опустить жалюзи и запри дверь. На все замки.

Пару секунд Фитц подозрительно косился на Ника. Суровый опыт жизни на улице явно не советовал ему оставаться взаперти в странном доме со странным стариканом.

– Все в порядке, Фитц, – заверил я его. – Он может вышвырнуть тебя за дверь, если ты доставишь ему неприятности, но никакого вреда тебе не причинит.

Фитц снова сердито покосился в мою сторону, но все же повернулся и послушно выполнил все инструкции.

Мы стояли в конторе, состоявшей из одной-единственной комнаты. Комната эта напоминала... Черт возьми, она почти в точности напоминала мою, хотя до сих пор мне и в голову не приходило их сравнивать. Старые шкафчики с картотеками, кофеварка, стол и пара стульев, которые приходилось сдвигать в самый угол, чтобы освободить место для старой алюминиевой раскладушки. У Ника также имелись компьютер и телевизор, чего никогда не было в моем офисе. Ник не был чародеем – просто старым сыщиком с набором стальных принципов и самоназначенным мандатом помогать людям находить их пропавших детей.

Еще на стене висело семь фотографий размером восемь на десять – дети в возрасте от шести до тринадцати лет. Висевшие слева изрядно выцвели; прически и одежда на них казались старомодными.

Ник обошел свой стол, уселся, достал из верхнего ящика бутылку водки и сделал большой глоток. Потом завинтил крышку, убрал бутылку обратно и настороженно посмотрел на Фитца:

- Я не лезу в дела, которые ведет Дрезден. Они мне не по зубам, и я это знаю.
- Всякие волшебные штуки, – сказал Фитц.

Ник поежился и скосил взгляд на верхний ящик стола:

– Угу. Именно они. Так что, если ты явился ко мне с этим, тебе не повезло.

– Нет, – мотнул головой Фитц. – Это касается банд. Дрезден говорил, вы много про них знаете.

Ник пожал плечами:

- Ну, есть немного.
- Одного моего знакомого похитили, – продолжал Фитц. – Вот описание типа, который, как мы думаем, это сделал.

Фитц выложил то, что мне запомнилось о громиле, вломившемся в дом Морти.

Ник выслушал, не перебивая. Потом кивнул:

– Кто тебе этот человек?

– Понятия не имею, – ответил Фитц. – Вы спец, не я.

– Не похититель, – вздохнул Ник. – Жертва.

Фитц почти не колебался:

– Мой дядя.

Ник подумал немного.

– Я слишком стар, чтобы меня среди ночи вытаскивали из постели и ввели за нос. Проваливай.

– Постойте! – Фитц протянул руку. – Подождите, пожалуйста!

Ник снова выдвинул верхний ящик, только на этот раз достал из него старый кольт. Он даже не стал наводить его на Фитца.

– Хорошая попытка, мальчик. Но и я не первый день в этом городе. Ступай к двери – с замками, я думаю, справишься.

– Черт возьми! – пробормотал я. – Фитц, слушай меня внимательно. Передай ему то, что я скажу, слово в слово.

Фитц выслушал меня и кивнул:

– Я не могу поведать вам всего, мистер Крисчен. У меня есть на то причины. Дрезден говорил, у вас с ним был уговор. Что вы не хотите иметь ничего общего с тем, чем занимался он.

– Не хочу, – подтвердил Ник. – Убирайся.

Я продиктовал Фитцу следующую строку.

– А еще он говорил, что вы перед ним в долгу.

Ник подозрительно сощурился:

– В каком еще долгу?

Фитц выслушал меня и сказал:

– За деньги и славу, которые вам принесло дело Асторов.

Ник удивленно выгнул бровь:

– Какого... – Он отвел взгляд и покачал головой. Улыбку с лица ему, правда, согнать не удалось, и в конце концов он все-таки фыркнул. Когда он заговорил, в голосе его явственно слышался смех. – Что ж, это похоже на Гарри.

У Асторов пропала маленькая дочь. Ее родители беспокоились не столько за нее, сколько за ту славу, что принесло им похищение. На самом-то деле она просто от них сбежала, но они наняли специалиста по розыску пропавших детей Ника Крисчена и его ассистента Гарри Дрездена, чтобы те ее нашли. Нам это удалось. Никто ее не похищал, но Асторы уже раструбили о похищении на весь белый свет и поэтому – в отсутствие настоящих похитителей – назначили на эту роль нас с Ником. В общем, от нас потребовалась та еще ловкость, чтобы вернуть девочку под родительское крыло, а самим при этом не угодить в тюрьму. На нас, ясное дело, подали в суд. Судья снял с нас все обвинения. Однако с учетом всех расходов возвращение девочки обошлось Нику почти в две тысячи баксов.

Ник не хотел браться за это дело. Я уговорил его. Он хотел отказаться от поиска и умыть руки, стоило мне удостовериться в том, что ребенок находится на свободе. Я уговорил его продолжать до тех пор, пока девочка не окажется в полной безопасности. Когда моей работе и одновременно учебе у Ника пришел конец, Ник вместо выпускного подарка простил мне две тысячи, которые я ему задолжал.

– Ты хорошо его знал? – спросил Ник.

– Он был моим вроде как наставником, – ответил Фитц. – Иногда мне кажется, что он все еще здесь, рядом со мной.

Ник хмыкнул:

– Наставником по сыскному делу или еще по чему-либо?

Фитц изобразил деловое лицо:

– Я не имею права отвечать на этот вопрос.

– Хм. – Ник кивнул. – Поговаривали, что он завел себе ученика. Значит, ты держишь меня подальше от своего дела для моей безопасности.

– Да.

– И тебе нужна всего лишь информация? Ты не хочешь, чтобы я работал на месте?

– Верно.

– Хм. – Ник почесал за ухом и вздохнул. – Ну ладно. Что еще ты можешь рассказать о том типе?

Я подсказал Фитцу следующую реплику:

– Он был совсем псих.

– Черт знает сколько гангстеров психи, парень, – хмыкнул Ник. – Или близко к тому.

– Не в смысле денег, наркотиков, секса или насилия, – уточнил Фитц. – В смысле всяких жутких ритуалов.

– Хм, – пробормотал Ник. На лбу его обозначилась вертикальная складка. – Есть тут одни, все время щеголяют в толстовках с поднятыми капюшонами. Объявились года три или четыре назад. Сами они себя никак не называют, но местные банды их кличут «Большими капюшонами». Про них мало что известно.

– Отлично, – сообщил я Фитцу. – Похоже на тех засранцев, которых мы ищем. Спроси, где они тусуются.

– В туннеле под шоссе Эйзенхауэра, на южном конце Митпэкинга. Другие банды считают, что они совсем сбрендили, если гнездятся в местах, где полным-полно копов, но почему-то эти «Капюшоны» не привлекают к себе внимания полиции. – Ник прищурился. – Думаю, они даже на ту территорию прав не заявляли. А больше ничего не знаю.

– Потому что они не банда, только и всего, – сказал я. – Отлично, Фитц. Пошли.

– Спасибо, – поблагодарил Фитц Ника.

– Скажи спасибо Дрездену. Другому я бы столько не рассказал.

– Обязательно передам. – Секунду-другую Фитц внимательно смотрел на Ника. – А чем вы здесь занимаетесь?

– Как частный коп? – уточнил Ник. – Копаю кой-какие дела, чтобы топка не погасла... разводы и все такое. Но по большей части ищу пропавших детей.

– Давно этим занимаетесь?

– Тридцать лет.

– Нашли кого-нибудь?

– А как же.

– Живыми и здоровыми?

Довольно долго Ник пристально смотрел на Фитца. Потом ткнул пальцем себе за спину, на стену с фотографиями.

– Семерых? – спросил Фитц.

– Семерых, – подтвердил Ник.

– За тридцать лет? Вы живете вот так, и... семерых? Всего семерых?

Ник откинулся на спинку стула и чуть улыбнулся Фитцу:

– Не так уж и мало.

– Да он совсем из ума выжил, – заявил Фитц, когда мы оказались на улице.

– Угу, – согласился я. – А еще он помогает людям.

Фитц насупился и ускорил шаг, чтобы скорее оказаться за пределами владений Повелителей. Несколько кварталов он молчал, явно погруженный в свои мысли. Наконец он поднял взгляд:

- Вы еще здесь?
- Угу.
- Ладно. Я вам помог? Давайте платите.
- Хорошо, – согласился я. – На следующем перекрестке сверни направо.
- Зачем?
- Чтобы я смог познакомить тебя с тем, кто может помочь.

Фитц возмущенно шмыгнул носом:

- Вы ведь не из тех, кому нравится просто, прямо отвечать на вопрос.
- Не то что не нравится. Просто у меня так лучше получается.

Фитц фыркнул:

- А этот, к кому мы идем, тоже не дурак выпить?
- Нет. Этот трезв как священник.
- Ну хоть так, – вздохнул Фитц и зашагал дальше.

Глава 26

- Да вы шутите, – сказал Фитц.

Мы стояли перед церковью Святой Марии Всех Ангелов. Хотя называть это здание церковью – все равно что обозвать озеро Мичиган прорубью для купания. Этот храм огромен, занимает целый городской квартал и является одним из архитектурных достопримечательностей Чикаго. Великолепная постройка, настоящий образец готического искусства, красивая как снаружи, так и внутри. А еще церковь Святой Марии часто служит убежищем для людей с такими проблемами, с какими столкнулся Фитц.

Сам же мальчишка к этому времени имел довольно неважный вид. Мы одолели за вечер изрядное расстояние, и, хотя мороз вроде немного поубавился, воздух все равно оставался холодным, так что даже несколько слоев одежды с чужого плеча не слишком-то защищали Фитца. Уличной детворе вообще плохо приходится зимой – их недокормленные тела быстро теряют тепло. Конечно, отчасти с этим помогала бороться закалка, но Фитц здорово устал, а еще я вспомнил, что он, возможно, не ел с нашей прошлой встречи минувшим утром.

Он стоял, крепко обхватив себя руками, дрожа, но все же пытаясь делать вид, что все в порядке. Зубы у него, правда, все равно стучали, как кастаньеты.

- Тут живет один мой знакомый, – сказал я. – Зайди с черного входа и стучи, пока тебе не откроют. Спроси отца Фортхилла.

Фитц скептически скривился:

- Что он для меня сделает?

– Для начала даст тебе теплое одеяло и горячей еды. Послушай, парень, я предлагаю здесь тебе лучшее. Фортхилл – порядочный человек. Потому он так и поступит.

Фитц скрежетнул зубами:

– Это не поможет мне отнять пушки. Без них я не смогу вернуться. А если не смогу вернуться – не смогу вытащить моих корешей.

– Зайди, не бойся, – уговаривал я его. – Переговори с Фортхиллом. Перекуси. Если решишь, что тебе нужно вернуться и попытаться откопать свои железяки из того сугроба, у тебя еще полно времени до рассвета.

Фитц упрямо выставил вперед подбородок.

– Выбирай сам, парень, – сказал я. – Но разгуливать по такому морозу на пустой желудок вредно для здоровья. Сколько там у тебя пушек, семь? И большая часть – автоматы? Это будет

фунтов сорок. А с рожками и всем прочим, считай, пятьдесят. Как думаешь, тебе удастся раскопать прихваченный морозом сугроб, достать оружие, погрузить его в сумку, а потом переть на себе почти час – в самое холодное время суток? Впроголодь? И чтобы тебе при этом не встретилось ни одного копа, которому обязательно захочется узнать, что это парень твоего возраста делает поздней ночью, да еще с такой тяжелой сумкой?

Фитц сморщил нос.

– По крайней мере, съешь чертов сэндвич на дорогу.

В животе у Фитца громко заурчало, и он вздохнул:

– Угу. Ладно.

Фитцу пришлось ждать минут пять, пока ему открыли. И сделал это пожилой мужчина с кислой физиономией, в тяжелом коричневом халате, отдаленно напоминавшем монашескую рясу. Его звали отец Пауло, и он относился к себе очень серьезно.

Фитц сказал, что ему нужно поговорить с отцом Фортхиллом и что это вопрос жизни и смерти. Ему пришлось несколько минут подкреплять свое заявление аргументами, и только тогда отец Пауло со вздохом впустил его в дом.

– Стой здесь! – строго велел Пауло, наставительно указывая пальцем на Фитца.

Парень потоптался на месте и кивнул.

– Ясно, – сказал он и тут же сделал пробный шаг в сторону.

Священник уже собирался выйти из прихожей, но смерил мальчишку взглядом, суровости которого позавидовал бы и кардинал.

Вообще-то, нехорошо было подрывать авторитет Пауло гнусным смешком, но я не удержался. Очень все это получилось комично.

Не прошло и нескольких секунд, как в прихожую вошел Фортхилл, в темном халате поверх фланелевой пижамы. Обут он был в пушистые шлепанцы, а волосы вокруг тонзуры торчали под всеми мыслимыми углами. Его ярко-голубые глаза без привычных очков немного слезились. Секунду-другую он подслеповато всматривался в Фитца.

– Могу я чем-то тебе помочь, сын мой? – поинтересовался он.

– Гарри Дрезден сказал, что можете, – ответил Фитц.

Фортхилл приподнял брови:

– А! Если так, идем со мной.

Фитц огляделся по сторонам и кивнул:

– Угу.

Фортхилл поманил Фитца и повел его по коридорам в скромно обставленную комнатку, служившую ему кабинетом и спальней. Площадью она не превышала десяти квадратных футов, и ее обстановка состояла из кровати, стола, стула и пары ламп. Фортхилл пригласил Фитца войти и закрыл за ним дверь.

– Будь добр, садись, сын мой.

Фитц еще раз огляделся по сторонам и сел на стул. Фортхилл кивнул и присел на край кровати.

– Сначала о главном, – произнес он, хитро сощурившись. – Как лучше поступим: чтобы начал разговор я, а ты смог бы вставить ехидный комментарий насчет католических священников и педофилии или ты сам начнешь беседу так, как считаешь нужным?

Фитц пару раз моргнул:

– Что?

– Подобные комментарии сейчас в моде. Мне не хотелось бы лишать тебя возможности развлечься.

– А... Хм... Да нет, отче, все в порядке.

Фортхилл серьезно кивнул:

– Как считаешь нужным. Что ж, тогда, возможно, нам стоит побеседовать о твоих проблемах?

– Идет.

– Раз так, – продолжал священник, – не расскажешь ли ты для начала, когда Дрезден посоветовал тебе обратиться сюда за помощью?

– Э-э-э... – замялся Фитц и оглянулся, словно искал меня взглядом.

– Отвечай, – сказал я ему. – Скажи ему правду. Все в порядке.

Фитц сделал глубокий вдох, словно собирался броситься в омут.

– С пол часа назад, отче.

Брови Фортхилла сложились на лбу треугольником.

– Да?

– Ну... да, – подтвердил Фитц, беспокойно шаря взглядом из стороны в сторону. – Я... это... слышу умерших людей.

– Должно быть, это действует на нервы.

– Я не псих, – поспешно заявил Фитц.

– У меня и в мыслях ничего такого не было, сын мой, – заверил его Фортхилл.

Фитц подозрительно покосился на собеседника:

– Вы мне верите?

Старый священник одарил его мальчишеской улыбкой:

– Мне хорошо известны сверхъестественные аспекты жизни нашего города – равно как и то, что последние месяцев шесть или около того улицы его сделались особенно опасны.

– Это... очень мягко сказано, отче, – сказал Фитц.

Священник кивнул.

– Уверен, твой личный опыт не из легких, – заметил он. – Не буду отягощать его еще и моим недоверием.

Фитц на мгновение прикусил губу:

– Угу.

– Еще мне известно, – продолжал Фортхилл, – что тень Дрездена продолжает принимать участие в наших делах. Я так понимаю, ты именно с ней разговаривал?

– Угу.

Фортхилл кивнул и обвел комнату взглядом:

– Он... он ведь здесь, с тобой?

– Ух ты! – восхищенно произнес я. – Очко в пользу Фортхилла.

– Угу, – со вздохом подтвердил Фитц. – Он... вроде как болтает без умолку.

Фортхилл усмехнулся:

– Он вообще отличается... то есть отличался настойчивостью.

– Он и сейчас такой, – согласился Фитц.

– Ясно, – сказал священник. – Сын мой, уверен, ты сам понимаешь, какое сейчас опасное время. Боюсь, мне придется попросить этого... духа каким-нибудь образом доказать, что он действительно тот, за кого себя выдает.

Фитц устало посмотрел на священника, потом огляделся по сторонам:

– Вы слышали?

– Угу, – подтвердил я, подошел к противоположной стене и просунул сквозь нее голову.

С той стороны находилось темное пространство, потайная кладовая, в которой едва помещалось два небольших шкафчика. Про эту кладовую не знал никто, кроме самого Фортхилла, но когда я работал на архангела, мы с Майклом Карпенгером видели, как Фортхилл отпирает тайную дверцу.

– Подойди сюда, – сказал я. – Постучи в стену, вот здесь. Фортхилл поймет, что это означает.

– Э-э-э, чувак, – проговорил Фитц. – Я же не вижу, где вы находитесь.

Я вздохнул:

– Ты слышишь мой голос?

– Угу, – кивнул он. – Только он... вроде как бестелесный. Словно как ниоткуда.

Что ж, это было не лишено логики. Мой голос доносился до него не физически. Способность Фитца ощущать духов проявлялась в том, что его мозг воспринимал мои слова как сигналы, получаемые органами слуха.

– Хм, ладно, – кивнул я. – Подойди к стене, дальней от входа, – ты входил через дверь прямо на нее.

– Он пытается сказать мне, – объяснил Фитц Фортхиллу, – как доказать, что он не фальшивка.

Он встал со стула и пересек комнату.

– Отлично, – сказал я. – Положи руку на стену. Теперь иди направо. Еще чуть-чуть. Нет, немного назад. Вот так, теперь дюймов на девять вниз – и постучи сюда.

Фитц проделал все, как я сказал, и повернулся к Фортхиллу:

– Это вам что-нибудь говорит?

Старый священник задумчиво кивнул:

– Говорит. Очень даже говорит.

– Чувак, – покачал головой Фитц. – Ох уж это старичье...

Фортхилл улыбнулся:

– Что ж, сын мой. Ты и вправду так замерз и проголодался, как кажется?

Фитц попытался изобразить безразличие:

– Поесть я, наверное, мог бы.

– А скажи, много времени прошло с тех пор, как ты в последний раз принимал горячий душ?

Фитц закатил глаза:

– Ну, если честно, я и не знаю, что это такое.

Фортхилл усмехнулся.

– Дрезден, – произнес он, обращаясь в пустое пространство, – уверен, вы спешите и вас жестко поджимают сроки, но я не буду иметь с вами дела, пока не удостоверюсь, что с мальчиком все в порядке. – Он повернулся к Фитцу. – Вот за этой дверью моя ванная. Там есть душ. Под раковиной стоит картонная коробка, а в ней кое-какая одежда. Я держу ее под рукой как раз на случай вроде этого. Не стесняйся, бери любую.

Фитц глазел на него, недоуменно хмурясь:

– Э... Хорошо.

– Приведи себя в порядок, – продолжал Фортхилл тоном, не терпящим пререканий. – Пока ты будешь мыться, я пойду раздобуду что-нибудь поесть. Ты предпочитаешь чай или какао?

– Э-э-э... – пробормотал Фитц. – Наверное, какао.

– Замечательный выбор, – кивнул Фортхилл. – С твоего позволения...

Он повернулся и вышел из комнаты.

Фитц сразу же принялся изучать обстановку.

– Сомневаюсь, чтобы здесь многим можно было пожить, – заметил я. – Материальные блага заботят Фортхилла очень мало.

– Да вы шутите? Вы только посмотрите. Одеяла, простыни. – Он заглянул под кровать. – Одной обуви три пары. На порядок больше, чем у всей моей команды. Зеро – тот вообще ходит в четырех парах носков и домашних тапках.

– Этот парень предлагает тебе еду и одежду, – сказал я. – И ты всерьез хочешь его ограбить?

Фитц пожал плечами:

– Тут не до жиру, быть бы живу. Я так живу. Все так живут. Ничего личного. – Он заглянул к Фортхиллу в гардероб, в котором висело от силы полдюжины предметов одежды, и покачал головой. – Эх... Он наверняка заметит, если я возьму что-то.

Он покосился на дверь ванной.

– Ступай, – посоветовал я. – Можешь запереть за собой дверь. Поверь мне, парень, Фортхилл из породы хороших людей.

– Это выдумка, – буркнул Фитц. – Хороших не бывает. Или плохих. Просто люди.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразил я.

– Слыхали мы эту песню. Те, кто хочет тебя использовать, всегда говорят, что они хорошие. Вот и вы из таких.

– Ха! – хмыкнул я. – Я – нет. Я заносчивая задница. Но я знаю, на что похожи хорошие люди, и Фортхилл как раз такой.

– Да ладно вам, – сказал Фитц. – Я не мылся две недели. Если я попрошу не лезть за мной следом, вы послушаетесь? Или мне придется и там слушать вашу болтовню?

– Извини, Фитц. Ты не в моем вкусе.

Он фыркнул, зашел в ванную и запер за собой дверь. Спустя пару секунд я услышал, как зашумела за дверью вода.

Я еще немного постоял в комнате священника. Все здесь было просто, скромно, удобно и недорого. Плед, накрывавший постель, выглядел так, словно его выткала мать Фортхилла, когда тот собирался поступать в семинарию. У изголовья лежала Библия в изрядно потрепанном переплете.

Я покачал головой. Конечно, меня не то чтобы показывали по телеканалу МТВ в разделе светской хроники, но даже у меня пожитков было больше, чем у отца Фортхилла. Как может человек жить, довольствуясь столь малым? Не имея чего-либо постоянного, чего-либо такого, что можно оставить после себя. Чего-либо такого, что вообще свидетельствовало бы о его существовании.

Наверное, решил я, такие люди вообще мало заморачиваются вопросами собственного существования. Чужие жизни волнуют их куда больше, чем собственные, – настолько, что эту свою жизнь, на самом деле не менее мимолетную и бесценную, чем любая другая, они целиком посвящают служению вере и людям. Без лишней шумихи, лишние славы и почестей.

Фортхилл и люди, подобные ему, живут со своей паствой, поэтому изжить воспоминания о том, чего они сознательно себя лишили, им не удастся никогда. При этом он никогда не требовал к себе особого внимания, тем более жалости или сострадания. Как тяжело для него, должно быть, навещать огромную, полную любви семью Карпендер – ему, прекрасно знающему, что своей семьи у него не будет никогда... Задумывался ли он вообще когда-нибудь, как могла бы сложиться его жизнь, будь у него семья? Какой могла бы быть его жена? Дети? Как знать...

Наверное, это и есть настоящее самопожертвование.

Я застал Фортхилла на церковной кухне; он готовил обед из того, что осталось от дневных трапез. В свое время, когда эта церковь служила прибежищем мне, меня угощали сэндвичами. Фитц заслужил обеда капитальнее. Горячего супа, пары сэндвичей с индейкой и тунцом, печеной картошки, половины кукурузного початка и маленькой миски салата.

Стоило мне войти на кухню, как Фортхилл застыл и чуть улыбнулся в никуда.

– Привет, Гарри, – произнес он. – Если это, конечно, вы.

– Это я, отче, – ответил я.

Ясное дело, он меня не слышал, и я прекрасно это осознавал, но не мог же я просто не ответить... Получилось бы как-то невежливо.

– Сегодня вечером у меня вышел непростой разговор с Кэррин, – продолжал Фортхилл. – Она сказала, что вы нашли тех, кто обстрелял ее дом накануне ночью. И что вы хотели бы, чтобы мы им помогли.

– Я понимаю, – вздохнул я, – это выглядит безумием, но...

– Мне кажется, для Кэррин это и впрямь представляется безумием, – кивнул Фортхилл. – Однако я считаю, что ваше сострадание заслуживает уважения. Насколько я догадываюсь, мальчик – один из членов той шайки.

Он кончил возиться с едой и повернулся более или менее лицом ко мне:

– Не беспокойтесь. В мои намерения не входит впутывать в эту ситуацию мисс Мёрфи – по крайней мере, в ближайшее время. С тех пор как вас убили, ее суждения не отличаются особой объективностью, и с этим становится все хуже по мере того, как обстановка обостряется.

Я немного расслабился.

– Я так и надеялся.

– Мальчик может пока остаться здесь. Я с ним переговорю. Уверен, он посвятит меня в подробности своего положения. А после этого я поступлю так, как подскажет мне моя совесть.

– О большем я вас и не прошу, отче, – кивнул я. – Спасибо.

Он взял со стола деревянный поднос с приготовленной для Фитца едой и ненадолго задержался.

– Жаль, что мы не можем поговорить по-настоящему. Мне было бы интересно узнать, что вы испытали. Наверняка это совершенно захватывающая история. Хроника одной из самых загадочных функций Творения – самой смерти...

– Не-а, – сказал я. – Всякие загадки вовсе не кончаются и по ту сторону. Просто еще больше возни с бумагами.

– А еще мне представляется интересным, что вы находитесь здесь, на освященной территории, – продолжал Фортхилл. – Насколько я помню, последний дух, который пытался войти в эту церковь, не смог даже коснуться ее стен, не говоря уже о том, чтобы переступить порог. Что бы это значило?

Он наклонил голову в вежливом кивке, направленном более или менее в мою сторону, и вышел.

Хороший вопрос, подумал я, – насчет духа и освященной территории. Когда Леонид Кравос, он же Кошмар, явился сюда убивать мою клиентку, которую я укрывал здесь, в церкви, войти ему так и не удалось. Единственное, на что его хватило, – это причинить с досады ущерб в несколько тысяч долларов окружению и благоустройству.

А ведь Кошмар как тень был на порядок сильнее меня в моем нынешнем состоянии. Тогда почему же я мог чувствовать себя здесь как дома, тогда как ему повезло не больше, чем Большому Злому Волку у дома Наф-Нафа, третьего поросенка?

– Ладно, сделаем зарубку на память, – сказал я себе. – Таинственными аномалиями займемся после. А пока надо помочь друзьям.

Время от времени я даю себе отличные советы. Случается, я даже к ним прислушиваюсь. Пришло время навестить Серое Привидение и его «Капюшонов».

Глава 27

Я направлялся к «Большим капюшонам», держа в голове несколько важных обстоятельств.

Обстоятельство первое: сами по себе «капюшоны» не способны причинить мне никакого вреда.

Обстоятельство второе: я тоже не мог сделать с «капюшонами» ничего. Вообще ничего.

Обстоятельство третье: судя по всему, руководило «капюшонами» Серое Привидение – тот самый дух, что при нападении на дом Морти разбрасывался молниями, как семечками. Из этого следовало, что Серое Привидение является тенью человека, обладавшего, как минимум, способностями заклинателя, и хотя я не сомневался, что смогу выстоять против него, если буду готов к нападению, но застань оно меня врасплох, и я закончу тем же, чем завершил свое существование сэра Стюарт, – причем быстрее, чем вы успеете сказать «ку-ку».

Обстоятельство четвертое: вокруг Серого Привидения постоянно ошивается шайка лемуров. В то время как мое агрегатное состояние не позволяет мне воздействовать на живых, по отношению к лемурам и им подобным мои заклятия остаются более чем эффективными. В поединке один на один все преимущества были бы на моей стороне, однако, скорее всего, они навалятся на меня всем скопом, а возможно, попробуют прежде измотать меня, напустив армию духов.

Обстоятельство пятое: если Серое Привидение командует смертными сектантами, те могут принять и собственные меры защиты от призраков. Меня могут поджидать ловушки в виде заговоренных кругов. Меня могут дожидаться обереги или другие магические барьеры. Либо опасные для здоровья духа вещества вроде антипризрачного порошка. Если я вступлю туда в благостном и безмятежном настроении, я могу напороться на серьезные неприятности.

Обстоятельство шестое: мир велик и потусторонних существ в нем не счесть, а призраки составляют лишь мизерную их часть. В конфликт запросто может вмешаться и кто угодно другой. Если уже активно в нем не участвует.

– Держи ухо востро, Дрезден, – наказал я себе. – Даже допускать не смей, что это ограниченная, локальная проблема. Велика вероятность, что она является частью другой, куда более крупной и сложной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.